

Евгений Жуков

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Том 5

**Апостольское Предание
о жизни во Христе**

Введение

После всех этих мистических практик востока и запада, юга и севера, после парахристиан, после опустошений и созерцаний, после энергетических центров и бормотаний мантро-молитв, после всего это языческого и псевдохристианского калейдоскопа трансперсональных погружений в глубины «божественного мрака», после еретических и антихристианских идей обожения, так хочется послушать христиан. Их писания, их сочинения, их письма и трактаты. Послушать дивную мелодию христианского благовестия, вдохнуть чистый воздух ничем не заслуженной благодати, опустить ладони в тихий, чистый, прохладный ручей «правды и силы Божией ко спасению всякого верующего».

В последнем томе я рассмотрю учение о спасении, как его знала Церковь в первом веке своего существования. Я рассмотрю писания трех апостольских отцов и покажу, что учение о спасении в результате заместительной жертвы Христа, в акте примирения с Богом, через передачу праведности Иисуса нам и нашего греха Ему, благодаря ничем не обусловленной благодати, путем нового рождения и облечения во Христа, соделывает всех искренно верующих и полагающих свое всецелое упование на дело Христа и Его кровь реально, а не потенциально, святыми, вводя в них уже сейчас вечную жизнь и уверенность в своем совершенном спасении, так вот такое учение является единственным Преданием, которое можно назвать апостольским.

Я приведу мнения православных архипастырей и пастырей, подтверждающих мою позицию. В завершении я покажу, что такое мистическое единение верующих со Христом, как его понимали апостолы. И предложу некоторые размышления о практическом руководстве к такому единению.

Климент Римский

Послание к коринфянам Климента — это не богословский трактат. Это письмо боли. Боли о разделении, ссорах, распрях. Это письмо имеет четко выраженную последовательность повествования и порядок тем.

Сначала Климент говорит о губительной зависти, которая, по его мнению, стала причиной разделений. Климент напоминает, что зависть стала причиной даже убийства и мученичества Петра и Павла. Далее он напоминает, что Господь каждого примет в покаянии. Затем он напоминает, что не голой верой спасены были древние праведники, но послушанием Богу из своей веры. Для этого нужно явить смирение. В смирении мы должны искать мир. Он напоминает им, что скоро придет Христос и будет судить людей по их делам. Увещает их сколько благ получит тот, кого Христос найдет живущим праведно.

Однако, в центральной части послания он одними из самых ярких слов, совершенно однозначно заявляет, что наше оправдание принадлежит только вере, а не делам. Однако, верой мы только входим в дом Отчий, а пребываем мы в нем делами любви к братству. Путь веры и дел любви ведет нас к союзу во Христе, в котором, и в Нем одном, всякое наше благословение от Бога, а не в самих себе. Живя так, мы должны быть послушны и покорны Церкви через пресвитеров и епископов, если те не учат поступать против нашей совести и веры, ибо *«все, что не по вере — грех»*.

Мы должны понимать, что это не богословский трактат, а пастырское письмо, призывающее к миру и любви в Церкви. Несмотря на это, вот, что мы можем выделить для целей нашего исследования:

*«Итак, оставим пустые и суетные заботы, и обратимся к славному и досточтимому правилу **святого звания нашего**. Будем смотреть на то, что добро, что угодно и приятно Создателю нашему. **Обратим внимание на кровь Христа, — и увидим, как драгоценна пред Богом кровь Его, которая была пролита для нашего спасения, и всему миру принесла благодать покаяния**».*

Наше звание свято. Какое звание в армии? Майор, капитан. А у нас? Какие на нас погоны? Святость. Не призыв к святости. А уже сама святость во Христе. Наша проблема в том, что мы в это не верим. Скажи человеку сто раз, что он свинья и на сто первый он захрюкает. А если обратное? Говорите людям, что они святы. Может взлетят? Или хоть не так громко захотят хрюкать.

*«И поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность. За веру и гостеприимство был дан ему в старости сын, но он из послушания принес его в жертву Богу на одной из показанных от Него гор (Быт. 21, 22; см. Евр. 11, 17). Авраам, названный другом, найден верным по своему послушанию словам Божиим. Он из послушания вышел из земли своей, и от родства своего, и из дому отца своего, чтобы, оставив землю малую, родство малосильное и небольшой дом, наследовать обетованию Божию. Итак, взывем благословения Его, и посмотрим, какие пути приводят к благословению. Вспомним, что было от начала. За что был благословен отец наш Авраам? Не за то ли, что **по вере своей творил правду и истину?**»*

Вера в Бога вводит нас в дом Отца. Облекает во Христа. И теперь мы можем, по меры веры, по силам и устройению, жить праведно в Отчем доме. Но спасает, то есть из наркологической клиники, из тюрьмы строго режима, в теплый родительский дом вводит одна вера. Но шприцы надо выбросить по дороге. Воровать в Отчем доме уже не нужно. Эти привычки нужно оставить. А что сразу не получается — сокрушаться и просить.

«За веру и гостеприимство была спасена Раав блудница. Когда Иисусом Навином были посланы соглядатаи в Иерихон, и царь земли той узнал, что они пришли осматривать его землю, то послал людей схватить их, чтобы схватив, предать их смерти. Но гостеприимная Раав, принявши их к себе, скрыла на верху своего дома в снопах льна».

То же самое. В Евр. 11 перечислены праведники по вере. Но Климент уточняет, что вера, которая привела к делам.

*«Этою заповедью и этими внушениями утвердим себя, чтобы ходить со смирением, **повинуясь святым повелениям Его**. Ибо святое слово говорит: «на кого воззрю, — только на кроткого и тихого, и трепещущего слов Моих» (Ис. 16, 2)».*

Далее, Климент, вслед за все отцами апостольского века, указывает на главный сотериологический аспект — жертву Христа. Он опять, как и все, цитирует Исаию:

*«Он грехи наши носит и за нас страдает; а мы думали, что Он праведно подвержен страданию, и язве, и мучению; но **Он уязвлен был за грехи наши и мучен был за беззакония наши; наказание мира нашего на Нем, чрез рану Его мы исцелились**. Все мы, как овцы, заблудились; всякий человек блуждал на пути своем, и **Господь предал Его за грехи наши**. Будем благоговеть пред Господом Иисусом Христом **Коего кровь предана за нас...**»*

И далее одни из самых ясных, недвусмысленных слов об оправдании одной верой:

*«Если кто рассмотрит все в подробности, то познает величие даров, данных от Бога. От Иакова все священники и левиты, служащие при жертвеннике Божиим. От него Господь Иисус по плоти: от него цари, начальники, вожди чрез Иуду; и прочие его колена в немалой славе, так как обещал Бог: «будет семя твое, как звезды небесные» (Быт. 22:17, 28:4). И все они **прославились и возвеличились не сами собою, и не***

делами своими, и не правотой действий, совершенных ими, но волей Божией. Так и мы, будучи призваны по воле Его во Христе Иисусе, оправдываемся не сами собою, и не своею мудростью, или разумом, или благочестием, или делами, в святости сердца нами совершаемыми, но посредством веры, которой Вседержитель Бог от века всех оправдывал («оправдал», аорист — завершённое действие в прошлом, «Е. Ж.»). Ему да будет слава во веки веков. Аминь».

Это отдельная большая тема. Бог от начала веков постановил, предопределил к славе народ Божий, Церковь в Сыне Своем. И все, кто входит в Церковь через Него верой и пребывает делами веры, — прославлен прежде основания мира. В данном исследовании не будем на этом останавливаться.

Далее Климент спрашивает, как любят наши недоумевающие о спасении одной верой братья во Христе: *«Итак, что нам делать, братья? Отстать ли от добродетели и любви?»*

То есть, что же, если я спасен, так «буду есть и пить». Как говорил Ипполит Воробьянинов Лизе: *«Поедемте в номера»!* Это много говорит о твоей вере, брат, если без страха гибели ты готов жить как язычник.

Климент отвечает:

«Отнюдь нет, не дай Господь, чтоб это случилось с нами; напротив, со всем усилием и готовностью поспешим совершать всякое доброе дело. Познаем также, что все праведные украсились добрыми делами; и Сам Господь радовался, украсив Себя делами. Имея такой пример, неленостно последуем воле Его, и всею силою будем творить дело правды. Добрый работник смело получает хлеб за труд свой; ленивый же и беспечный не смеет и взглянуть на того, кто дал ему работу. И нам надлежит быть ревностными в делании добра, ибо все от [Него]».

Это тоже непонятно нашему «особому религиозному мировоззрению». Как это? Творить должен я, но при этом все от Бога.

Проспер Аквитанский объясняет это:

*«Итак, до тех пор, пока люди оставались в единстве с Богом, они делали это с **волей, которую Бог вдохновлял и направлял**, как мы читаем: «Ибо волю готовит Господь». **Люди приобретают медленно и понемногу то, что Бог по Своей милости постановил дать им.** Но эта подготовка не всегда идет одинаково и не всегда в одном и том же ритме. Поскольку действие и дары благодати проявляются многими путями и в бесчисленных вариациях, внутри нескольких видов даров все еще существуют **различные степени и неравные меры**. Отростки трав и деревьев, появляющиеся из земли, не все принадлежат к одному виду или роду, но все они формируются в соответствии с образцом своего рода и свойствами своего вида; и они не обретают свою полную форму сразу после появления, но **развиваются постепенно и упорядоченно**, пока не достигнут своего индивидуального размера через последовательные стадии роста. Точно так же **семена божественных милостей и растения добродетелей не прорастают на поле всех человеческих сердец в том совершенстве, которое они приобретут позднее**; и нелегко найти зрелость изначально или совершенство с первых шагов. Правда, **действие Бога силы и милосердия часто производит чудесные плоды** и, не дожидаясь времени, необходимого для постепенного роста, сразу же **закладывает в некоторых умах все то, что Он желает им дать**».*

Иоанн Кассиан:

*«Из этого видно, что **не только дела, но и добрые помыслы имеют источником Бога, который изначально вдохновляет нас доброй волей и дает силу и возможность совершить те вещи, что мы праведно***

*желаем, ибо «Всякое даяние доброе и всякий дар, совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак.1:17), **Который и начинает доброе дело, и совершает его и заканчивает в нас**, как говорит Апостол: «Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» (2Коринф.9:10). Но **нам надлежит смиренно следовать благодати Божьей, которая влечет нас каждый день**».*

Вот так. Все от Бога. Его благодать постоянно влечет нас. А нам остается «смиренно следовать» за ней, а не выбивать ее коленом своего «подвижничества».

Затем Климент перечисляет, что мы уже получили:

*«Как блаженны и чудны дары Божию, возлюбленные, **Жизнь в бессмертии, сияние в правде, истина в свободе, вера в уповании, воздержание в святости**: все это доступно нашему разумению*».

Потом убеждает ожидать еще большего:

*«Какие же дары еще уготовляются ждущим? Творец и Отец веков, Всесвятой, Он Сам знает их величие и красоту. Итак, употребим все усилия **быть в числе уповающих на Него**, чтобы участвовать в обетованных дарах. Каким же образом это будет, возлюбленные? Если **ум наш будет утвержден в вере в Бога**; если будем искать того, что Ему угодно и приятно; **если будем исполнять то, что согласно с Его святою волею**, и ходить путем истины, отвергнув от себя всякую неправду и беззаконие, любостяжание, распри, злонравие и коварство, клеветы и злословие, нечестие, гордость и величавость, тщеславие и негостеприимность. Ибо делающие это ненавистны Богу, и не только делающие, но и одобряющие это*».

Путь к этому — пребывание в вере и исполнение заповедей. Но в слове «заповеди» не казарменная разнарядка по соблюдению

постов, а дела участия в жизни братства. Вместо диеты в назначенные дни года проведите эти 250 дней с ведением календаря, так, чтобы можно было записать, кто и за что сказал нам «Спасибо» в этот день. Или «Благодарю тебя, сестра, храни тебя Господь!»

Вот заповедь Нашего Спасителя: *«Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они, видя добрые дела ваши, прославляли Отца вашего Небесного»*. 250 добрых дел в году. Вот признак учеников Иисуса, вот блаженная вечность уже на земле, вот жизнь будущего века уже сейчас. А диету бросьте. Она отнимает слишком много сил и внимания. А у души ограничен ресурс духовного внимания. Не отвлекайте его на высчитывание калорий.

Павел говорит вам, диетопоклонники: *«Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей»*. Как по-гречески «телесное упражнение»? Аскеза. У нас думают, что тут Павел про бодибилдинг говорит, про фитнес. Нет, он говорит про ваши посты и поклоны.

Климент продолжает говорить о любви:

«Видите ли, возлюбленные, как велика и дивна любовь, и невыразимо ее совершенство. Кто может иметь ее, если кого Сам Бог не удостоит? Итак, будем просить и умолять Его милосердие, чтобы жить нам в любви непорочно, без человеческого разделения».

«Любовь от Бога», говорит возлюбленный ученик. Мы должны просить и смиренно ожидать ее, однако, не сидя на печи или на Валааме, а понуждая себя, насколько хватает понимания и сил, к служению братству уже с той мерой любви, которая доступна сейчас. *«Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания»*, а эти на Валааме скажут им: *«Идите с миром, грейтесь и питайтесь»*, но не дадут им потребного для тела:

что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе».

Далее Климент говорит, что не мы становимся святыми и праведными, не мы сами по себе приходим к Отцу, не мы обретаем сами по себе бессмертие, — нет, но все это только во Христе:

«Таков путь, возлюбленные, которым мы обретаем наше спасение, Иисуса Христа, Первосвященника наших приношений, заступника и помощника в немощи нашей.

Посредством Его взираем мы на высоту небес; через Него, как бы в зеркале видим чистое и пресветлое лицо Бога, через Него отверзлись очи сердца нашего, через Него несмысленный и омраченный ум наш возникает в чудный Его свет; через Него восхотел Господь, чтобы мы вкусили бессмертного ведения. «Он, будучи сияние величия Его, столько превосходнее ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя» (Евр. 1, 3–4)».

В этом вся школа спасения. В этом все богословие. В этом весь Завет. Если та или иная богословская теория не пышет яркими красками и звенящими словами «в Нем, посредством Его, через Него, Им», то она ложная. Простой критерий оценки. И по этому критерию самая ложная из всех — теория обожения через психофизические техники. Там нет Христа, только как культурный задний фон.

И завершает:

*«Помыслим, братья, из какого вещества мы произошли, и какими вошли в мир, как бы из гроба и мрака. Творец и Создатель наш ввел нас в мир Свой, наперед **приготовив нам Свои благодеяния прежде рождения нашего.** Итак, **все имея от Него**, мы должны за все благодарить Его. Ему слава во веки веков. Аминь».*

Итак, мы видим, что учение Климента не содержит и намека на аскетизм, упражнения в очищении ума, хитрые теории обожения и прочее. Климент утверждает, что *«оправдывается человек только верой»*, без даже самых святых дел. Причиной оправдания служит только кровь Христа как *«непорочного агнца»*. Только пребывая во Христе, мы становимся праведными и святыми, имеем доступ к Отцу и наследуем Его Царство. Однако, пребывание во Христе уже зависит и от понуждения себя самих к служению братству. При этом помня, что *«любовь от Бога»*, и что *«Благословенный не только внушает святые желания, но и дает все для их исполнения в жизни»*, по слову Кассиана. Вот краткий катехизис этого отца Церкви апостольского века.

Варнава

В послании Варнавы существенное место имеет противопоставление новой жизни во Христе и ветхого закона:

«К чему Мне множество жертв ваших, говорит Господь? Исполнен Я всесожжения овнов и тука агнцев, крови козлов и овнов не хочу. Неприятно, когда вы приходите являться пред Меня; ибо кто требовал этого от рук ваших? Перестаньте топтать двор Мой. Если приносите мне пшеничную муку, — напрасно; курение мерзость для Меня. Новомесячий ваших и дня великого не терплю, постов, дней покоя и праздников ваших ненавидит душа Моя» (Ис. 1:11–14). Итак, Господь упразднил это, дабы новый закон Господа нашего Иисуса Христа без ига необходимости (лучше сказать «принуждения», «Е. Ж.») представлял собственно человеческое приношение».

О посте как телесном делании Варнава не высокого мнения:

*«О постановлениях ветхого завета Господь еще говорит к ним: **«Зачем Мне поститесь, чтобы ныне услышан был голос ваш с воплем? Не такой пост Я избрал, говорит Господь, чтобы человек томил душу свою без причины; и если бы ты изогнул выю твою наподобие круга, и облекся во вретище и покрыл себя пеплом, и то не сотворил бы ты мне поста приятного»** (Ис. 58:4–5). А к нам Он говорит: когда будете поститься, — «разрушь всякий союз неправды и раздери всякую неправедную запись... Раздробляй алчущим хлеб твой и бедных без крова введи в дом твой; если видишь нагого, одень, и единоплеменников своих не презирай. Тогда откроется ранний свет твой, и одежды твои скоро воссияют; и правда твоя будет тебе предшествовать, и слава Божия будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Бог услышит тебя, и когда еще говоришь ты, Он скажет: вот Я, — если отринешь от себя и союз и совет злых и слово роптания, и от*

*сердца дашь алчущему хлеб» (Ис 58:6–10). В этом, братья, открывается попечение и милосердие Божие, ибо Он людям, которых снискал для Возлюбленного Своего, определил **веровать в простоте** и уже прежде вразумлял всех нас **не обращаться, подобно прозелитам, к закону Иудейскому**».*

Ах, как же у нас любят закон Иудейский. Как вам каждый батюшка начнет рассказывать, что «новое не означает забвение старого». Я всегда спрашиваю: «А лопатку носите?» — «Какую?» — *«Кроме оружия твоего должна быть у тебя лопатка; и когда будешь садиться вне стана, выкопай ею яму и опять зарой ею испражнение твоё»* Втор. 23:13. А это заповедь, между прочим. Теперь мы ветхий закон увеличили в сорок раз. Там было 5-6 постных дней — а у нас 250.

Варнава продолжает:

*«И бросил Моисей скрижали каменные из рук своих: **так завет их сокрушен** (лучше перевести «разбит вдребезги», «Е. Ж.») **для того, чтобы любовь к Иисусу напечаталась в сердцах ваших и надежду свою вы полагали в вере в Него**».*

Ужасные слова, не правда ли? Закон разбит вдребезги. «Их закон». Он нашим никогда и не был. Я про христиан, конечно. А не для новых законников. И что совсем уже не хорошо пишет апостол, что-то про то, чтобы «**надежду свою вы полагали в вере в Него**». Как? Разве не на соблюдение я надеюсь? Зачем же тогда пост? Он явно ничего не дает, кроме самого факта соблюдения. О том, что сам по себе пост ничего не может дать говорит Исаак Сирин. Я писал об этом в главе «Познание Бога».

Еще раз: «Закон разбит вдребезги, чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали». Посмакуйте это выражение. Иконы разбиты вдребезги, «чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали». Култ святых разбит вдребезги, «чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа

надежду полагали». Култ мощей разбит вдребезги, «чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали». Култ батюшек разбит вдребезги, «чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали». Култ апокрифических басен разбит вдребезги, «чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали». Похоже?

Сказав о том, что человек спасается только верой, Варнава настаивает на добрых делах и расположениях:

«Ибо все время нашей жизни и веры не доставит нам никакой пользы, если не будем ненавидеть неправды и будущих искушений, как говорит Сын Божий: «будем противиться всякой неправде и возненавидим ее».

«Вы не должны отделяться от других, как будто вы были оправданы (уже совершенны, «Е. Ж.»); но собираясь в одно место, исследуйте, что прилично и полезно всем возлюбленным вообще. Ибо Писание говорит: «горе тем, которые мудры в себе самих и пред самими собою разумны» (Ис 5:21). Соделаемся духовными, будем храмом совершенным Богу; сколько может зависеть от нас, будем размышлять о страхе Божиим и подвизаться в соблюдении заповедей Господа, [так чтобы могли находить для себя радость в Его оправданиях]».

Это ключевой момент. Мы уже спасены, уже оправданы, уже искуплены. Варнава говорит: ***«Люби своего Создателя, прославляй Искупившего тебя от смерти».*** Но это не должно служить поводом для обособления, пренебрежения братством и доброделанием. Но это доброделание может простирается лишь до того предела, который нам доступен сейчас.

Все же остальное от Бога, который нас просвещает намерениями, желаниями и дает силу их совершить. Итак, мы

уже в доме Отца. Чтобы в нем пребыть мы должны исполнять Его волю по отношению к братству, в той мере, какую можем сегодня понести, *«по мере веры, какую каждому Бог уделил»*. Все, что свыше, мы выбиваем не коленом из Бога, не умучивая наше тело и психику, а смиренно ожидая в молитве. Спасен ли я? Да, безусловно? Как? Даром благодати, *«не от дел, чтобы я не хвалился»*. Но пребываю я в Завете с Богом делами любви к братству, мера которой мне сегодня доступна: физически, интеллектуально и материально.

Если же я буду игнорировать братство, под предлогом, что я уже спасен, уже оправдан и не нуждаюсь ни в ком и ни в чем, то *«может ли такая вера спасти меня?»* Нет, не может. Мы не заслуживаем спасение. А пребываем в нем!

Большая часть послания посвящена главному сотериологическому аспекту нашего спасения в понимании Варнавы — жертве:

«Для того Господь предал тело Свое на смерть, чтобы мы получили отпущение грехов и освятились, — именно чрез окропление кровию Его. О нем написано иное для народа иудейского, а иное для нас. Относительно нас Писание так говорит: «Он язвлен был за беззакония наши и мучен был за грехи наши: кровию Его мы исцелели. Как овца, Он приведен на заклание, и как агнец пред стригущим его, не отверзал уст Своих» (Ис 53:5–7). Итак, мы должны весьма много благодарить Бога».

Нет более понятного для главной целевой аудитории Нового Завета — евреев — образа, чем жертва. Поэтому любое богословие, обходящее жертву или принижающее ее значение в сотериологическом контексте — ошибочно.

Проф. Олесницкий объясняет, что значит «окропление» в Законе:

«Эта жертва спасения является жертвою посвящения чрез особенное обращение с ее кровью и мясом, чем она и отличается от всех других жертв спасения. Заколов барана, на которого Аарон и его сыновья возложили свои руки, и **тем поставили его вместо себя**, Моисей помазал кровью его край правого уха, большой палец правой руки и большой палец правой ноги освящаемых и потом тою же кровью **окропил жертвенник со всех сторон**; затем взял мира и крови на жертвеннике и этим смешением мира и жертвенной крови окропил священников и их одежды. Как при всякой жертве кровь представляет душу, как жизненное начало, так и здесь **краплением крови на жертвенник жизнь тех, к которым кровь относится, примиряется и соединяется с Богом, чтобы снова ожить силою заглаждающей грехи благодати божественной**. Если в этом случае ухо, рука и нога, в своих оконечностях представляющих целое, помазываются кровью, кропимою на жертвеннике и таким образом органы, действующие при служении священников, знаменательным образом поставляются в отношения с жертвенною кровью и наделяются ее силою; то это значит, что эти органы священнической деятельности с кровью и в крови, **кропимой на жертвенник**, приводятся в область божественных сил жизни деятельно присутствующих на жертвеннике, **чтобы проникнуться, очиститься и освятиться ими для усердного и правого служения Иегове**. Это освящение завершается, потом, окроплением священников и их одежд, т.е. лиц, как носителей священнического достоинства и их одежд, как знаков его, окроплением из смеси святого мира и жертвенной крови, взятой от жертвенника. **Кровь, взятая от жертвенника, изображает душу уже соединенную с Богом чрез примирение; святое миро есть символ Духа Божия, начала всякой духовной жизни в царстве Божием. Таким образом, чрез это кропление душа и дух священников наделяются небесными силами божественной жизни**. Но кропление касается не одних лиц, но и их должностных одежд; это потому что оно относится к лицам не в их личном или

индивидуальном отношении к Богу, но в их должностном положении, к их должностной деятельности в обществе Иеговы».

Вот почему мы *«царственное священство»*, вот почему мы *«храм живого Бога»*. Эти символы настолько очевидны были для иудеев, насколько они не очевидны для нас. Бог кропит нас кровью жертвы Сына своего, примиряя нас собой в прощении грехов и освящает для *«усердного и правого служения Иегове»*, делая священниками и наделяя *«небесными силами»*. А через святое миро, символ и явление Духа Божия, делает храмами Богу. Есть ли хотя бы близкое понимание своего личного христианского статуса и звания в нашей Церкви?

Варнава пишет:

«Обиталище нашего сердца есть святой храм для Господа».

Мы употребляем слова: «священник», «святой», «храм» не в том смысле и по отношению не к тем субъектам и объектам, в отношении которых их употребляет Новый Завет, Слово Бога. Например, «святой» в Новом Завете употребляется к любому христианину, не как почтительное приветствие, а как изъятый, избранный, званый, освященный и оправданный заслугой Христа, а не своей. А в отношении преуспевших христиан употреблялось выражение *«мера полного возраста Христова»*. Но просто потому, что они благодатью опережали младших. Старшие и младшие. А не святые и профанные. Поэтому употребление «святой» в отношении к каждому христианину — это целое богословие радости, спасения, милости и любви Спасителя. И употреблять его в отношении только какой-то мизерной группы людей, значит не благовествовать, а зловествовать.

Слово «храм» употреблялось только в отношении тела христианина и древнего храма, который Бог попустил сровнять с

землей. И никогда не использовалось в отношении помещения для собраний.

Слово «священник» употреблялось ко всем христианам, и они должны были приносить *«духовные жертвы в храме своего тела»*. И в отношении Христа как «первосвященника». И так как жертва принесена *«раз и навсегда»*, то никаких других священников-посредников быть не может. Наши римско-католические братья пошли еще дальше и повторяют жертву на каждой мессе. Слово «ἱερεὺς» — «священник» впервые стал употреблять в отношении епископов Ориген, спустя 200 лет после апостольского века. А в Новом Завете мы находим совет старейшин (πρεσβυτέρων), но не рукоположенных священников.

В итоге, у нас все стало как во всех религиях. А исконный смысл остался только в книжках по богословию. А поэтому это уже не благая весть, а обычная религия.

Я хочу немного показать этот процесс со стороны. В сути буддизма стоит открытие, сделанное одним индийским принцем во время долгого размышления над сутью страданий. Это открытие дает человеку метод преодоления цепи бесконечных перерождений в мире, полном страданий. И сердцем этого метода является размышление об иллюзорности всего сущего. Поэтому категорическим заблуждением является поклонение любому человеку, богу, духу. Религиозный культ, молитвы, жертвы, праздники, храмы, все это только усиливает иллюзию реальности бытия. Так вот, спустя несколько столетий буддизм обрывает религиозным культом. И то, что мы сейчас можем видеть в Тайланде, Японии, Непале — это монахи, жрецы, заклинатели духов, храмы, святые, молитвы, ранги посвящения, то есть все то, что категорически уводит человека от цели практики — осознания нереальности бытия.

Я привожу этот пример, чтобы показать, на мой взгляд, очевидную вещь: человек вообще склонен к общерелигиозному поклонению. И развитый религиозный культ приходит в Церковь с момента вступления огромного языческого мира в

государственную религию, которой становится христианство в IV веке. Все что мы видим вокруг: ладан, священные изображения, мощи, позолота и ризы священников, торжественные хоралы, свечи, скульптуры и статуи — все это, каждый элемент, перешел из язычества или иудейского храмового культа. Нам говорят, что это так, но каждый элемент теперь наполнен христианским содержанием. Не христианским, к сожалению, об этом в главе «Лже-Дионисий».

В связи с этим вопрос: если Бог очевидно все это разрушил, физически через римлян и со Своим словом в Новом Завете, то насколько правомерно с нашей, человеческой стороны, все это воссоздать? Причем в таком гипертрофированном, чрезмерном виде и степени, в котором существует сейчас русская церковь? Не может ли быть так, что мы услышим от Бога, как говорит Варнава апостол выше:

«К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лицо Моё, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу»?

Давайте прочитаем одно из самых ярких объяснений, что же такое новозаветный храм. Апостол Варнава пишет:

«Наконец, я скажу вам и о храме, как они (евреи, «Е. Ж.») бедные, в обольщении своем, надеялись не на Бога, Создателя своего, но на здание, так как бы (как будто, но не на самом деле, «Е. Ж.») оно действительно было домом Божиим. Ибо они, почти как язычники, поклонялись Ему во храме. Но послушайте, как говорит Господь и отменяет

храм: «кто измерил небо пядию, или землю горстию? Не Я ли» (Ис 40:12)? Господь говорит: «небо — престол Мой, земля же подножие ног Моих; какой дом постройте мне, или какое место есть место покоя Моего» (Ис 66.1)? Знайте, что **надежда их на храм суетна**. Бог же говорит еще: «вот те, которые разрушили этот храм, те самые и созиждут его» (Ис 49.17). Это теперь и совершается. Ибо за то, что они постоянно воюют, **храм их разрушен врагами**, и теперь подданные их врагов восстановят его. А что городу с храмом и народом израильским надлежало быть предану язычникам, это было наперед объявлено. Писание говорит: «вот что будет в последние дни: предаст Господь овец пасомых, клев и столб их на истребление». И сбылось это, как сказал Господь.

Исследуем теперь, **есть ли уже храм Божий. Есть, — там, где Сам Господь хочет создать его и устроить.** Ибо написано: «а по совершении седмины (Дан 9:27) созиждется храм Божий славный, во имя Господне» (Агг 2:6—9). Итак, **я нахожу, что храм существует.** А как он будет создан во имя Господне, узнайте. Прежде нежели мы уверовали Богу, обиталище сердца нашего было слабо и подвержено разрушению, подобно храму, построенному рукою человеческою. Ибо мы были домом, исполненным идолослужения, жилищем демонов, потому что мы делали противное Богу. **Храм создан будет во имя Господне, — заметьте, — для того, чтобы был создан славный храм Господа.** А как это — внимайте. Получив отпущение грехов и надежду на имя Господне, мы соделались новыми, совершенно вновь созданными; поэтому в обиталище наших сердец, в нас истинно Бог живет. Как это? — **Его слово веры, Его зов обетования, мудрость Его распоряжений, заповеди учения, Он Сам в нас пророчествует и в нас живет.** Он открыл нам, рабам смерти, двери храма, то есть, уста, **Он дал нам покаяние и ввел нас в нетленный храм.** Кто, поэтому, желает спастись, тот взирает не на человека, но на Того, Кто в нем живет и говорит в нем, — и удивляется, что не слышал

*никогда из уст говорящего таких слов, и даже сам никогда не желал слышать. **Вот духовный храм, создаваемый Господу!**»*

Соедините это теперь с началом послания, где он говорит о том, что Закон разбит вдребезги, *«чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали»*. Теперь он говорит и про *«разбитый вдребезги храм»*. С этой же целью: *«чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали»*.

Бог Сам разбил вдребезги Закон и Храм. Не какой-то там второстепенный объект. А само место Своего пребывания — ковчег Завета. Где он? Растоптан римлянами, где-то в земле закопан, в прах превратился. Ужас?! Да, безусловно. Но вот так Он показывает нам, что вся сакральность переместилась в сердце! Зачем? *«Чтобы любовь ко Христу напечаталась в сердцах ваших, и вы только на Христа надежду полагали»*. А мы вместо одного объекта поклонения сделали тысячи! И размазали ту единственную, причитающуюся только Ему любовь, по бесконечным батюшкам, матушкам, старчикам, иконочкам, святым всех достоинств, мощам всех мастей и так далее.

Вот что такое язычество: это отнятие от Бога хоть малейшей части славы и любви. Вот, что делают идолы. Дело не в том, что Афродита — развратная богиня, а наши богини целомудренны. А в том, что часть человеческого сердца отвлечена от Единственного Жениха — Христа, а потому никогда невозможно исполнить заповеди о *«любви всем сердцем»*.

Обратим внимание, как в нас живет Бог. Светом? Теплотой? Непрестанно текущими слезами? Экстазами? Выходением из себя? Нет, ничего подобного в апостольском предании нет: ***«в нас истинно Бог живет. Как это? — Его слово веры, Его зов обетования, мудрость Его распоряжений, заповеди учения, Он Сам в нас пророчествует и в нас живет... Он***

дал нам покаяние и ввел нас в нетленный храм». Никакого надрыва, экзальтации, умучивания плоти и опустошения психики — ничего этого нет.

Итак, мы отменили «святых» по *«святости Призвавшего»* и ввели святых по заслугам, которым поклоняемся как богам. Мы отменили *«священников по кроплению Крови»* и ввели батюшек, которым надо заплатить, чтобы они свели с неба благодать на твоего недавно купленного коня. Мы отменили храм сердца Господа Саваофа и настроили храмов Матроны Московской, где лежат мощи богини, которая решает самый разный спектр вопросов в хозяйстве, медицине и быту.

В. В. Розанов, описывая религиозную экстатическую практику сектантов-христововеров (хлыстов) и ее доктринальное оформление, говорит, что сектанты называют своих лидеров (т.е. лиц, реализовавших религиозную прагматику учения секты) «христами» и «богородицами» просто потому, что не знают других слов, хотя гораздо точнее было бы назвать их «богами» и «богинями». [1]

Далее, мы часто слышим: *«В Писании употребляется слово спасение в прошедшем времени, но это для апостолов, говорят нам, они очень святые были и потому к ним, возможно, Писание употребляет спасение в прошедшем времени, но, конечно, не к нам».*

Вот, что пишет насчет святости апостолов Варнава:

«Но, когда избрал Он собственных апостолов для проповедания Евангелия Своего, — людей крайне грешных, дабы показать, что пришел не праведников, а грешников призвать на покаяние (Мф 9:13), тогда Он открыл Себя Сыном Божиим».

Ужас-ужас! Как это? Разве он не послал языки пламени на самых достойных людей на земле? Разве не по их заслугам был дан им Дух? Что за ужасное учение? Может Варнава — это

«засланный казачок»? Итак, Святой Дух и призвание относится к людям крайне грешным, а значит дается не по заслугам, а даром, по воле Бога, не благодаря, а вопреки любым делам.

Далее Варнава объясняет смысл воплощения:

«А если бы Он не пришел во плоти, то как бы люди могли остаться живыми, взирая на Него, когда и те, которые смотрят на солнце, имеющее некогда уничтожиться, — на дело рук Его, не могут прямо смотреть на его лучи?.. тогда Он открыл Себя Сыном Божиим. К тому же, Он Сам проповедывал, уча израильский народ и творя столь великие чудеса и знамения, и явил к нему особенную Свою любовь».

Никаких хитрых теорий насчет воссоздания в своем теле первого Адама, обожения природы и прочих последующих фантазий. Он открыл Себя Сыном Божиим, *«чтобы всякий видящий Сына и верующий в пославшего Его имел жизнь вечную»*. Как верить в Сына, которого не было? Как исповедовать Того, на кого не могли взирать? Вера, что этот Иисус из Галлилеи, *«сына плотника, сестры Которого между нами»* и есть спасительный акт. И для этого Он и стал человеком.

Продолжая размышлять о нашем спасении, он говорит:

*«Так как Господь обновил (лучше «сделал нас новыми», «Е. Ж.») отпущением грехов, то дал нам **новый образ**, так что мы имеем младенческую душу, как воссозданные («созданные заново», «Е. Ж.») духовно. Ибо к нам относятся слова Писания, которые Отец говорит Сыну: «сотворим по образу и по подобию Нашему человека и да обладает зверями земными и птицами небесными и рыбами морскими» (Быт 1:26). И, видя человека, прекрасное создание Свое, Господь сказал: «возрастайте и умножайтесь и наполняйте землю» (Быт 1.28). Это в начале сказано о нас к Сыну.*

*Далее я покажу вам, каким образом Он в конце времен совершил в нас **второе творение**. Господь говорит: «**вот я сделаю последнее так, как первое**» (Мф 19:30, 20:16). Итак, мы воссозданы, как опять у другого пророка говорит Господь: «вот, говорит Он, отниму от них», т.е. от тех, которых провидел Дух Господа, «сердца каменные и вложу в них плотяные» (Иез 11:19, 36:26), ибо Он имел явиться во плоти и обитать в нас, так как, братия мои, **обиталище нашего сердца есть святой храм для Господа**».*

Слова «обновление» и «воссоздание» не должны вводить нас в заблуждение. По-гречески они означают «создание заново» и «делать новыми». А не в смысле «исцелять больное», «склеивать разбитое». Нет, только смерть ветхого и творение нового: «*второе творение*». Мы не исцеленный Адам, а воскресший Христос.

Варнава подчеркивает это:

«Получив отпущение грехов и надежду на имя Господне, мы соделались новыми, совершенно вновь созданными; поэтому в обиталище наших сердец, в нас истинно Бог живет».

О чем будем говорить подробно в главе об Иринее. Пока запомним это «второе творение», «совершенно вновь созданными» у Варнавы.

Варнава опять возвращается к излюбленной теме жертвы и пишет, что Христос пострадал вместо нас. Идея заместительной жертвы настолько очевидна для него, что он пишет:

«Если Сын Божий — Господь, имеющий судить живых и мертвых, пострадал для того, чтобы Его рана оживотворяла нас, то будем веровать, что Сын Божий не мог пострадать, разве только для нас. Потому что Сам Он за наши грехи имел принести в жертву сосуд Своего духа, дабы исполнилось и прообразование, бывшее на Исааке,

когда он был возложен на жертвенник. А чтобы показать, что **Ему должно пострадать за них** (вместо них «Е. Ж.»), послушайте, какую дал Он заповедь. «Возьмите двух» козлов хороших и одинаковых, и принесите их в жертву: пусть одного из них жрец возьмет во всесожжение» (Лев. 16:7–9). А с другим что должны они сделать? **«Другой», сказано, «да будет проклят».** Замечайте, как **открывается здесь прообразование об Иисусе.** «Плюньте на него все, и поразите его, и возложите волну червленую около головы его, и пусть он так будет изгнан в пустыню»... А к чему и то — заметьте — что один козел возлагается на жертвенник а другой делается проклятым, и почему проклятый увенчивается? Потому, что иудеи увидят Его в тот день в длинной червленной одежде вокруг тела и будут говорить: «не тот ли это, которого мы некогда уничижили, пронзили; подвергли осмеянию и распяли? Поистине это тот, который тогда называл Себя Сыном Божиим»... Отроки, совершавшие окропление — благовестники, возвещающие нам отпущение грехов и очищение сердца, которым Господь дал власть проповедывать евангелие: их двенадцать, для означения колен израильских, которых также двенадцать... А почему волна полагалась на деревянном жезле? — Потому что **царство Иисуса на древе, и потому уповающие на Него будут жить во век. Все это для нас ясно, а для иудеев темно, потому что они не послушали гласа Господня».**

Можем ли мы сказать, вслед за Варнавой, что «все это для нас ясно»? Нет. А, то, что «темно»? Да. Почему? Варнава говорит, «потому что не послушали гласа Господня». А что есть глас Господень как не Его Священное Писание? Может от этого мы живем «бабьими баснями» и «преданиями старцев»?

Таким образом, мы видим, что Варнава, вслед за Климентом и апостолами, утверждает, что спасены мы в прошедшем времени, одной лишь кровью Христа как «непорочной жертвы». Мы не исцеляемся, не обновляемся в смысле ремонта, а становимся «совершенно вновь созданными». Христос пришел

во плоти не для хитрых теорий обожения природы, а для того, чтоб *«видя Его и веруя в Пославшего имели жизнь вечную»*. Варнава в ярких словах объясняет, что служение Богу в храме, то есть в здании, и название такого храма «*домом Божиим*» — удел язычников и ветхих иудеев. Со времени Христа Бог попустил разрушить единственный Его храм и перенес Свой храм в сердце человека. При этом, сделав каждого христианина своим единственным святым священником. Мы же бьем себя в грудь и утверждаем, что живем Преданием. Ну так давайте жить таким Преданием. С нового года, слабо?

[1] Розанов В. В. Апокалиптические секты: хлысты и скопцы. СПб., 1911

Игнатий Богоносец

В своих семи посланиях Игнатий подчеркивает подражание Богу, но не говорит ни о каком обожении. В период апостольских отцов подражание Христу выражается скорее в терминах участия, чем онтологии. Однако, в концепции участия Игнатия есть онтологический элемент, который сосредоточен на единении со Христом.

Игнатий говорит, что христианин был предопределен к *«неизменной славе навеки»*, которая происходит через *«подлинные страдания по воле Отца и Иисуса Христа, Бога нашего»*. Таким образом, христианин подражает примеру Христа. Верующий страдает в этом веке, участвуя в страданиях Христа, и, следовательно, участвует в вечной славе Христа. Игнатий умоляет римлян: *«Позвольте мне быть подражателем страданий моего Бога»*. В более крайнем заявлении Игнатий пишет, что *«жизни Иисуса нет в нас, если мы добровольно не решимся умереть в Его страданиях»*.

Игнатий заявляет, что Иисус Христос *«прославил вас»*. Все это — участие во Христе, Который есть *«наша нераздельная жизнь»*. «Христос, будучи *«разумом Отца»* приводит нас в единство с Богом Отцом, иницируя наше участие в жизни Троицы. Это участие происходит через Церковь, в частности, через ее церковную структуру, поскольку епископы *«в разуме Христа»*. *«Поэтому христиане должны быть в послушании своему епископу, как Христос послушен своему Отцу»*. Игнатий даже называет Бога Отца *«епископом всех»*. Он призывает магнезийцев:

«Будьте покорны епископу и друг другу, как Иисус Христос во плоти был для Отца, и как апостолы были для Христа и для Отца, чтобы было единство, как физическое, так и духовное».

Это показывает, что две наиболее заметные темы в посланиях Игнатия — епископат и мученичество — помещены в более широкий контекст мистического союза. Для Игнатия послушание епископу важно в силу мистической природы церкви. Через институциональную церковь верующий приобщается к Богу посредством корпоративного поклонения. Если не соединиться с церковной структурой через послушание епископату, христиане рискуют оказаться отрезанными от такого божественного участия. В соответствии с этим подходом, Игнатий предлагает считать мученичество благословением, потому что через смерть верующий участвует в страданиях Христа. Он призывает своих читателей не защищать его жизнь, а позволить ему встретить смерть от суда императора; мученичество не столько добродетельный поступок, сколько желание участвовать в страданиях Христа.

Я не рассматриваю сейчас насколько оправдано пребывать в общении с апостасийной церковью. Очевидно, что оставаться в лоне римской церкви — не есть добродетель. По этой логике мы должны говорить и о коптах, об армянах, о сирийцах, — гораздо более древних церквях, чем наша. Дело не в эмблеме, не в родословной, который так кичатся наши батюшки. Были уже прецеденты с родословной, закончились распятием Бога.

Поэтому, на мой взгляд, спасительно пребывать только в общении с теми епископами, которые живут и учат апостольскому Преданию. То же самое относится и к общине, и к приходу, и группе верующих. Переход из одной церкви в другую в России, на мой взгляд, нежелателен. У нас слишком слабые протестантские общины. На мой взгляд нужно оставаться православным, но не участвовать в этом языческом карнавале.

Если говорить о православии, то православным является учение, согласующееся с апостольским Преданием. Это единственный критерий. Если учение церковного собора не согласуется с апостольским преданием, добавляет или убавляет какие-то положения вероучения, если вводит доктрину, которой

не было долгие века, если учение это не отражает всей полноты церковного народа, то держатся такого учения опасно для души, тела и психики.

Яркий пример — второй Никейский собор, у нас считающийся седьмым вселенским. Я уже писал в главе «Восхождение» четвертого тома о явных подлогах и баснях, лежащих в основании этого собора. И теми реками крови, которыми он ознаменовался. И я иконам не поклоняюсь. Равно как и мощам, и святым. При этом я подпадаю также под анафемы шестого вселенского собора, запретившего лечиться у евреев, мыться с ними в бане, а также посещать театр. А также под все дисциплинарные прещения, которые мне постановляют, когда я должен иметь супружескую близость, нагло нарушая заповедь апостола.

И при этом я считаю себя православным и католиком. Католики забрали себе термин, означающий полноту Церкви, а православные забрали себе термин, обозначающий неповрежденное апостольское учение. И, отвечая на вопрос, кто решает, что есть полнота, и что есть апостольское учение, я отвечаю — Святой Дух, который живет в каждом возрожденном христианине. Который и обличает ложь, и приводит человека к осознанию истины. Именно так и произошло в моем случае. Да и с тысячами возрожденных христиан, которые перестали участвовать в лживых обрядах по «преданиям старцев».

Возрожденные, *«водимые Духом»* верующие, составляют Церковь, которую *«не одолеют врата ада»*. А не какая-то земная организация наделяется по умолчанию Святым Духом, который теперь навсегда с ней связан и деться уже никуда не может, связан по рукам и ногам и *«дышать где хочет»* не может. И, якобы, каждый не возрожденный человек, входя в ее земные границы, становится возрожденным верующим. Процесс обратный.

А если человек сопротивляется Духу, то пребывает в апостасийном сообществе еретиков или полужычников, и,

являясь видимым членом земной церкви, в Небесную Церковь не входит. Поэтому Церковь одна, апостольская, святая, содержащая всю полноту истины для всех, и выражение этой истины (учение) принималось в христианском мире всегда, всеми и везде — католическая. И в такую Церковь мы верим, а не видим: ***«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».***

А если церковь запрещает своим чадам называться и даже думать о себе как о святых, то какая это церковь? Если тщательно упражняет их в «*держании ума во аде*», в детальном рассматривании и сладострастном упоении увиденным «безбрежным океаном» своих грехов, то какая это церковь? Если ни один из ее членов не знает, что такое Новозаветная святость, то какая это церковь? Любая, кроме святой.

А если она нагло нарушает заповедь апостолов о служении ангелам, о супружеском воздержании, о спасении по делам, о стяжании благодати, о поклонении твари вместо Творца, о воздавании славы кому-то, кроме Бога, то какая это церковь? Любая, кроме апостольской.

Если по определению св. Викентия Леринского католическое учение означает такое учение, которое преподавалось и в которое верили все, везде и всегда, то зададимся вопросом: в выкапывание трупов христиан и распиливание их на части с последующим поклонением как Богу верили все? Всегда? Везде? А в поклонение иконам? Всегда? А в то, что церковь имеет право вмешиваться в половую жизнь супругов? Все верили? А в службы ангелам? Везде? А в разделение Бога на сущность и энергии и введение низшего и высшего божества? Тоже все и всегда верили? А в «фаворский» свет в пупке в результате психических техник йоги? Тоже все верили во все времена? А в то, что верующие христиане после смерти испытываются бесами и те претендуют на душу и единственный способ от них откупиться — молитвы твоего духовного отца? В мытарства и выкуп за счет чьих-то молитв, в это всегда верили?

А в то, что в христианском храме есть места, доступ к которым закрыт непосвященным потому, что это «святая святых», отгороженная стеной? Также повсеместно верили?

То есть в то, что Христос все же не смог сломать *«средостение ограды»*, что все же *«церковная завеса не раздралась»*, что мирянам закрыт доступ в «святая святых», в это все верили? А в то, что, оказывается, благодать сходит на землю через епископа, предварительно пройдя девять ангельских чинов и что епископ «источник таинств»? В это тоже всегда и все верили? Но тогда может в то, что благодать Бога покупается, выбивается, зарабатывается все верили по всей христианской вселенной? Или, хотя бы, все и всегда верили в разные степени посвящения в божественные тайны? Может, наконец, всегда были особые касты христиан, которые могут метать благодать на расстоянии, наделяя компот и борщ благодатной энергией? Возможно, везде была практика предания останков земле разных христианских каст по разному обряду? Может быть, христианские пастыри повсюду и всегда учили бежать в пустыню, опустошать мозги, собирать ум в пупке, *«держат ум во аде»*, *«оплакивать своего покойника»*, спать на голой земле, *«лишать себя меры сна»* для настоящего Богообщения, без чего не может быть покаяния?

Поэтому русская церковь какая угодно, но не католическая. Однако, это большая тема. Она требует отдельного рассмотрения.

Игнатий далее утверждает, что люди в Церкви являются *«членами Его [Бога] Сына»*. Благодаря единству церкви, верующие *«всегда могут иметь часть в Боге»*. Это и другие высказывания делают очевидным наличие онтологической составляющей в концепции спасения Игнатия. Христиане — ***«богоносцы и храмоносцы, христоносцы, носители святости, украшенные во всех отношениях заповедями Иисуса Христа»***. Об этом читаем выше у Варнавы.

Таким образом, христианин участвует в Боге, нося Бога в своем теле. Игнатий также пишет, что верующие ***«пребывают во***

Христе Иисусе как физически, так и духовно. Отрицая чисто моральное понимание союза с Богом, он также прямо заявляет, что Бог ***«обитает в нас, чтобы мы были Его храмами, а Он в нас, как Бог наш»***. Таким образом, верующие ***«носят печать Бога Отца через Иисуса Христа»***.

В отличие от неверующих, которые ***«носят печать мира сего»***. Очевидно, что, хотя мученичество является уникальным событием, где причастность к Христу переживается уникальным образом, существуют и другие способы участие в союзе со Христом. Структура христианской жизни в самой своей природе предполагает такой союз. Через крещение все христиане носят Бога в себе (как указывает язык храма) и повинуются заповедям Христа через это пребывание.

Обратите внимание, что послушание — не дело нашего свободного произвола — но результат пребывания во Христе. Вспомним: ***«Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне»***. Вместо того, чтобы учить пасомых пребыванию во Христе, им дают нелепые казарменные правила, которые выставляются за заповеди Христа, исполнение которых, якобы, находится полностью в нашей власти. По Игнатию же божественная жизнь растет на протяжении всего существования христианина и приходит к своему завершению в момент прославления.

«Посему, стяжавши кротость, утвердите себя взаимно в вере, которая есть плоть Господа, и в любви, которая есть кровь Иисуса Христа», — вот раз за разом повторяемая, утерянная нами максима спасения: ***«Вера — плоть, любовь — кровь Господа»***!

Мысль Игнатия делает акцент на *imitatio Christi*, но не чисто как на моралистическую концепцию. Вместо этого, подражание Богу приходит путем ***«новой жизни через кровь Божью»***. Что делает послушание ***«естественным для тебя»***. Таким образом, жизнь послушания коренится в союзе со Христом, который укрепляется в христианине через кровь Христа. Игнатий также

избегает чистого перфекционизма, признаваясь: *«Я еще не достиг совершенства в Иисусе Христе. Пока что я только начинаю быть учеником»*. Обратим внимание, что Палама утверждает, что тот, кто видит свет в пупке достиг возможного предела совершенства, доступного человеку.

Игнатий помещает добрые дела в контекст нового творения, написав:

«Плотские не могут делать духовного, ни духовные плотского, подобно как и вера — дел, свойственных неверию, и неверие — дел веры. Но у вас духовно и то, что вы делаете по плоти, потому что вы все делаете во Иисусе Христе».

Таким образом, решающим фактором являются не дела как таковые, а состояние веры, которое определяет способ совершения дел. Игнатий признает, что *«даже те дела, которые вы делаете по плоти, на самом деле духовны, потому что вы все делаете в Иисусе Христе»*. Игнатий не моралист, но утверждает, что добрые дела основаны на конкретных событиях жизни, смерти и воскресения Христа, полученных через мистическое единение, которое происходит только по вере.

В концепции союза со Христом у Игнатия также присутствует сильная сакраментальная нить учения. Он называет Евхаристию *«это врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее жизнь во Иисусе Христе»*. Евхаристия — это не символ, а *«плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи и которую Отец по Своей благодати воскресил»*. Это происходит через воплощение Иисуса Христа, которое принесло *«новизну вечной жизни»* и *«упразднение смерти»*.

Смерть Христа также играет неотъемлемую роль в нашем спасении. Игнатий провозглашает, что крест — это *«спасение и вечная жизнь для нас»* и что Иисус *«умер за нас, чтобы, веруя в Его смерть, вы избежали смерти»*. Блага этой смерти даются

через воды святого крещения. Тема заместительной жертвы, вот это «за нас» тем громче, чем ближе мы к апостольскому веку. И тем тише, чем дальше мы от него удаляемся. О чем поговорим подробно в главе об Иринее. Темы «Христа для нас» и «Христа в нас» совпадают друг с другом в мысли Игнатия. Он последовательно апеллирует к историческим событиям воплощения, смерти и воскресения Христа как к основополагающим сотериологическим реалиям; однако акцент Игнатия на объективном историческом действии Иисуса не отменяет важности личного получения этих даров через sacramентальную жизнь церкви.

Игнатий преподает ясную доктрину спасения в христологическом и библейском ключе.

Он избегает философских вопросов, возникающих в позднем восточном богословии, и в первую очередь озабочен спасением Церкви. Он не тратит время на обсуждение обожествления творения, но сосредотачивается на единстве, которым христианин наслаждается с Богом в свете воплощения, смерти и воскресения Христа. В богословии Игнатия христиане являются носителями Бога, потому что через веру и крещение христиане получают Божественную славу и наслаждаются присутствием Святой Троицы. Таким образом, христиане становятся новыми творениями и производят добрые дела в результате освящения, которое Бог совершает в них. Это движение к Богу становится эkkлeзиологической реальностью, когда Христос включает Себя в Свой народ через крещение и дает дар бессмертия через Свою плоть в Евхаристии.

«Бог обещает нам единение, которое есть Сам Он» и «Знаю, что вы не кичитесь; ибо Иисуса Христа имеете в себе».

*«Итак, если жившие в древнем порядке дел приближались к новому упованию и уже не субботствовали, но жили **жизнью Воскресения, в котором и наша жизнь воссияла чрез Него и чрез смерть Его**, — некоторые и отвергают ее, но чрез ее*

тайну получили мы начало веры, и ради ее терпим, дабы быть учениками Иисуса Христа, единого Учителя нашего».

Запомним эти два основания спасения для Игнатия — «*смерть Христа — начало веры*», «*Воскресение — сияние нашей жизни*». Для Иринея акцент уже смещается в воплощение, о чем ниже.

Итак, Игнатий, вслед за Климентом и Варнавой, утверждает, что спасены мы жертвой Христа и Его кровью. Реализуем мы свое спасение через любовь. Вера и любовь являются «*кровью и плотью Господа*». Христианин участвует во Христе в Церкви, через послушание епископу и участие в евхаристии. Главные события домостроительства — это смерть и воскресение Христа, а не воплощение. Никаких рассуждений об обожении природы, восстановлении в смысле исцеления Адама, нет. Христианин становится храмом Бога, «*Христоносцем*» и «*Богоносцем*».

Мы можем быть послушны воли Божией не сами по себе, но только находясь во Христе, который и дает нам послушание.

Вывод по апостольским отцам

Никакого обожения у самых ранних писателей Церкви нет. Есть участие в жизни Христа. Поскольку рамки данной работы не позволяют рассмотреть всю раннехристианскую литературу, поэтому я обратился к трем апостольским отцам, которые предлагают наиболее развитую и последовательную концепцию такого участия. Выделим некоторые важные элементы их учения:

1. Спасение совершено для каждого христианина в прошлом.
2. Спасение приобретено в результате жертвы Христа на кресте.
3. Оправдание дается только по вере, без дел.
4. Христос заместительная, искупительная и умиловительная жертва: вместо нас, для нас и ради нас.
5. Пребывание во Христе возможно только через понуждения себя к соблюдению заповедей любви.
6. Истинное послушание заповедям дается только Богом.
7. Святыми, праведными, бессмертными мы становимся не сами по себе, приходим к Отцу и наследуем Царство не сами, но только во Христе.
8. Почитание здания храма домом Божиим, равно как и Закона есть язычество и ветхое иудейство. Храм разрушен и перенесен в сердце христианина, который по кроплению кровью Иисуса становится истинным священником Богу.
9. Участие во Христе возможно только в Церкви при участии в преломлении хлеба – евхаристии.
10. Пост как физическое делание, которое доставляет лишь «утеснение телу» «отвратителен перед Богом». Приятный Богу пост есть служение ближним. То же самое относится к религиозным служениям: каждению, субботам и праздникам.
11. Обособление христиан, самодостаточность, индивидуализм является грехом.

Крест

Что венчает наш храм? Крест. Вроде как везде мы видим крест, носим его, целуем, украшаем цветами; праздники кресту; тропари, кондаки, после литургии выносим; пастыри с крестом в руках вещают нам истину. Но как так получилось, что в XX веке один из виднейших архипастырей Церкви предпринял труд написать — обширнейшую книгу, оправдывающую крест... Он написал книгу, в которой сам с удивлением обнаружил, что крест — это все что угодно, но не основа нашего спасения. Как вам такое на слух? Крест — все что угодно, но не основа спасения! Имя архипастыря — Вениамин Федченков. Книга — «Об искуплении». Оказывается, обнаруживает владыка, есть такой догмат в нашей Церкви. И, оказывается, он, то есть догмат, имеет какое-то очень важное значение.

«Крестили нас... И надевали кресты, коими мы очень дорожили. А если кто не носил креста, это было греховно и отделяло таких людей, как некрещеных, — от «крещеных».

Пред всяким делом молились, полагая кресты на себя: проснулись — с молитвой; кушали — с молитвой, крестясь; мимо Церкви идешь — перекрестишься; начнешь какое дело — с крестом; строишь дом — сначала ставили крест; пьешь лекарство — перекрестишься; отъезжаешь — сначала сядем, потом помолимся, родители же в слезах благословят крестообразно; перед венцом — тоже благословляют иконой; «гром грянет» — перекрестишься; умрем, отпоют и на могилу понесут с крестом впереди; землей засыпят, а вверху крест поставят.

Так от рождения и до могилы везде нам сопутствует крест.

При крещении присутствует «крестный» и «крестная». Побратались крестами, стали «крестными братьями».

Я уже не говорю о крестах на храмах и колокольнях. На перекрестках (на западе) — кресты.

Самое имя дали народу [себе] русские: крестьяне.

На груди — крест.

В богослужении — постоянно слышишь о кресте. Среда и пятница — посвящены кресту. На стихирах, а особенно во втором каноне — славословим крест, распятие, страдания. У священников — крест. При освящении воды и прочего — крест. На Иордане — крест. Отпущение на исповеди делается крестообразно. Причащение, или Евхаристия, совершается с крестным знаменем. После обедни и всякой требы — дают целовать крест.

Кратко: везде у христиан мы видим крест, крест, крест.

Ни в Писании, ни даже в канонах об этом нет прямых указаний; а вот христиане с первых времен — ввели всюду в употребление именно крест, а не иное изображение.

Неужели же это напрасно или случайно?!

Быть того не может!»

Может, владыка, очень может. Если бы мы оставались Церковью Христа Спасителя, а не помощника на пути самоспасения, то этого действительно не могло бы быть. А так, не только может, но и есть.

«По вопросу об Искуплении обычное воззрение, как известно, носило название юридической теории: сущность ее сводится к идее «выкупа», «умилостивления», страдания «за «людей».

Эта точка зрения рациональному мышлению казалась непостижимой по существу, ибо переносила сущность дела Спасителя в тайны Божественной жизни Пресвятой Троицы;

*а главным образом, она «возмущала» моральное чувство своею видимою элементарностью и несогласием с представлением о Боге как «Любви». Поэтому явилась нравственно-психологическая **теория, которая (если ее брать в чистом виде) переносит центр спасения в самого человека, в его нравственно-психологические переживания**».*

*И далее: «Но внимательных философов и наблюдающих [за] действительной духовной жизнью человечества эта точка зрения не удовлетворяет: ибо она противоречит действительности (**беспомощности всяких способов «самоспасенства»**) и почти **уничтожает дело Господа Иисуса Христа — сводя его к учению, примеру и заражающему действию на психику людей, а существенно (в самом себе) бессодержательному, как бы пустому**».*

Это в XX веке пишет архипастырь. В Церкви, которая единственная истинная во всей Вселенной. В Церкви Христа Исккупителя ничего не знают про искупление. То есть, нет, знают, конечно, что идея искупления является центральной на безблагодатном западе, а потому и Павел апостол, вероятно, был криптокатоликом и западником.

*«Потому явилась точка зрения онтологическая, особенно излюбленная новыми философами. Она переносит центр в дело Господа Иисуса Христа, в существенно-важное значение именно Его дела, Им и в Нем совершившегося. И в этом отношении она несколько будто бы сближается с так называемой юридической теорией. Но разница в том, что онтологисты, — исходя (как мне кажется) из той же (только более скрытой) идеи о «рациональном» (будто бы) уяснении догмата, с одной стороны, и из желания установить спасение и на деятельности самого же человека (как и в нравственно-психологической теории), — **они переводят центр тяжести главным образом в человеческую природу Господа Иисуса Христа, в факт Боговоплощения, как начала***

богочеловечества всего человеческого рода. Отсюда у них выдвигается Воплощение, но меркнет дело «Креста» (от Назарета до Голгофы), не говоря уже о мнимости «объяснения», а потом и об неудовлетворительности его; ясно видно, что эта точка зрения **находится в противоречии не только с юридической теорией (ими поносимой не меньше психологистов), но, главное, и с **изначальным учением Слова Божия и Церкви о центральном значении «Креста» и «Жертвы» в деле Господа Иисуса Христа».****

Об этом феномене я говорю в главе об Иринее третьего тома. Владыка зря говорит, что это «*идея новых философов*». Нет, она достаточно древняя. Но от этого не менее ошибочна.

Отец Олег Стеняев называет православие «*особым религиозным мировоззрением*». Так и напрашивается продолжение фразы: «... *но не христианство*», в котором жертва Христа, — которая должна быть краеугольным камнем сотереологии, — задвинута на второй — третий план, чтобы не мешать подобным в высшей степени (преподобным) самообоживаться.

Это и естественно, если я спасен (в прошедшем времени) жертвой Иисуса, то какое значение в спасении тогда будет играть мое стояние на одной ноге? Какие аплодисменты я тогда сорву у зала? Придется все аплодисменты отдать Сыну Божию. А это, сами понимаете, недопустимо.

И далее, владыка предлагает итог своих изысканий в 23 пунктах (пора уже прибавить их к кафедральным Соборам). Только подумайте: архипастырь единственной истинной церкви через 2000 лет после ее основания проводит изыскания, чтобы показать и доказать, что центральное место в спасении принадлежит жертве Сына Божия. Приведу некоторые пункты, заглавные буквы автора:

«1) Вне всякого сомнения, — по Писанию и Преданиям, — центр дела Господа Спасителя сводится к Кресту, — понимаемому как в широком смысле этого понятия вообще, так и в особенности Креста Голгофского в тесном смысле. И Гефсимания тут занимает лишь один из моментов Крестного Подвига, и притом со стороны даже не самой существенной — Божественной или даже Богочеловеческой, а — преимущественно человеческой, а потому и не самой действенной в деле Искушения человечества;

2) В деле же Креста самую существенную ценность имеет то, что он принят был Самим БОГОМ;

3) И принят был «за» род человеческий, то есть не только «по причине» падения, не только «для» людей, но именно и главным образом «за» людей, то есть «вместо» них;

4) Если же принять эту установку вопроса, тогда ясно поднимается последующий пункт:

КАКОЙ СМЫСЛ в этом Кресте за других? Ответом на него является учение о ЖЕРТВЕ. Этот пункт настолько незыблем в Писании, у святых отцов и в богослужении, что подавляет своею очевидною несомненностью. И можно утверждать, что если исключить, отвергнуть эту идею Жертвы в деле Иисуса Христа, то отпадут и Писания, и святые отцы, и службы, и самая литургия. Это — очевидно. Не говорю уже о зловредных последствиях такого лжеучения для грешной души. Идея ЖЕРТВЫ — несомненна, как ФАКТ, устанавливаемый всецерковным сознанием и самим словом Божиим».

Я хочу напомнить, что по органической (онтологической) теории Христос спас всего одного человека — самого Себя. Он в себе обожил человеческую душу. И теперь каждый из нас насколько усердно участвует в соединении с Ним, настолько преображается и обоживается. Это, безусловно, не христианство. Это просто нужно четко понимать. Мы имеем дело не с каким-то спорным вопросом — о примате Рима,

например, о чистилище, о роли деви Марии — нет, мы имеем дело с нехристианским мировоззрением. Это самостоятельная религия, уходящая корнями в историческое христианство.

*«6) Одно лишь можно и должно утверждать, — как на основании Откровения, так и по философским соображениям, — что для Бога имеет цену, действительность только то, что в НЕМ САМОМ совершается. В частности, **дело Сына Божия, воплотившегося и пострадавшего, имело и имеет значение главным образом потому, что оно совершило нечто, — притом самое существенное в деле спасения мира, — в НЕДРАХ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ** (сия ИЗМЕНА десницы Вышнего). Здесь самый центральный пункт Спасения, Испытания, дела Христова;*

7) Что именно и как совершилось Там сие — в последней глубине, — для всякой тварной природы недомыслимо (недомыслимо, конечно, изменение в существе Божием);

8) Но несомненен факт, что Писание и Предание ставят это в теснейшую связь именно с КРЕСТОМ Христовым как Центром Его служения

9) Несомненно и то, что Писания утверждают об изменении в «отношениях» (говоря человекообразно, но верно) Бога к человеку после «крестной славы» Сына Божия; это изменение называется «примирением». Результатом же сего было ниспослание Духа Святого в день Пятидесятницы по ходатайству Сына;»

В этом исследовании я специально не привожу ни одной выдержки из инославных авторов, за исключением исследований некоторых иностранных ученых, и только по историческим вопросам.

То, что пишет мит. Вениамин, точно соответствует протестантскому учению. Но как показывает владыка в своем объемном труде, полностью соответствует Писанию и Преданию

Церкви ранних веков. Что же получается? В самом центральном вопросе протестанты правы? Совершенно определенно и несомненно. А православные не правы? Православие чрезвычайно обширно. Если мы говорим, что Христос спас только себя, а мы все по мере своих сил сами спасаемся, задействуя Его благодать как энергию, прану, то скажите мне, право ли такое православие? Такое православие не христианство, очевидно. Но, слава Богу, православие — это отцы первых 4-5 веков, как на западе, так и на востоке Церкви, и современные православные пастыри, архипастыри, которые с этим Преданием согласны. Поэтому в этом отношении в православии самая большая свобода. И оставаться православным спасительно, при этом не участвуя ни мыслью, ни делом в *«особом религиозном мировоззрении»* самоспасателей, псевдохристианских йогов, поклоняющихся богам и богиням в золотых ларчиках, а не Христу Искупителю.

«10) А если так, если центральное место занимает Крест, то человеческому сознанию хочется понять, по возможности (катафатический момент в богословии), его значение в деле Сына Божия во Святой Троице. И тут-то встает идея всякой жертвы — страдания для УМИЛОСТИВЛЕНИЯ. Эта идея — по отношению к Отцу Небесному — очевидно установлена и в Писании, и в Предании. Следовательно, она факт Божественной жизни Пресвятой Троицы;

11) Отсюда и берет начало так называемая юридическая (иногда называют ее «объективно-юридической») точка зрения. Следовательно, она совершенно законна, правильна и является совсем не выдумкой... «юридического» Запада, а Откровением Слова Божия, развитым позднее в творениях всех святых отцов Востока;

12) Если же и кажется она иногда грубо-судебной и будто бы противоречащей элементарным понятиям нравственности и воззрениям о Боге, то это лишь оттого, что всякая аналогия (а без аналогий в богословии невозможно обойтись, — ведь и

так называемая нравственно-психологическая теория построена на аналогии: от наших переживаний — к Божиим), по необходимости, грубее самой истины. И притом она излагается нередко приспособительно к популярному пониманию. Но в существе ее, в корне так сказать, самое зерно юридической теории совершенно правильное, — поскольку она выражает идеи мистическо-онтологические: устанавливает центр Искупления в недрах Божиих и ставит его в зависимость от Крестной Жертвы;»

Дальше владыка пишет о том, как мы приобщаемся к жертве Христовой, как она становится для нас действенной, а не потенциальной:

«16) Другое недоумение вызывается идеей жертвы «за» других, идеей ВМЕНЕНИЯ грехов человечества Спасителю, а Его «заслуг» — людям.

Это вопрос тоже частный, не существенный. И хотя бы не понимали его, все равно идея страдания «за» пребывает неизменной. Здесь могут приходить на помощь и онтологическое воззрение о родовом всеединстве людей, о «втором Адаме», и психологическое объединение в любви. Но и тут ценно опять не это само по себе, а то, что это вменено было Себе БОЖИИМ Сыном ПРЕД БОГОМ Отцом. Все же прочее можно принять как дополняющий и приближающий к нашему опыту материал. И несомненно, он не только интересен, но и весьма ценен в таком значении;

18) Далее можно было бы говорить о так называемой СУБЪЕКТИВНОЙ стороне Искупления, или об «УСВОЕНИИ заслуг» Господа Иисуса Христа. Последняя формулировка опять-таки неприемлема для психологистов и даже для онтологистов, но она, несомненно, есть у святых отцов. Сошлюсь хотя бы на святого и епископа, которые прямо употребляют эти термины; и, безусловно, она неразрывно связана с мистическо-реальной точкой зрения; и наоборот, без нее «юридическая» точка зрения впадала бы в крайность (во

что и впадает отчасти католицизм, а еще более — протестантизм). Церковное же воззрение обязывает к «усвоению» дела Христа;

19) В чем оно? С нравственно-психологической, или субъективной, точки зрения — в вере и спострадании Христу Искупителю; или продолжении Искупительного Креста в каждом из нас;»

Во что впадает католицизм я сказать не могу, ибо католицизм ушел далеко вперед православия в своем омерзительном язычестве. Но насчет протестантов, если мы говорим, например, об Аугсбургском исповедании веры, это утверждение не верно. Что владыка и подтверждает сам в п. 19. Усвоение заслуг заключается в вере, только и исключительно в вере, о чем скажет любой ортодоксальный протестант. О необходимости самоотречения (спострадании) постоянно пишет протестантский подвижник XVII века Герхард Терстеген, да и вообще вся пиетистская среда Европы на протяжении нескольких веков. Но это так, к слову.

«20) Но и это не самое существенное здесь, а то, что это лишь путь для привития человека ко Христу Ходатаю; ПРИВИТИЕ ЖЕ САМОЕ СОВЕРШАЕТСЯ ДУХОМ СВЯТЫМ, посланным опять-таки ради «Крестной славы», или «заслуг», Сына Божия. Дух же Святый творит еже хотети и еже деяти. Благодатию спасаемся.

Не от дел, да никто же похвалится. Это «объективная» сторона «усвоения». Дал Духа в сердца наши, вопиющего: АВВА ОТЧЕ; и ходатайствующего неизреченными глаголы в нас, как Дух Сына;

21) А если так, если и в «усвоении» самое главное принадлежит опять Богу, БЛАГОДАТИ, то этим еще более утверждается факт совершения и содеяния доселе спасения не «нашими силами», а милостью Божиею, от Него Самого исходящей и в Нем Самом основание к тому имеющей».

Вы видите? Оказывается, спасение по благодати не «*нашими силами*» и даже привлечение благодати не «*нашими силами*» — есть учение не протестантское, а Новозаветное, Церковное, святоотеческое, чем Церковь и жила первые века. Целых 150 лет Церковь активно обсуждала соотношение человеческой свободы и способности на добро без предваряющей благодати. И 4-мя соборами, писаниями святых Августина, Проспера, Иллария, Фульгенция разгромила ересь самоспасателей. Об этом со всеми подробностями можно почитать на нашем портале [\[1\]](#). Но Церковь на востоке отказалась принимать это Церковное, соборное, святоотеческое учение. Вместо соборов ей вещали пустынники из своего опыта созерцания, выводившие богословские теории, которые все дальше уводили от христианства.

«23) Таким образом, в последнем основании дело Искупления из плана человеческого, через Богочеловеческий Подвиг Спасителя, переносится в план Божественный, в недра Пресвятой Троицы, частнее — к Богу Отцу, Который в Святом Духе, ради Сыновнего Креста посылаемом, восстанавливает общение с человечеством. Благодатию спасаемся, а не «законами».

Итак, суть Искупления совершается в Пресвятой Троице Крестом Сына».

Ну, хорошо, скажем, митрополит Вениамин заразился протестантизмом — бывает. Печально, конечно, но ничего не поделать. Давайте смотреть на святых отцов.

Прокл, патриарх Константинопольский:

«Надлежало быть одному из двух: или всем, вследствие приговора, подвергнуться смерти, потому что все согрешили, или принести взамен такую цену, за которую всякое осуждение было бы отменено. Но человек не мог спасти себя, потому что он-то и подлежал долгу за. Не мог спасти рода человеческого и ангел, потому что

недостаточен был к такой цене (выкупу). Итак, надлежало, чтобы безгрешный Бог умер за согрешивших: это только оставалось врачевство от зла».

Василий Великий:

«Человек и за собственные грехи не может дать Богу умиловительной жертвы. Как же возможет сделать это за другого? А что же бы мог он приобрести в сем веке столько стоящее, чтобы оно служило достаточным заменом за душу, по природе драгоценную, потому что она создана по образу Творца своего?.. Брат не может искупить брата своего, и каждый человек — сам себя, потому что искупающий собою другого должен быть гораздо превосходнее содержимого во власти и уже рабствующего. Но и вообще человек не имеет такой власти пред Богом, чтобы умиловлять Его за грешника, потому что и сам повинен греху».

Златоуст о посредничестве Христа:

«Посредник должен быть в сродстве с Тем и другими, чтобы быть Ему посредником. Если Он будет иметь сродство только с Одним, а с другими — нет, то не может быть посредником. Если бы Он не имел естества, единого с Отцом, не был бы посредник, но чуждый. Как надлежало Ему иметь естество человеческое, потому что Он пришел к людям, так надлежало иметь и Божеское естество, потому что пришел от Бога... Будучи только человеком, Он не был бы посредником, ибо посредник должен быть в ближайшем отношении к Богу. Равно, и будучи только Богом, не был бы посредником, ибо не могли бы приближаться к Нему те, за которых Он посредствует».

Ириней:

«Ходатаю Бога и человеков надлежало чрез собственное сродство с Тем и другими привести обе стороны к

содружеству и согласию — и Богу представить человека, и
человекам открыть Бога».

Варнава апостол:

*«Будем веровать, — говорит муж апостольский святой
Варнава, — что **Сын Божий не мог пострадать, как только
за нас... за наши грехи восхотел Он принести в жертву
сосуд Духа**».*

Климент Римский:

*«Будем взирать внимательно на Кровь Христа и
рассуждать, как многоценна Кровь Его пред Богом; когда,
быв пролита для нашего спасения, всему миру приобрела
благодать покаяния».*

Святой:

*«Христос умер за нас, чтобы, веруя в Его, вы спаслись от
смерти».*

*«Христос искупил нас Кровию Своею и предал душу Свою
за наши души и плоть Свою за нашу плоть».*

*«Христос даровал нам эту благодать, сообщив нам дар
Своего милосердия, победив смерть Крестом Своим, **искупив
верующих ценою Своей Крови**, примирив человека с Богом
Отцом, оживотворив небесным возрождением».*

*«Христос именуется избавлением как освобождающий нас,
содержимых под грехом, как **давший Себя за нас в
Искупление, в очистительную жертву за вселенную**».*

*«Не могла искупить нас кровь пророков, не искупил нас ни
Петр, ни Павел; Один только мог искупить нас Своею,
Кто есть и Бог, и человек, — чего никогда не в состоянии
был (бы) сделать простой человек».*

«За нас пострадал бесстрастный Владыка, за нас распят Единый Безгрешный... за нас, нечестивых, предан смерти Христос, Спаситель наш».

«Что может человек найти столько ценное, чтобы дать в Искупление души своей? Но нашлось одно равноценное всем людям вместе, что и дано в цену Искупления души нашей — это святая и многоценная Кровь Господа нашего Иисуса Христа, Которую Он пролил за всех нас».

Златоуст:

«Апостол обвинил эллинов, обвинил иудеев, следовало, наконец, говорит об оправдании, которое совершается чрез веру. Ведь если не помог закон естественный, не сделал что-нибудь больше и закон писанный, но оба даже послужили бременем для людей, не воспользовавшихся ими, как должно, и показали, что они сделались достойными большего наказания, то, наконец, необходимо было спасение при помощи благодати».

Епифаний:

«Он принес в жертву Самого Себя, чтобы через принесение совершеннейшей и живой Жертвы за весь мир упразднить жертвоприношение ветхозаветное; Сам — Жертва, Сам — Жертвоприношение, Сам — Жертвенник; Сам — Бог, Сам — человек, Сам — Царь, Сам — Первосвященник, Сам — Овца, Сам — Агнец, соделавшийся всем ради нас».

Златоуст:

«Христос заплатил гораздо больше, нежели мы были должны. Его уплата в сравнении с долгом — то же, что безмерное море в сравнении с малою каплею. Итак, не сомневайся, человек, видя такое богатство благ; не любопытствуй знать как потушена искра смерти и греха, когда на нее пролито целое море благодатных даров».

Кирилл:

*«Мы были врагами по причине греха, и Бог определил смерть грешнику. Чему же из двух надлежало быть: по правосудию ли надлежало умертвить или по человеколюбию нарушить определение? Но примечай Премудрость Божию: Он сохранил и истину определения, и силу человеколюбия. **Вознес Христос грехи на теле... на древо, да смертью Его мы от грех избывшие, правдою поживем**».*

*«**Так как надлежало, наконец, всем людям уплатить свой долг** (а долг состоял в том, что все люди были повинны смерти, что преимущественно и было причиною пришествия Иисуса Христа на землю): посему Он, доказав Свою Божественность делами Своими, принес, наконец, и **жертву за всех людей, предав на смерть Храм Своего тела, дабы чрез это, с одной стороны, сделать всех неповинными и свободными от древнего преступления**; с другой — явить Себя Победителем смерти, и нетление собственного Своего тела соделать начатком всеобщего воскресения... смерть была необходима; непременно надлежало быть смерти за всех людей, потому что надлежало быть уплате общего долга, лежавшего на всех людях. На сей конец Слово, по природе Своей бессмертное, восприяло плоть, дабы принести в жертву за всех людей и дабы плотию претерпеть за всех смерть».*

Послание к Диогнету:

«Когда наша несправедливость была исполнена и стало совершенно ясно, что следует ожидать расплаты за нее — наказания и смерти, наступило время, когда Бог решил наконец явить Свою благость и силу. О, превосходящая доброта и любовь Божья! Он не возненавидел нас, не отверг нас, не затаил на нас злобу; напротив, Он был терпелив и снисходителен. По Своему милосердию Он взял на Себя наши грехи. Он Сам отдал Сына Своего во искупление за нас, святого за беззаконного, невиновного за виновного,

праведного за неправедного, нетленного за тленного, бессмертного за смертного. Ибо что, кроме Его праведности, могло покрыть наши грехи? В ком мы, беззаконные и нечестивые, могли оправдаться, как не в одном Сыне Божьем? О сладостный обмен, о непостижимое дело Божие, о неожиданные благословения: греховность многих должна быть скрыта в одном праведнике, а праведность Одного должна оправдать многих грешников».

Итак, какие элементы спасения повторяются в этих цитатах?

Выкуп, плата, долг, искупление.

Умилостивление, примирение, посредничество, ходатайство.

Кровь, жертва, смерть.

Обмен праведности на грех.

Поэтому спасение — это одномоментный акт с одной стороны и длящийся — с другой. Это похоже на постройку здания, как писал еп. Феофан. Чертеж готов, деньги от спонсоров через посредника получены, все разрешения на строительство готовы, рабочие назначены, техника заехала на объект, все материалы уже на складе. Ничто не мешает построить здание... кроме заказчика. То есть, мы сами можем отказаться от постройки на какой-то стадии, отвергнуть Христа, предать веру. Но пока мы в вере, хотя здание и строится, причем не нами, а Богом, мы абсолютно уверены в его завершении. Мы не можем быть уверены, что никогда своей волей не отвергнем Бога, через 10-20 лет. Но если сейчас мы верим — мы в раю и имеем вечную жизнь. А самоспасатели строят здание сами, с помощью благодати. Бог — средство, благодать — лишь материал для своего самodelания. О самоспасении и о том, как через это плодятся боги, превращая православие в политеизм.

Евр. 10:26: *«Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи,*

но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников».

То есть, единственное, что предотвращает суд и ярость огня — это жертва за грехи, а не наша самоправедность и приобретенное обоженное ухо. Послушайте, обожники, самоспасатели, человеки со златыми устами, самого Господа в Евангелии, может станет, наконец, стыдно со своей гордыней?

Златоуст:

«Людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, — это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престоле... Человека, стоявшего так низко, после того, как он перешагнул все эти (ступени, Христос) посадил на небесах, на троне; того, который был ниже камней, поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств».

Святой Марк Подвижник пишет, кто есть смиренный:

«Смирennemудрие не есть осуждение совести (держание ума во аде, «Е. Ж.»); **но благодати Божией и Его благоснисхождения исповедание».**

Поэтому истинное смирение — уверенность в спасении, потому что ничего я не покажу на суде, кроме крови Спасителя Моего. Нет у меня ничего, как у вас: нет ни дел, ни состояний, ни обоженного гипоталамуса, нет у меня святых молитв за меня ни на земле, ни на небе, нет заступления Богородицы, нет истории перецелованных мощей, нет у меня аккумулированной магической энергии, которую вы называете благодатью. У меня

только одно — капля крови Иисуса, упавшая по милости Творца на мою голову!

[1] http://virtusetgloria.org/researches/freedom_and_grace.html

Святость крещения

«Всяк православно-крещеный получит таинственно всю благодать; ощутительное

же удостоверение в том получает наконец по мере исполнения заповедей».

Марк Подвижник

Августин пишет, упоминая мученика Киприана:

«Упомянутые еретики, новые недруги благодати Христовой, оказываются побежденными задолго до того, как родились. Итак, о том, что пребывание также есть дар Божий, вместе со [всеми] заслугами святых, которые суть не что иное, как дары Божии, говорится здесь следующим образом. «Мы, — пишет [мученик], — говорим: «Да святится имя Твое» не потому, что желаем, чтобы освятился нашими молитвами, но поскольку просим у Него, чтобы Его имя свяtilось в нас. И правда, от кого освящаться Богу, Который Сам освящает [все]? Но поскольку Сам Он сказал: «Будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 19:2)?, то мы молимся и просим, чтобы, освященные в крещении, мы пребыли в том, в чем начали быть».

Крещение дает нам совершенство и спасение пребыть в его освящении до конца. Не привнести что-то новое, а «*пребыть, в чем начали быть*».

Вот полная цитата из мученика Киприана:

«После сего мы говорим: «Да святится имя Твое» — не в том смысле, будто мы желаем Богу, да святится Он нашими молитвами; но мы просим у Него, чтобы имя Его свяtilось в нас. Ибо от кого же освятится, Который Сам освящает? Но

потому, что Он сказал: «Будете святы, яко Аз свят» (Лев. 20:7), — мы просим и молим, чтобы, **освященные в крещении, мы и пребыли такими, какими быть начали**. И об этом молимся ежедневно, потому что имеем нужду в ежедневном освящении, чтобы ежедневные грехи наши очищать непрестанным освящением. Каково же освящение, даруемое нам Богом по Его благодати, — это поясняет апостол, говоря: «Ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодее, [ни осквернители], ни малакии, ни мужеложницы, ни татие, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят. И сими [убо] нецыи бесте; но омыстесь, но освятитесь, но оправдайтесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1 Кор. 6:9). **Он называет нас «освятившимися... именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего»; и мы молимся, да пребудет в нас такое освящение**. А так как Господь и Судия Наш исцеленному от Него и оживотворенному с угрозой заповедал не грешить более, чтобы ему не было хуже (Ин. 5:14), **то мы непрестанной молитвой умоляем, днем и ночью просим, чтобы освящение и оживотворение, принятое нами от Божией благодати, соблюдено было в нас божественным охранением»**.

Мы, освятившиеся в крещении, молим Бога, «чтобы освящение и оживотворение, принятое нами от Божией благодати, соблюдено было в нас божественным охранением», а не то, чтобы нам Бог почку и селезенку обожил. А без этого обожения, якобы, «никто не увидит Царства».

Киприан в «О молитве Господней» продолжает:

«И Господь в Евангелии Своим заповедует нам не называть отца на земле, потому что у нас один Отец на небесах (Мф. 23:9). Также ученику, который упомянул об умершем отце, Господь сказал в ответ: «Остави мертвым погребсти своя мертвецы» (Мф. 8:22). Тот сказал, что отец его умер, тогда как отец верующих жив. И не то только, возлюбленнейшие братья,

должны примечать и понимать, что называем Отцом Того, Который на небесах; но и то, что говорим совместно: **«Отче наш»**, т.е. верующих, тех, которые, будучи освящены и восстановлены благодатным духовным рождением, стали сынами Божиими».

Мы сынами становимся не тогда, когда своим подвигом достигаем созерцания, как учит Исаак, а в крещении *«освящены и восстановлены»*. Конечно, не формальным, как у нас сплошь и рядом, а как это задумано Богом — с верой и покаянием.

«Им-то в укор мы, христиане, когда молимся, говорим: «Отче наш», потому что Он стал нашим Отцом и перестал быть отцом иудеев, оставивших Его. Народ грешный не может быть сыном; но имя сынов присваивается тем, кому даруется отпущение грехов и обещается вечность, по слову Самого Господа, сказавшего: «Всяк творяй раб есть греха. Раб же не пребывает в доме во век: сын пребывает во век» (Ин. 8:35). О, какое к нам снисхождение, какое обилие благоволения и благости Господа, когда Он дозволил нам при совершении перед лицом Божиим называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими так же, как и Христос есть Сын Божий! Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не позволил нам так молиться. Называя же Бога Отцом, мы должны помнить и знать, возлюбленнейшие братья, что нам надлежит и поступать как сынам Божиим, чтобы как мы сами радуемся о Боге Отце, так и Он радовался о нас. Будем пребывать, как храмы Божии, дабы видно было, что в нас обитает Бог. Да не будут действия наши недостойны духа: начавши быть небесными и духовными, будем помышлять и делать только духовное и небесное, имея в виду сказанное Богом: «Прославляющая Мя прославит, и уничижая Мя безчестен будет» (1 Цар. 2:30) — и написанное блаженным апостолом в Послании его: «Несте свои, куплены бо есте ценою; прославите убо (и носите) Бога в телесех ваших» (1 Кор. 6:20)».

Имя сынов и дочерей мы получаем не от долгого стояния на камне, а когда нам *«даруется отпущение грехов и обещается вечность»*. Нам отпустили грехи, и обещали вечность. Но ты продолжаешь нагло отвергать эти дары? Ты хочешь их заслужить. Что ж, дело твое, но не говори, что это христианство. Мы *«начали быть небесными и духовными»* сразу, в мгновения ока, будем же жить соответственно этому изменению, этому «обмену». А не жить так, чтобы заслужить. Чувствуете разницу? Жить достойно, потому что получил, а не жить достойно, чтобы получить.

И дальше:

«Итак, тебе не остается никакого извинения в день суда: ты будешь судим по собственному своему приговору, с тобою поступят так, как сам ты поступишь с другими. Бог заповедует, чтобы в доме Его жили только мирные, согласные и единомышленные. Он хочет, чтобы возрожденные и оставались такими, какими Он сделал их вторым рождением; чтобы ставшие сынами Божиими пребывали в мире Божием; чтобы у нас, у которых один дух, было одно сердце и чувство. Он не принимает жертвы от того, кто находится во вражде, и повелевает таковому возвратиться от алтаря и прежде примириться с братом, чтобы потом можно было умилостивить Бога мирными молениями».

Бог, оказывается, хочет, чтобы мы *«оставались такими, какими Он сделал нас вторым рождением»*, а не приобрели обоженные бедренные кости. Не достигали, а «пребывали». Не становились сынами дыханием в пупок, а были сынами по дару благодати крещения. А ты же хочешь достигать? Бог же только средство для твоего религиозного путешествия? Повозка, на которой ты въедешь в рай под аплодисменты?

Марк Подвижник написал целый трактат с названием «Тем, кто думает оправдаться делами». Почитаем:

«Господь, желая показать, что при всем том, что всякая заповедь обязательна, всыновление однакож даровано людям Его кровию, говорит: «Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключимы есмы; ибо еже должни бехом сотворити, сотворихом» (Лук. 17, 10). **Посему царствие небесное не есть возмездие за дела, но благодать Владыки, уготованная верным рабам».**

Если Христос за нас умер, и мы не ктому себе живем, но Умершему за нас и Воскресшему (2 Кор. 5, 15): — то явно, что мы обязались служить Ему до смерти. **Как же можем усыновление считать должным воздаянием?**

Христос есть Владыка по естеству и Владыка по домостроительству (спасения); **поелику и создал Он нас — не сущих, и Своею кровию искупил умерших грехом, и даровал благодать тем, которые так веруют.**

Когда слышишь слова Писания, что Господь воздаст каждому по делам его (Псал. 61, 13), **то не думай, что дела (сами по себе) достойны геенны, или царствия; но что Христос воздаст каждому по делам неверия в Него, или веры, как Бог Создатель и Искупитель наш, а не как Соразмеритель вещей (т.е. дел и наград).**

Мы, сподобившиеся бани пакибытия, совершаем добрых дела не ради воздаяния, но для сохранения данной нам чистоты.

Видишь ли, как всякая добродетель, совершаемая даже до смерти, есть ничто иное, как удаление от греха; **удаление же от греха есть дело естества, а не то, за что воздано может быть царствием.**

Человек едва сохраняет то, что ему естественно; **Христос же крестом дарует усыновление.**

Делающий добро и ищущий воздаяния не Богу работает, а своему хотению (привет Мотовиловскому Серафиму, «Е. Ж.»).

Крестившимся во Христа таинственно дарована уже благодать; но воздействует она (ощутительно) по мере делания заповедей. Хотя благодать сия не перестает помогать нам тайно; но в нашей состоит власти делать, или не делать, добро по своей воле. Во-первых, она боголепно возбуждает совесть, от чего и злодеи, покаившись, благоугодили Богу. Опять она же сокрыта бывает в поучении ближняго; бывает, что иногда она последует за мыслью во время чтения и научает ум свой истине посредством естественного следствия (из той мысли). Итак, если мы не будем скрывать сего таланта в таких, и подобных частных случаях, даемого (то есть будем следовать тому, что внушает благодать), то действительно внидем в радость Господа (сподобимся действенной благодати).

Всяк православно-крещеный получит таинственно всю благодать; ошутительное же удостоверение в том получает наконец по мере исполнения заповедей.

Святой Дух, подобно солнцу, всецело излился на крещенных».

Палама же считает, что Бог по-разному пребывает в нас:

«Впрочем, даже когда мы говорим, что мудрость вселяется в человека благодаря труду и старанию, мы называем мудростью не сами по себе труд и старание, а то, что приходит благодаря им. Господь пребывает в человеках различно и многообразно, смотря по достоинству и характеру ищущих Его: в деятельном не так, как в созерцательном, в провидце еще иначе, причем одним образом в них как стяжающих добродетель, другим — как уже обожившихся».

Итак, сказав все это, Марк говорит о том, что нужны и дела, но не для достижения, а для пребывания в даре и актуализации его, то есть воплощении дара, раскрытии его, осознании, что получил, и, в итоге, познании Бога:

«Одни, не исполняя заповедей, думают, что веруют право; другие, исполняя их, ожидают царствия, как должного возмездия. Те и другие погрешают против истины».

То есть, благодать готовит нашу волю, делает ее способной принять веру. Если человек принимает этот зов, то посылается проповедник Слова, человек принимает веру, и затем благодать все время предшествует нашим мыслям, желаниям, все время побуждая нас, обновляя, изменяя, а мы, смиренно соглашаясь с ней, входим, тем самым, *«в радость Господа»*, то есть получаем *«благодать на благодать»*, *«от веры в веру»* познаем Бога, что не закончится никогда. Но всю благодать, все дары и благословения мы получаем по вере в крещении, и, если кто умрет через день или через год, или через 10 лет после крещения, пребывая в вере до конца, спасается по дарованному ему в крещении, по причине жертвы Сына Божиего, а не его личных религиозных успехов. Которые, безусловно, должны быть, но для свидетельства веры и *«пребывании во Христе»*, а не личных потрясающих качеств. Мы за что святых на ручках качаем и в воздух подбрасываем? За их прекрасные человеческие качества. Этим они от нас отличаются.

И далее:

«Веруй, как прежде сказали мы, что Святой Дух непреложен, неизменен и всемогущ. Посему и в воздействиях Своих, Он и пребывает одним и тем же, и всякому боголепно уделяет подобающее. Он подобно солнцу, всецело излился на крещенных, но каждый из нас просвещается по той мере, как возненавидев омрачающие его страсти, истребляет их в себе; а на сколько оказывается любящим их, на столько помрачается».

Но возненавидеть страсти и меру этой ненависти дает Бог, своей благодатью, а не то, что я должен выжать из себя для своего спасения. Выжал ненависть — спасся, не выжал — пролетел. А в процессе зарабатываешь невроз и психиатрический анамнез, потому что об аде тебя заставляют думать постоянно, а ненависть ко греху никак не выжмешь из себя.

Мы можем лишь каждый раз, каждый день, каждый час, по-сыновнему, припадая к Иисусу верой, прислушиваясь к тихому, ровному внушению благодати, идти туда и тем путем, которым влечет нас благодать и учит *«помазание от Святого»*. На ночь, с закрытыми глазками, отсоединять свой ум и просить *«ум Христов»*, с Его мыслями, а не моими, с Его желаниями, а не моими, с Его чувствами, а не моими. И тогда, если Ему будет угодно и как угодно, будет у тебя ровный постоянный пост, в том или ином виде, а не казарменная диета для всех.

Тогда будет и молитва от Духа, *«воздыханиями неизглаголаннскими»*, а не ужасное депрессивное правило. Тогда будут и идеи служения общине, а не отмазки в виде опускания звонкой сдачи в ящик для пожертвований. Тогда будет и искренняя молитва за людей, а не вычитанное в правиле: «О духовном отце моем и всех в расселинах живущих пустынножителях». Тогда мы будем *«подражать»* Павлу, *«как он подражал Христу»*. Тогда мы будем похожи на Него здесь и *«подобны Ему»* там, *«когда откроется»*. Но не раньше, не раньше.

Симеон Солунский пишет:

*«Крещёный же возвращается домой, а перед ним идут со свечами, так как он **сделался уже сыном Света**. Предшествующие ему поют: «Елицы во Христа крестистесь», — ибо **крещёный облекся во Христа, и Христос изобразился в нём, и благодать Духа вселилась в него**».*

И если я всего этого не чувствую: не чувствую, что посажен на небеса, не чувствую, что воскрес, не чувствую, что облекся, но верю всем сердцем, значит этого всего нет? Это просто восточная риторика? А есть только то, что я чувствую? Как раз если я верю лишь в то, что я чувствую, лишь в свою греховность, то тогда и нужно спасать себя, пока не увидишь в области пупа фаворский свет. И тогда только стать сыном Божиим, как говорит Исаак Сирий. Пока не получили особого уведомления Божия, мы не спасены?

Златоуст:

*«Итак, **не сомневайся возлюбленный**: благодать Божия совершенна; место не препятствует, здесь ли ты крестился, или на корабле, или на пути. Филипп крестил во время пути, Павел — в узах; **Христос крестил разбойника на кресте из своей раны, и он тотчас удостоился отверзть двери рая**».*

Комментируя беседу с Никодимом, Златоуст пишет:

*«Кто», сказано, «во Христе, тот новая тварь» (2 Кор. 5:17). Какая это новая тварь? Послушай, что говорит сам Христос: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5). Нам был вверен рай; но тогда, как мы оказались недостойными обитать в нем, **Он возводит нас на самые небеса**. Мы не остались верными в первоначальных дарах; но Он сообщает нам еще большие. Мы не могли воздержаться от одного древа — и Он подает нам пищу горнюю. Мы не устояли в раю — Он отверзает нам небеса. Справедливо говорит Павел: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия» (Рим. 11:33)! Уже не нужны ни мать, ни муки рождения, ни сон, ни сожительство и соединение плотское; **строение естества нашего совершается уже свыше, — Духом Святым и водою**. А вода употребляется, как бы место рождения рождающегося. Что утроба для младенца, то — вода для верного: он в воде зачинается и образуется. Прежде было сказано: «Да*

произведет вода пресмыкающихся, душу живую» (Быт. 1:20). А с того времени, как Владыка снизшел в струи Иордана, вода производит уже не «пресмыкающихся, душу живую», а души разумные и духоносные. И что сказано о солнце: «Выходит, как жених из брачного чертога своего» (Пс. 18:6), теперь более благовременно сказать о **верных: они испускают лучи гораздо блистательнее солнечных. Но младенец, зачинающийся в утробе, требует времени; а в воде — не так: здесь все совершается в одно мгновение. Где жизнь временна и получает свое начало от телесного тления, там и рождение медленно происходит: таково естество тел; они только с течением времени получают совершенство. Но в делах духовных не так. Почему же? Здесь что делается, то делается с самого начала совершенно. Но как Никодим, слыша это, непрестанно приходил в смущение, то — посмотри, как Христос открывает ему непостижимость этого таинства и неясное для него делает ясным. Христос говорит: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» Ин. (3:6)».**

Где «крещение — семечка», органисты? Где возрастание? Где постепенное обожение? Где, спрашиваю я, неуверенность в спасении? Где совершенство в результате продажи имения и 40-летнего стояния с поднятой рукой или ногой?

Вот, кто совершенный, по слову Иринея:

«Таковы голоса Церкви, от которой всякая получила свое начало; таковы голоса митрополии граждан Нового Завета; таковы голоса Апостолов; **таковы голоса учеников Господа, соделанных Духом Святым по вознесении Господа совершенными**; они призывали Бога, сотворившего небо и землю и море, Который возведен был пророками, и Сына Его Иисуса, Которого показал Бог, а другого (Бога) не знают... Ибо таково было познание спасения; которое делает совершенными пред Богом тех, которые признают пришествие Сына Его».

Я – святой?

Св. Проспер Аквитанский:

«Предположим, что оправдание, которое является делом благодати, было бы обусловлено предыдущими заслугами; предположим, что оно было бы подобно оплате труда, а не дару Дарителя: разве тогда наше Искупление в крови Христа не было бы обесценено, а инициатива, на которую претендуют человеческие дела, не уступила бы милосердию Божьему? И как же вы тогда сможете доказать, что никакие человеческие дела не способны устранить первородный грех? Вы никогда не сможете доказать этого, пока неверующие и грешники не будут приняты в Его Царство через омовение Христом; и пока те, кто хвалится своей невинностью, не признают, что они действительно не могут сделать ничего достойного усыновления сынов Божьих, если они не приняли таинство возрождения. Ибо в этом отношении они находятся в том же состоянии, что и величайшие грешники; возрожденные в крещении, они одинаково святы; отними крещение, и они погибнут все вместе».

Это называется христианство: *«те, кто хвалится своей невинностью (или мы их хвалим, и ползаем на коленях под огромной иконой царя-искупителя, Е. Ж.)... в этом отношении они находятся в том же состоянии, что и величайшие грешники; возрожденные в крещении, они одинаково святы; отними крещение, и они погибнут все вместе».* И Иоанн Дамаскин, и я спасены одинаково: возрождены в крещении. Сколько он там себя обожил, на сколько процентов, сколько частей тела, сколько килограммов благодати он стяжал — все это не имеет никакого значения. Если на него не попала капля Иисусовой крови — он в аду.

Есть один маленький эпизод в одном из Евангелий. Эпизод, вопиющий не только для иудеев и эллинов, не только для йогов и мусульман, но и для православного богословия, для всех этих Синаитов и Ангеликудов — короткий обмен репликами между разбойником и Богом-Словом. У нас благочестивое предание рассказывает басенку, что разбойник — это благородный революционер, боровшийся против владычества Рима, чуть ли не первый коммунистический мученик, и поэтому римляне его распяли. На самом деле, это убийца, насильник, вор и рецидивист, получивший самое строгое из всех возможных наказаний древней империи. Писание однозначно говорит: «*два разбойника*». Если бы он был зилот, то Писание бы об этом упомянуло, как, например, упомянул об этом евангелист, назвав ученика Иисуса Симона «зилотом».

Так вот, в ходе этого короткого разговора, христианство было утверждено в действии. До этого Христос объяснял теоретически кто спасен. Здесь же, Он Сам первый и последний раз в Новом Завете объявил человека спасенным. Вдумайтесь: первый и последний раз. Писание не говорит, что Бог объявил Павла спасенным или кого-то из апостолов, — нет, только разбойник услышал от Бога: «*Сегодня же будешь со Мной в раю*». Я не знаю, как переписчики оставили это место. Ведь это слепит самоспасающий глаз. Где обожение? Где очищение от страстей? Где преобразование от регулярных таинств? Где анахоретство, «*без которого никто не может покаяться*» по слову Ангеликуда?

Они, правда, не в силах отвергнуть этот эпизод, однако пишут, что, дескать, мы должны прийти в меру разбойника как раз очищением и анахоретством. То есть, чтобы признать себя погибшим грешником, чтобы признать, что без Спасителя я погиб, нужно сидеть в темной пещере 40 лет с депривацией сна и пищи. И на самом деле их великий подвиг — это приведение себя в меру разбойника. Они знают эту меру — они, нырнув, определили глубину, необходимую, чтобы человек был назван раскаявшимся.

Безусловно, никто не будет отрицать, что эмоциональное, внутреннее переживание, интуитивное убеждение в спасительных истинах о своем падении и необходимости Спасителя может быть разной. Отличаться от человека к человеку. Меняться, углубляться с течением времени по Божию водительству и благодатным дарам — с этим никто не спорит. Но любая вера от Бога, любое покаяние есть дар свыше. Никто не может покаяться даже на словах, не приняв дар от Отца. Это — евангельское учение, это — Новый Завет.

Так что, всегда, когда вы указываете на что-то похожее на христианство, и при этом это что-то как-то отличается от разбойника — скорее всего, это суррогат. Если вы показываете на Симеона Столпника и говорите: «*Вот христианство!*» — йоги вам ответят: «*У нас этого навалом*». Если вы показываете на богослужение и говорите: «*Вот, это христианство*» — язычники вам скажут: «*Это наше*». Если вы киваете на стяжание энергий — даосы вам ответят, что это они этим занимаются с утра до вечера. Если вы будете рассказывать о единении с божеством, то исламские мистики дадут вам сто очков форы. Покажите то, что непохоже ни на что. Покажите «скандал и безумие» для любой религии, философии, мистической практики! Покажите «юрродство проповеди»! Вот оно — рецидивист в одно мгновение, за пять слов переносющийся в рай. Это действительно «скандал», это определенно «безумие», это точно «юрродство».

Златоуст, Восемь слов на книгу Бытия:

«Не только ввел разбойника, но (ввел) прежде всех, даже прежде апостолов, — чтобы никто после этого не отрицал входа (в рай), не отчаивался в своем спасении, видя, что сделавший бесчисленные грехи обитает в царских чертогах. Но посмотрим, не показал ли разбойник трудов, подвигов и плодов? И этого нельзя сказать; напротив, за одно слово, за одну веру вошел он в рай прежде апостолов, чтобы ты знал, что не столько

значила его праведность, сколько все совершило человеколюбие Божие. Что сказал разбойник? Что сделал? Постился? Плакал? Сокрушался? Каялся долгое время? Нисколько; он получил спасение на самом кресте, после (своих) слов. Вот, как скоро: с креста на небо, от осуждения к спасению!»

Это короткий гимн христианства, его знамя, его слава. Если иконы столько необходимы, то почему не рисуют единственного спасенного по словам самого Бога? Где икона разбойника? Где акафисты ему? Где тропари и кондаки? Вам очень хочется молиться святым? Но подумайте о том, что по крайней мере один из них будет отвергнут Богом. Почему? Потому что Христос открыл, как Ему скажут, причем «многие»: **«не Твоим ли именем чудеса творили»**, и Он отречется от них.

Вы многих знаете людей, творящих именем Иисуса чудеса, и которые при этом не были бы в святцах? На память можете привести пример? Так что, как бы не оказалось, что святой, кому вы молитесь, окажется в числе этих «многих». Лучше уж молиться тому, кого Господь лично ввел в рай — разбойнику. Так что разбойник на кресте сокрушает, как гомеровский Аякс своим огромным боевым молотом, жалкие деревянные щиты самоспасателей и обоживателей.

А вот гимн самоспасателей.

Каллист Ангеликуд:

«Нельзя покаяться без безмолвия; нельзя сколько-нибудь коснуться чистоты без анахоретства; невозможно, при видании людей и беседах с ними, сподобиться умного зрения Бога и молитвенной беседы с Ним. Почему те, кого объемлет заботливое желание покаяться в своих прегрешениях, очиститься от страстей, достигнуть и вкусить созерцания Бога и беседы с Ним, — что есть предел и цель живущих по Богу, и залог вечного Божия наследия, — всеми способами взывают безмолвия, **наипольнейшим**

делом для себя, почитая удаление от людей и анахоретство, с должным, конечно, к тому расположением и настроением».

Вернемся к христианам. Ефрем Сирин:

«Господь ускорил отдаленные дары Свои и дал близкое обетование, говоря: «сегодня», а не в конце мира. Итак, показал обильное милосердие Свое, по которому в тот же час, когда принял от разбойника веру, взамен ее даром дал ему неизмеримые дары, даром излил пред ним сокровища Свои, тотчас же перенес его в рай Свой и там поставил введенного (в рай) над сокровищами Своими. «Со Мною будешь в раю желания». Итак, рай открывался разбойником, а не кем-либо из праведников. Рай, закрытый праведным Адамом, после того как он стал преступником, (и) открыт был преступником, который победил. Так как Иудеи избрали разбойника и отринули Христа, то Бог избрал разбойника и отринул их».

Златоуст:

«Херувимы, конечно, охраняли рай, но Христос — Владыка и херувимов; пламенный меч был в руках их, но Христос имеет власть и над пламенем и геенной, и над жизнью и смертью. Конечно, ни один царь никогда не согласился бы посадить вместе с собою разбойника или какого-нибудь другого раба и ввести его таким образом в город, а Христос это сделал, и, входя в священное отечество, вводит с Собою разбойника, не попирая и не бесчестя рая стопами разбойника, а напротив прославляя рай, потому что честь раю иметь такого Владыку, Который и разбойника делает достойным райского блаженства. Когда Он ввел в царство небесное мытарей и блудниц, то сделал и это не бесчестя его, а напротив почтил, показав, что Господь небесного царства так могуществен, что и блудниц, и мытарей делает столь славными, что они являются достойными тамошней чести и награды. Подобно тому, как мы особенно

дивимся врачу тогда, когда видим, что он освобождает от недуга людей с неисцелимыми болезнями и возвращает им здоровье, так точно **следует удивляться и Христу, когда Он врачует неисцелимые раны, когда мытаря и блудницу приводит в такое состояние здоровья, что они оказываются достойными небес».**

А где же обожение? А где очищение? Как?! Неужели эти нечистые будут рядом с Синаитом? Ведь нам же сказал Ангеликуд, что «без анахоретства нет покаяния».

Златоуст:

«Итак, не сомневайся, возлюбленный: благодать Божия совершенна; место не препятствует: здесь ли ты крестился, или на корабле, или на пути. Филипп крестил во время пути, Павел — в узах; Христос крестил разбойника на кресте из своей раны, и он тотчас удостоился отверзть двери рая».

Златоуст:

«Справедлив Бог мой, совершитель спасения! Как праотца нашего Адама изгнал Он из рая не за многие прегрешения, но за одно преслушание, так на весах правды Его было положено обетование разбойнику — войти в рай не за многие какие-нибудь исповедания, но за одно исповедание веры. Я сказал, что грех Адама состоял в том, что он, вопреки заповеди, прикоснулся к древу; в чем же заключалось оправдание разбойника? Он вошел в рай за то, что с верою коснулся креста».

Вообще, нет возможности приводить все замечательные мысли Златоуста по поводу спасения только по вере, благодатью, Христом, даром, через оправдание. Его беседы на Римлян, Галатов, Колоссян нужно читать целиком, чтобы почувствовать христианский дух. После смрада языческой аскетики гностического востока, Сирии и Египта, после всех этих

Лествичников, отказывающим мирянам в том, что они «**возрождены Христом**», после всех этих Силуанов, которые «**держат ум во аде**», после Иосифов Исихастов, которые кричат дьяволу «или я тебе, или ты меня», после всего этого почитать беседы Златоуста — это как дышать горным воздухом свободы, радости, благодарности за свое спасение.

А вот Лествичник:

*«Все желающие с пламенным усердием проходить подвиг (иночества), рассмотрим внимательно, как Господь **всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми**, сказав некоему: «оставь мертвым, то есть мирянам, умершим в суете мирской, погребать мертвых телом».*

«Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение своей воли; а третье — отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. «Изыдите от среды их, и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь». Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это — победные почести иноков и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?»

Не слабо, правда? То есть, все в миру, включая жениха и невесту на браке, где Господь наш совершил первое знамение, мертвые. И Петр-апостол со своей женой, и сотник Корнилий со своим домом, — все мертвые. Зато Лествичник и его коллеги живые. Также и чудеса, пророчества и знамения, которые творили по дару Господа Нашего христиане апостольского века, многие христиане первых веков — мученики. Но это все мы опустим, и назначим себе новых героев, новых детей Зевса, новых победителей олимпийских игр — святых аскетов, анахоретов. Им мы будем кланяться, величать «**собеседниками ангелов**», ползать на коленях в буквальном смысле.

Вернемся к христианам.

Златоуст:

*«О, единое в едином и все во всем! Пусть небеса имеют дух твой, а рай — душу: сегодня, говорит, буду с тобою в раю; а кровь пусть остается на земле. **Неделимый разделяется на части, чтобы все спаслось, чтобы самое низкое место (ад) не оставалось закрытым для божественного пришествия**».*

Вернемся к святости. Давайте посмотрим, что Завет говорит об этом вопросе:

Рим. 1:7: *«**Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа**».*

1Кор. 1:2: *«**Церкви Божией, находящейся в Коринфе, освящённым во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас**».*

2Кор. 1:1: *«**Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат — церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии**».*

Кол. 1:2: *«**Находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе**».*

Еф. 1:1: *«**Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе**».*

Флп. 1:1: *«**Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами**».*

1Кор. 14:33: «Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых».

Иуд. 1:3: «Возлюбленные! имея всё усердие писать вам об общем спасении, я почёл за нужное написать вам увещание — подвизаться за веру, однажды преданную святым».

Еф. 3:18: «Чтобы вы, укоренённые и утверждённые в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота».

Кол. 1:12: «Благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете».

Еф. 5:3: «А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым».

Еф. 6:18: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сём самом со всяким постоянством и молением о всех святых».

Рим. 8:27: «Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией».

Совершенно очевидно, что никаких особых святых нет. Святые все верные, состоящие в церковном общении. Святые, то есть избраны, избраны, — призванием святые, отделены от погибающего мира. Бог отделил меня от мира, вот я и свят. В иудейском значении этого слова.

Что делает человека святым? Его отделенность от мира и посвящение Богу. На вопрос семинаристам: «Зачем ты хочешь быть священником?» — часто получаем ответ: «Хочу послужить Богу». Вот эта псевдохристианская деменция, где Богу служат только в рясе. Отделенный от мира — значит убежавший в Синайскую пустыню. Ничего подобного нет в христианстве. Бог отделил от мира, призвал, окропил кровью Сына Своего, освятил, я принял этот дар, и праведность Иисуса

перекладывается на меня, а мой грех на Него. Поэтому я праведен и свят.

«Где то, чем бы гордиться? Уничтожено полностью!»

Поэтому я уверен в своем спасении сегодня: это Божий дар и Его обещание, подкрепленные подписью Завета кровью Его Сына и запечатленные ниспосланием мне Святого Духа. Есть в этом и другом мире что-то более надежное? Что еще более основательное, крепкое, нерушимое? А те, кто из своего псевдосмирения кричат, что *«они еще не положили начало покаянию»*, что они *«в аду»* и *«оплакивают своего мертвеца»* — значит лишь то, что они действительно не спасены. Они надеются на свое состояние, свои дела и успехи. Пусть продолжают, но нам с ними не по пути. Христианству с ними не по пути. Мы святы и праведны по дару благодати, они же — по своим делам.

Св. Проспер пишет о самоправедниках и ожидаемых ими особых наградах за свой псевдоподвиг:

«Он Сам показал разнообразие Своего многообразного призвания, относящегося к одной и той же благодати, на знаменитом примере евангельской притчи. В ней Он показывает домохозяина, который нанимает работников для своего виноградника в разное время дня по договору за динарий в день. Теперь ясно, что человек, посланный в виноградник в одиннадцатый час, чтобы работать вместе с теми, кто трудился весь день, представляет класс людей, о которых мы сейчас говорим. Божья милость проявляет к ним эту щедрость на закате дня, то есть в конце их жизни, чтобы показать превосходство Своей благодати. Ибо Он не платит цену их труда, но изливает на тех, кого Он избрал без их собственных дел, богатство Своей благости. Так и те, кто трудился весь день в поте лица своего и не получил больше, чем опоздавшие, должны были понять, что им был дан безвозмездный дар, а не награда за их труды. Будем ли мы также роптать на Домовладельца за то, что Он дает

одинаковую плату тем, кого позвали последними, и тем, кто трудится полный рабочий день, и за то, что за большой труд можно получить не большее вознаграждение, чем за труд, который едва заметен? Тогда мы должны услышать, что было сказано одному из этих людей: «Друг, я не сделал тебе ничего плохого. Разве ты не договорился со мной за динарий? Возьми то, что тебе принадлежит, и иди своей дорогой. Я дам и этому последнему столько же, сколько тебе. Или, разве глаз твой зол, потому что я добр?» Очевидно, что этому роющему человеку такая щедрость казалась несправедливой».

Августин, комментируя Рим. 1:7, пишет:

«В соответствии с правилами составления писем в этом месте Павел прибавляет обращение к тем, кому пишет: Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым, **более обозначая благодать Божию, нежели их заслуги**. Ведь не говорит: «любящим Бога», но: «**возлюбленным Божиим**».

Очевидно, «благодать, а не заслуги» делает святым. И далее продолжает:

«Благодать — от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, и ею отпускаются наши грехи, посредством которых мы отворачивались от Бога; и от них Отца и Сына — этот мир, которым мы примиряемся с Богом. И поскольку, когда **мы получили по благодати отпущение грехов, уничтожена была наша враждебность, то теперь мы имеем возможность восстановить мир с Тем, от Кого нас отворачивали наши грехи...** Когда грехи будут прощены по вере в Господа нашего Иисуса Христа, **настанет мир без разделения между нами и Богом**».

Мир с Богом — причина усыновления, освящения, оправдания, да и вообще всех даров и благословений от Бога, который **«благословил нас во Христе всяким духовным благословением**

в небесах, так как Он избрал нас в Нём прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви». Какова причина святости? Избрание Богом. Какова причина непорочности? Праведность Христа Иисуса, ибо в Нем Бог нас благословил.

А вот, что пишет «божественный» Григорий Палама:

*«Но лукавый, вечно стремясь лукаво отвлечь нас от добра, ткёт чары для наших душ и почти нерасторжимо связывает их путами, желанными для глупцов, внушает видеть в этом знании великую глубину и обширность, как иным кажется богатство или бесславную славу и плотские наслаждения, чтобы, потратив всю жизнь в погоне за ними, мы не смогли крепко прилепиться к очищающей душу науке, начало которой — **страх Божий, рождающий непрестанную умиленную молитву к Богу и соблюдение евангельских заповедей, вслед за чем приходит примирение с Богом**, когда страх преображается в любовь и **мучительность** молитвы, превратившись в сладость, возвращает цветок просвещения, от которого, словно благоухание, разливающееся на несущего этот цветок, приходит **познание Божиих тайн**».*

Примирение не по вере в результате жертвы Сына Божия, а в результате подвига Паламы. То же самое мы видим у всех «пуповизирателей»: благословения Нового Завета не даруются, а зарабатываются, принимаются не верой, а видением, ощущением. Они, по их же словам, *«не верят в Бога, а знают Его»*. Поэтому сынами они становятся не по вере, как мы, а реально переживая это чувственным опытом, когда сама Богородица говорит Прохору Мошнину: *«Скоро, любимче наш, будешь с нами»*. Я не хочу сказать, что какие-то чувственные переживания невозможны, совсем наоборот. Возможны и даже не редки. Но это не значит, что в силу этих переживаний я становлюсь сыном Божиим или получаю примирение. Эти все благодатные утешения возможны потому, что я уже примирен с Богом, потому что я уже усыновлен, но не наоборот.

Вот как усыновляются пустынные.

Иосиф Хаззайя:

«Поэтому, когда он уже взошел на место ясности и был усыновлен (букв. «записан в усыновлении»), он пребывает в непрерывном общении с Богом в откровении тайн Его. И отныне он все зрит и слышит оттуда духовно. И его [священно]служение и воспеваемое им Трисвятое непрерывно пребывают с духовными природами. Блажен человек, сподобившийся сего дара и сего дерзновения и узревший очами ума своего оное славное зрелище и услышавший ушами сердца своего тонкое речение, открываемое мужу духовному превыше [места] ясности».

А вот так христиане.

Амброзиастр:

*«Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым. Хотя он и пишет римлянам, тем не менее показывает, что обращается ко всем любящим Бога. А кто они, как не **истинно верующие в Сына Божия? Именно они — святые**, и о них сказано «призванные». Поступающие же по закону плохо понимают Христа и несправедливо поступают по отношению к Богу Отцу, поскольку имеют сомнение, что во Христе — совершенная надежда спасения. Потому и не святые, потому и не зовутся **призванными**. Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благодать и мир, говорит он, с теми, кто истинно верует. **Благодать, потому что очищены от грехов**; мир, потому что те, кто были врагами, примирились с Создателем».*

Тут гораздо сильнее мысль: всякий, кто надеется на что-то еще, кроме Христа, будь то исполнения предписаний Церкви, очищение сердца от страстей, молитвенный подвиг, добрые дела, сердечные расположения, то есть кто говорит, что нужен

Христос плюс... плюс соблюдение канонов, плюс дела, плюс чистота сердца — все они не святые, не призванные. Это псевдохристианство под коротким названием «Христос+». Таким Павел целое письмо написал, называется «К Галатам». Им тоже пришли и рассказали, что Христос, конечно, Миссия, и верить в Него безусловно необходимо, но это только вводное основание, необходимый фундамент, а дальше нужно соблюдать предписания закона. Вот что апостол им пишет. У Кузнецовой отлично переданы эмоции:

«Галаты, глупцы, кто вас сглазил?! Вы же, казалось, собственными глазами видели распятого Христа, когда внимали моей Вести! Об одном только хочу у вас спросить: вы получили Дух потому, что исполняли Закон, или потому, что, услышав Радостную Весть, поверили? Неужели вы так глупы, что начали с Духа, а кончаете людскими уставами?! Или всё то, что вы пережили, пустой звук? Быть не может! Неужели Бог дарует вам Дух и творит среди вас чудеса потому, что вы исполняете предписания Закона, а не потому, что вы, услышав Его Весть, поверили? Вот, к примеру, Авраам. Он «поверил Богу, и Бог признал это за праведность». Вы, конечно, понимаете, что сыны Авраама — это те, кто верит. И Писание предвидело, что Бог за веру оправдает языческие народы, и впервые возвестило Радостную Весть уже тогда, когда Аврааму было сказано: «Через тебя все народы получат благословение Бога». Следовательно, вместе с Авраамом, поверившим Богу, получают благословение все те, кто верит. И наоборот: кто полагается на дела Закона, тем грозит проклятие, потому что «проклят всякий, кто не исполняет постоянно всего того, что написано в книге Закона». А что через Закон никто не получит у Бога оправдания, ясно из следующих слов: «Кто праведен благодаря вере, тот будет жить». Закон же не имеет никакого отношения к вере, ведь в нём сказано: «Только тот, кто исполнит все предписания Закона, будет жить». Христос избавил нас от проклятия Закона, приняв проклятие

вместо нас на себя, потому что сказано: «Проклят тот, кто казнен на дереве». Всё это было для того, чтобы благословение, обещанное Аврааму, через Христа Иисуса было дано и язычникам, чтобы и мы получили обещанный дар Духа за веру».

Несчастные псевдохристиане из группы «Христос+» конечно не принимают это на свой счет. Они думают, что «Закон» относится только к ритуальным предписаниям Моисея. Но это, вне всякого сомнения, относится к любому прибавлению чего бы то ни было к разбойнику на кресте, к вере в даром оправдывающего Бога, мгновенно дарующего все совершенство крещаемому по вере и покаянию.

Ефрем Сирин:

«Всем сущим в Риме, призванным святым, то есть оглашенным и омытым чрез крещение. Святыми были крещенные, по причине очищения, данного в крещении: омылись, говорит, и освятились. Мир вам и благодать от Бога Отца нашего, Который вас призвал и в усыновление Свое принял...»

Мы не потенциальные сыны, не потенциальные святые, как бы ни хотелось самоспасателям, которые несут чушь про то, что крещение — лишь семя. Мы реально и воистину сыны. Мы реально и воистину святые. Не тогда сыны, когда узрим Бога в своем очищенном от страстей сердце, но когда Бог назвал нас своими сынами, а сделал Он это в нашем крещении. И, безусловно, во мне это ощущение, подтверждение может и будет развиваться. «Благодать на благодать», от «веры в веру» — но сам факт уже произошел, я уже назван сыном Его, уже освящен, уже оправдан, уже спасен.

Златоуст:

*«Итак, откуда именно освящение? От любви [Божией]. Сказав — «возлюбленным», тотчас присовокупил: **«званным»***

святым», показывая, что источником всех благ для нас служит любовь [Божия]; а святыми он называет всех верующих».

Я добавил слово «Божия» в квадратные скобки, потому что очевидно, что «возлюбленным От Бога», а не «возлюбившим Бога», как обращает на это внимание Августин в приведенной чуть выше цитате.

А вот как отнимают спасение.

Симеон Новый Богослов:

«Но как ты никогда не полагал в уме своем сделать это (очистить сердце) и не верил, что истинно так бывает (что чистые сердцем узревают Бога), то понебрег об очищении сердца своего и не сподоблен узреть Бога. Скажи мне, возможно ли в настоящей жизни сердцу стать чистым? Если возможно, то следует, что всякий чистый сердцем в настоящей еще жизни узревает Бога. Если же скажешь, что Бога узревают только после смерти, то должен сказать, что и чистота сердца бывает только после смерти. Таким образом с тобою может случиться, что не узришь Бога ни в нынешнем, ни в будущем веке. Ибо после смерти не будешь уже ты иметь возможности делать богоугодные дела, чтоб посредством их сделать сердце свое чистым».

«О том, что те, которые уже здесь через причастие Святого Духа соединились с Богом, будут и после смерти пребывать с Ним. С теми же, которые не таковы, произойдет противоположное».

То есть, нужно стремиться к очищению сердца своими усилиями и подвигами. А что же такое эта чистота, чтобы понимать куда двигаться? И что это за такое соединение, которое одно дает надежду пребывать с Ним после смерти, а всех остальных в ад отправляет?

«Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какою-либо страстию, но и не помышляет даже ни о чем худом, или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимою любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога».

«Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления или помысла мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превитаает в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знаменем чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя, как в зеркале».

Об этих всех созерцаниях, светах, опустошениях ума, забываниях себя, я подробно пишу в четвертом томе. Вот так, ставя во главу угла свои мистико-аскетические упражнения над очищением своей психики, они делают это недостижимой нормой спасения, и всех остальных отправляют в глубины уныния и мнимого смирения, которое хуже самой лютой гордыни. От того, что «великий во святых» сообщил нам новое Евангелие, смысл которого в том, что, оказывается, «чистота сердца» и «соединение с Богом» — это «созерцания света» и полеты в рай, и без такой чистоты и соединения никто в рай не войдет, поэтому теперь мы должны «всегда плакать», рыдать, «оплакивать своего мертвеца», «держат ум во аде» и прочие прелести православия.

«Ибо, как Бог и Законоположник наш, Он знает, что если душа не придет в такое настроение, то есть не соделается милостивою, как мы сказали, не будет всегда плакать... то

она не может избавиться от страстей и соделаться чистою, как чисто зеркало».

Боже, сколько погублено душ на этом пути, сколько покалечено, сколько психоневрологических анамнезов от такого христианства. Симеоны Новые Богословы со своей гомоэротикой [1] и надрывными рыданиями просто отнимают у нас радость спасения. Бог свидетель, я почти 20 лет шел этим путем.

Епископ Игнатий Брянчанинов, собиратель «истинного» православия, в итоге, конечно, не оставляет нам такого шанса. По его мнению, ***«Одни православные христиане, и притом прошедшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедию пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство».***

Сам себя очистил, здорово?! А Христос зачем? Это просто магнитик на их холодильнике. Любимый литературный персонаж. А те, кто сам себя по какой-то причине не очистил, не исправил, например, ***«совершенно уповал на подаваемую ему благодать»***, и с грехами и страстями, но с верою в спасительную жертву и кровь Христову, отошел в вечность, то есть ***«те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах или впали в какой-либо смертный грех и не уврачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами».***

Таким образом, не вера спасает человека, не жертва Христова, не оправдание, не примирение с Богом, не освящение благодатью, а его ***«самоврачевание покаянием», «очищение себя от грехов» и «исправление себя».*** Вот это и есть калечащая вера, травматичный религиозный культ.

Никодим Святогорец сокрушается:

«И сколько уже от этой козни вражеской погибло душ, которые, поддавшись рвению неразумной ревности и в своих самоумерщвлениях преступая за меру собственных своих сил, пропали в своих измышлениях подвижнических и сделались посмешищем злых демонов!»

Но не о том он сокрушается, что это извращенное христианство, а что недостаточно осторожны такие делатели. Но я со всей очевидностью показываю в «Вечернем свете», что это не христианство. Не нужно с ним спорить, как с христианством, не нужно горячиться, — нужно относиться к этому, как к индуизму, гностицизму, суффизму и прочим измам. И тогда все станет на свои места. То, что они часто произносят имя Иисус, не делает их христианами.

Вернемся к христианам.

Феодорит:

«Между тем дал знать и то, что пишет не к неверным, но к уверовавшим уже, почему называет их и званными, и святыми, превознося духовными похвалами и воспламеняя в них любовь к Благодетелю».

Опять все тоже самое: «воспламеняя в них любовь к *Благодетелю*». Чем воспламеняется любовь? Тем, что Бог сделал их святыми. В мгновение ока. Вот, что поистине «воспламеняет любовь к Благодетелю».

Скажу о себе: только выйдя из группы «Христос+», вернее, когда Господь меня из нее вывел, когда я стал обычным христианином, (не представителем «*особого религиозного мировоззрения*» по слову о. Олега Стеняева, а просто христианином), только тогда я поразился той любви, незаслуженной, великой, немотивированной, ничем не обусловленной, которой Бог возлюбил человека, и меня среди них.

Только тогда из сердца начинает вырываться истинная молитва благодарения и славословия, когда ты понял, что уже спасён. Что все совершено Христом за тебя. Что тебя, такого, каким ты являешься со всем своим убожеством, Он назвал сыном — своим, родным, то есть сделал Иисуса твоим братом, а тебя сонаследником. Не потенциально, а реально, актуально. Только тогда понятна заповедь: *«Всегда радуйтесь!»* Это поразительно, это непередаваемое чувство радости, доходящей до восторга, благодарности, покоя, мира, любви к Благодетелю.

Все мои тревоги насчет того, что я не спасен, и что нужно успеть себя спасти пока не помер, растворились. Мозг физически расслабился. Ушли страхи, тревоги.

Мне тут на днях вручали повестку на войну: вокруг все бегут, боятся, ужасаются. На велосипедах рвутся через грузинскую границу. Родственники стонут, заламывают руки, а я не только спокоен, но и весел. Меня все это забавляет. Это моя привилегия, это то, что Он мне подарил — забавляться тревогами. Потенциально и мой сын подлежит мобилизации, и меня это совершенно не тревожит. Скоро Царство и мы в нем: о чем еще тревожиться? Только помолиться, чтобы никого не пришлось убить и по-христиански встретить все трудности. Это привилегия спасенных, участь оправданных, удел святых.

Если ты не праведен Его праведностью, не свят Его призванием, не спасен Его благодатью — твоя неизбежная судьба, твоя неминуемая доля — страх. Это твой неизменный спутник, это твой самый близкий сосед. Это твой господин, твоя вера, это твое *credo*. Продолжай *«держатъ ум во аде»*, продолжай, смиренничая, вопить *«благословите грешнейшего»*, продолжай считать себя «неспасенным». Неси и дальше в мир уныние, страх, тревогу. Ты не христианин, ты никому не нужен: ни Богу, ни ближним. Ты никогда не будешь благовествовать, ибо в тебе нет радости о своем спасении. Ты никогда не будешь мирен, ибо тебе угрожает ад за твои грехи. Ты никогда искренне не поможешь ближнему, ибо ты все делаешь только ради того,

чтобы заслужить рай и «*стяжать благодать*». Ты уныл, тревожен и боязлив. И мой тебе совет: не мучь себя и окружающих — смени религию или стань христианином.

Безусловно, нам предлежит и подвиг, и борьба, и доспехи. Но для пребывания, а не для приобретения. Вот как пишет Златоуст:

*«О, какую силу имеет любовь Божия! **Враги и отверженные стали вдруг** (мгновенно, «Е. Ж.») **святыми и сынами**. Апостол, назвав Бога Отцем, **явил их сынами, а когда наименовал сынами, открыл все сокровище благ**. Итак, **не престанем являть жизнь достойную дара, соблюдая мир и святость**. Другие почести временны, прекращаются с настоящею жизнью и продаются за деньги, почему о них можно сказать, что это не почести, но только наименования почестей, получающие свое значение от пышных одежд и от лести окружающей свиты. А **дар освящения и усыновления, как данный от Бога**, не уничтожается вместе со смертью, но и здесь делает нас знаменитыми, и сопровождает в жизнь будущую. **Соблюдающий усыновление и тщательно хранящий дар святости** гораздо славнее и блаженнее увенчанного диадемою и носящего порфиру; даже в настоящей жизни он наслаждается совершенным спокойствием, насыщается благими надеждами, не имеет никакой причины для страха и беспокойства и пользуется непрерывною радостью».*

Дар получен, благословения даны, совершенство обретено в крещении. Будем же жить достойно призвания, дара и благословения. Вот все нравственное учение Завета и первых столетий отцов: все получено, гражданство дано, живите в доме Отца как дети, в Царстве как его граждане по законам этого Царства. А не очищайте себя православной пранаямой, обоживайте мантрами с именем Бога, чтобы это Царство заслужить.

Сейчас новые территории вошли в состав России. Живущие там могли сделать выбор: уехать и остаться гражданами другого государства или остаться и стать автоматически гражданами России. Что они сделали, чтобы стать гражданами? Воевали, наступали, проливали кровь? В большинстве своем нет. Они просто приняли то, что произошло. Остальные уехали. Так и Христос завоевал Царство и предложил гражданство бесплатно.

Златоуст:

«Не малую вражду прекратил Христос, но тяжелую, многостороннюю и продолжительную, и притом уничтожил ее не нашими трудами, но Своей собственной благодатью».

Ты принял дар гражданства? Живи теперь по законам Царства или будь прилежным сыном в доме Отца. Или другой образ: в дверь позвонили, ты открыл, а на пороге стоит самый современный, классный компьютер. Ты никогда не работал с компьютером. Ты обзвонил владельцев компьютеров, тебе рассказали, что вещь потрясающая. Ты радуешься и принял подарок, но настолько, насколько позволяет воображение, — ведь ты еще не почувствовал, насколько интересным, полезным может быть компьютер. Тебе говорят, что чем больше ты будешь упражняться, тем больше радости и удовольствия он тебе доставит. И ты месяц за месяцем, осваивая новую технику, углубляясь в его возможности и функции, все больше и больше получаешь от него удовольствия, радуясь и благодаря того, кто положил его тебе под дверь. А можешь с ленью иногда с него сдуть пыль, и радости он тебе не доставит. Так и со Христом: Он нас влечет благодатью на все большее погружение в Себя.

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною».

Насколько мы откликаемся, настолько мы и радуемся от Его познания. Но не зарабатываем Его своими усилиями, как что-то,

что нам не принадлежит. Кто-то с младенчества во Христе возрастал, и к 70 годам получил определённый опыт в познании Его: Сергей Радонежский, например. Кто-то, как разбойник, запрыгнул на последнюю платформу уходящего поезда, успел еще двадцать раз вздохнуть и умер.

Это все равно лишь капля в океане по сравнению с вечностью, которую мы будем углубляться в Его познании. Неважно, насколько ты успел познать Его здесь. Все равно это *«гадательно, через тусклое стекло»* и *«еще не открылось, что будем»*. Открылось это только Софронию Сахарову, он *«видел Бога как Он есть»*, не через стекло и не гадательно. Ему и конечно всем, кто видел Бога в своем пупке.

Так вот, неважно насколько мы успели тут углубиться, все равно мы спасены с любым познанием Бога: **только Христом, по благодати через веру — solo Christus, solo fide, solo gratia**. Да, кто-то скажет, что это протестантский лозунг. Возможно, но какая мне разница?! Хоть марсианский. Это учение Церкви первых веков, учение Писания, учение Предания.

Феофан Затворник, чаще других в нашей современной (XIX — XX вв.) Церкви пишущий христианские вещи:

«Позваны, уверовали, по вере обновились в крещении, восприяв начала духовной жизни, а потом чрез возложение рук (ныне Миропомазание) в сосуд обновленного естества своего приняли благодать Святого Духа и соделались святыми; в образе мыслей, в начинаниях воли и в чувствах сердца соделались храмом Божиим святым. Не потому ли и возлюбленны Богу, что так святы? Да, не иначе. Как же это? Святость приходит по изменениям в духе вследствие призвания; призвание же само есть дело любви [Божией]. Следственно, возлюбление предшествует тому, что делает боголюбезным. — Весть Господь сущия Своя и возлюбяет их, по предуведению, что послушают звания Его и восприимут освящение, Его устроением подаваемое, — возлюбяет, яко чистых и святых, и тех, кои еще не чисты и не святы, но

имеют возлюбить чистоту и святость и стать благодатию Духа святыми и непорочными».

Где здесь стяжание благодати? Где очищение сердца? Где созерцание Бога? Где стояние на одной ноге 20 лет? Словом, все то, на что мы так падки в своем человекопоклонничестве? Где все то, что должно якобы отделять одних христиан от других, делая одних святыми по делам, а других недосынами, недосвятыми, в лучшем случае святыми потенциально. Бог возлюбил, призвал, мы откликнулись и стали святы через жертву и кровь Спасителя — даром, благодатью через веру.

Киприан «О молитве»:

*«Притом Он не называет уже **учеников землей, но солью земли**, — и Апостол именует первого человека из земли земным, а второго — с неба; поэтому и мы, которые должны уподобляться Отцу Богу, сияющему солнце Свое на злых и благих и посылающему «дождь на праведных и неправедных», следуя Христову наставлению и совершая моление о спасении всех, правильно молимся и просим, чтобы как в небе, т.е. в нас, совершилась по вере нашей воля Божия и мы стали небесными, так и на земле, т.е. в них — неверующих, да будет воля Божия, чтобы и они, **земные по первому рождению, возродившись водою и духом, начали быть небесными**».*

Августин о даре пребывания:

*«Что же? Когда мы говорим: «Да приидет Царствие Твое», разве мы просим не того, чтобы пришло оно и для нас, поскольку **мы не сомневаемся, что оно приидет для всех святых**? Потому и здесь те, кто **уже суть святые, разве не о том молятся, чтобы пребыть им в той святости, которая дарована им**? Ведь иначе не приидет для них Царствие Божие, которое воистину приидет не для кого другого, как только для тех, кто пребудут вплоть до конца».*

Августин о даре пребывания:

*«Эти слова святого человека Божия показывают, что **святые, несомненно, просят у Бога пребывания**, когда говорят: «Хлеб наш... дай нам на сей день», с тем намерением, чтобы не быть отлученными от тела Христова, но **остаться в той святости, благодаря которой они не допускают никакого прегрешения, способного заслуженно отделить их от нее**».*

Учение о святости Завета и отцов первых веков, — даже встречающееся у близких нам по времени учителей, — разбивают полностью чужь про спасение в результате обожения. Вопрос о святости принципиальный: если я не свят, значит не свято крещение, значит недостаточна жертва, значит бессилён Бог, значит *«благодать уже не благодать»*, значит я не сын и Бог не примерен со мной. Вот что мы разрушаем своим культом святых. Не то ужасно, что мы делаем их посредниками, в чем нас обвиняют протестанты — это полбеда. Ужасно, что мы упраздняем благу весть. Из безусловного дара мы делаем спасение платой за наши усилия по зажиманию одной ноздри и введение имени Божиего в пуп. Слава Богу, российские протестанты сами не очень разбираются в богословии, и не видят весь антиевангельский дух нашего мажоритарного богословия. А те, которые на западе видят и говорят, то, слава Богу, мы университеты не заканчивали и не понимаем, чего они там ворчат на нас.

Вот что пишет насчет спасения и его причины святой Проспер:

«Бог, в Котором нет несправедливости и все пути Которого — милость и истина, является благодетельным Творцом всех людей и их справедливым Правителем. Он никого не осуждает без вины и никого не спасает по заслугам. Когда Он наказывает виновных, Он наказывает наши прегрешения, а когда Он делает нас праведниками, Он делает это по Своему дару. Так заграждаются уста у говорящих нечестие, и Бог оправдывается в словах Своих и побеждает, когда Его судят. Осужденные не могут по справедливости жаловаться,

что они не заслужили наказания, как и оправданные не могут искренне утверждать, что они заслужили благодать».

Вы когда-нибудь слышали что-нибудь столь оглушительное для «самостоятельного религиозного мировоззрения», где человеческое почитание давно превзошло богочитание?! Это как звонкая, оглушительная пощечина — проснись! Проснись, спящий в пьяном угаре человекопочитания, языческого поклонения героям!

Еще послушаем того, кто никогда не был переведен на русский. Если мы так любим наше Предание, то почему же знаковый святой, определивший учение Церкви о свободе и благодати, на основании писаний которого соборы провозгласили истину, никогда не был переведен? Хочу напомнить, что решения второго Оранжевого собора, который поставил окончательную точку в пелагианских спорах, осудивших учение Иоанна Кассиана как полупелагианство (хотя сам термин появился позже), были основаны на писаниях св. Проспера Акветанского.

Итак, цитата из работы святого Проспера «Призыв ко всем народам»:

*«Опять же, хотя строение всего храма обеспечивает всю его красоту, однако места и функции камней, входящих в него, не одинаковы для всех; так же как в одном теле все члены не имеют одинаковых функций, как говорит апостол: **«Но ныне Бог расположил члены, и каждый из них, как Ему угодно».** **Неравенство Божественных даров происходит не от заслуг предшествовавших дел, а от Божьей щедрости.** Тот же Учитель в этих словах объясняет, откуда все члены тела черпают свою пригодность, функцию и красоту: **«Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым. Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа***

на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1Коринф.12:3-11). Принимая во внимание эту кристально чистую проповедь учителя язычников, кто может найти причину или предлог сомневаться в том, что **мы получаем семя всех добродетелей от Бога? Кто, кроме совершенного глупца, станет жаловаться на различия в Божественных дарах или воображать, что это происходит из-за неравномерного распределения заслуг, когда Божественная щедрость не дарует всем одинаковые милости? Ведь если бы распределение Его милостей регулировалось заслугами предшествующих дел людей, то апостол не стал бы заканчивать свой перечень божественных даров заключением: «Но все сие творит один и тот же Дух, разделяя каждому, как хочет»**. Если бы в этом отрывке он хотел сказать, что заслуги являются определяющим фактором, он бы сказал: «разделяя каждому по заслугам»; точно так же, как Он обещал тем, кто сажает и поливает, награду за их труды, сказав: «И получит каждый награду свою, по трудам своим». **Каждый получает без всяких заслуг со своей стороны средства для приобретения заслуг.** Получив благодать, он должен приумножить этот дар через Того, Кто дает приумножение. **Каждый человек, без всяких заслуг со своей стороны, получает средства для приобретения заслуг, и еще до того, как он совершил какой-либо труд, ему дается достоинство, благодаря которому его труд заслужит награду»**.

Вот так формируется «особое мировоззрение», а на самом деле другая, языческая религия, имеющая корнями историческое христианство. Тут замалчивается (Проспер), тут откровенные подлоги (второй 7-й ВС), тут имена переменили (перевод

Исаака), тут новое богословие ввели (Палама), тут берем позднейшую традицию (иконопочитание), и поливаем все густым соусом махрового невежества, слабостью духовного образования, приправляем полным отсутствием интереса к духовной жизни, и лишь интересом к принадлежности костей императора и правилами погружения в иордань, и, *Voi la*, блюдо подано. Дымится и манит своим запахом отеческих традиций, восходящих к «пирожкам богине неба» и «каждению медному змию». Вот это я понимаю, древность традиции! А через «посвященных», вообще уходящую в седую древность первых шаманов, камланий и танцев с бубнами. Но об этом совету почитать главу «Лже-Дионисий» третьего тома.

И, наконец, блаженный апостол говорит, кто свят и почему, и как эту святость получить и сохранить:

Кол. 1:22-23: *«[Бог вас] ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными, и неповинными пред Собой, если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования, которое вы слышали, которое возведено всей твари поднебесной, которого я, Павел, сделался служителем».*

Причина святости — Примирение с Богом.

Причина примирения — смерть Спасителя.

Условие сохранения уже полученной святости — пребывание в вере и надежде.

Причем надежда — это не та неуверенность: «случится или не случится», «помилют или не помилют», но твердое, уверенное ожидание вхождения в Царство во Христе.

[1] «Гомоэротика в сочинениях преподобного Симеона Нового Богослова» Василий Васильев и Дерек Крюгер,
«Гомоэротическая притча и тело монаха у Симеона Нового Богослова»

Надежда

Ириней пишет:

*«Итак, люди будут видеть Бога, чтобы жить, чрез видение сделавшись бессмертными и достигая даже до Бога. Это, как я сказал, пророки образно показали, [именно] что **будут видеть Бога люди, носящие Дух Его и всегда ожидающие Его пришествия**».*

Это то, о чём Павел говорит:

«Надежда не постыжает»; «Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?»; «Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою»; «Ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою, если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования, которое вы слышали».

Но надежды в нашей церкви нет. Надежда — это сладостное ожидание грядущего события. Но если у нас нет уверенности в спасении, то, конечно, мы ничего не ожидаем, и только отталкиваем от себя мысль о конце времен. Естественно, мы же «держим ум во аде» — какая тут сладость? Какое тут ожидание? Инуарий Ивлев говорил в своих лекциях, что греческий термин «надежда» употребляется не в нашем смысле «вроде, может быть так», а «может быть иначе». «Надежда» — это когда ты видишь приближающийся автобус на остановке на морозе, и уже предвкушаешь, как в него войдешь и согреешься. Он еще не приехал, но сомнений нет никаких. Вот, что такое новозаветная надежда. А не в смысле: «Надеюсь на экзамене ко мне

отнесутся с пониманием. Я хоть и ничего не учила, но посмотрите на мой живот. Я уже на восьмом месяце». Конечно, никакой евангельской надежды, в смысле радостного ожидания известного события у православных нет. А если нет надежды, то христианство ли это вообще?

Августин:

*«Апостол говорит так: Надеждою мы спасены. Итак, мы начали исцеляться верою, но наше спасение будет совершенствоваться, когда тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие (). Это надежда, но еще не осуществление. **Но кто радуется в надежде, тот получит и осуществление, а кто не имеет надежды, не сможет достигнуть осуществления**».*

Давайте посмотрим на термин ἐλπίς — 1680 конкордат Стронга. Вот мой перевод из Thayer's Greek Lexicon:

*«ἐλπίς (иногда пишется ἐλπίς; так WH в Рим 8:20; Tdf. в Деян 2:26; (см. в п. 2 ниже и ссылки под словом ἀφειδον), ἐλπίδος, ἡ (ἐλπῶ «заставлять надеяться»), септ. для נִצָּחַ וְנִצָּחַ, доверие; נִצָּחַ то, чему человек доверяет или куда бежит в поисках убежища; נִצָּחַ **ожидание, надежда**; в классике — vox media, т.е. **ожидание, будь то доброе или хорошее, т.е. ожидание добра или зла**.*

1. Редко в плохом смысле, ожидание зла, страх; например: ἡ τῶν κακῶν ἐλπίς, Лукиан, Тиранник с. 3; τοῦ φόβου ἐλπίς, Фукидид 7, 61; κακῆς ἐλπίς, Платон, реп. 1, р. 330 е. (ср. legg. 1, р. 644 с. в конце); πονηρά ἐλπίς Isaiah 28:19, Sept.
2. **Гораздо чаще встречается у классиков и всегда в Н. З., в хорошем смысле: ожидание добра, надежда; а в христианском смысле — радостное и уверенное ожидание вечного спасения: Деян. 23:6; Деян. 26:7; Рим. 5:4; Рим. 12:12; Рим. 15:13; 1 Кор. 13:13; 1 Пет. 1:3; 1 Пет. 3:15; ἀγαθή ἐλπίς (часто у светских авторов, как Платон, Phaedo 67 с.; множественное число ἐλπίδες ἀγαθαί, legg. 1,**

р. 649 b.; Ксенофонт, Ages. 1, 27), 2 Фессалоникийцам 2:16; *ἐλπίς βλεπόμενη, надежда, объект которой виден*, Римлянам 8:24; *ὁ Θεός τῆς ἐλπίδος*, Бог, автор надежды, Римлянам 15:13; *ἡ πληροθρία τῆς ἐλπίδος, полнота, т.е. уверенность и сила надежды*, Евр. 6:11; *ἡ ὁμολογία τῆς ἐλπίδος*, исповедание того, на что мы надеемся, Евр. 10:23; *τό καύχημα τῆς ἐλπίδος надежда, в которой мы славимся*, Евр. 3: 6; *ἐπείσαγωγή κρείττονος ἐλπίδος, принесение лучшей надежды*, Евр. 7:19».

Как мы видим, все это относится к ожиданию, а не к вероятности. К уверенности, а не к сомнениям. К радости, а не к страху. Так какую же тогда надежду имеют православные?

Давайте попробуем вставлять наш смысл надежды в указанные выше значения. Первое значение из переведенного отрывка, а через тире — наша, православная надежда, по «святым батюшкам»:

- *радостное и уверенное ожидание вечного спасения* — надежда, что меня помилуют, а может и нет;
- *надежда, объект которой виден* — надежда, на неопределенное событие, типа: «меня в уголочке рая хотя бы посадили бы»;
- *полнота, т.е. уверенность и сила надежды* — полная неуверенность, граничащая с унынием от количества грехов;
- *исповедание того, на что мы надеемся* — если я «держу ум во аде», то что я могу исповедовать в качестве надежды? Свое сомнение?;
- *надежда, в которой мы славимся* — я не уверен в спасении, как такая надежда меня славит?;
- *принесение лучшей надежды* — наоборот, чем более я православный, тем больше себя в аду должен видеть.

Амброзиастр:

«Павел так говорит, потому что надеждою на обещанное Богом во Христе мы сделались достойными освобождения. Итак, мы освобождены надеждою на то, что грядущее таково, как мы верим».

Каково «грядущее» у «держателя ума во аде»? Правильно, ад.

Я не являюсь поклонником убиенного отца Даниила Сысоева, особенно его последователей, но посмотрите, что он пишет:

*«Ибо мы спасены в надежде». Мы уже спасены, уже получили спасение, когда поверили в Иисуса Христа, Сына Божия, в Его Отца и Святого Духа, когда поверили в искупительную жертву. Мы получили спасение в особом чине — Таинстве Крещения. Некоторые полагают, что нужны какие-то особенные чины, но нет, необходимо лишь обычное Таинство Крещения. Это чин получения спасения. **Это подарок спасения, и наша задача в том, чтобы его удержать. Потому и сказано, что мы спасены, но спасены в надежде.** Ведь мы еще не воскресли во плоти, нашему телу предстоит умереть, а потом уже оно будет восстановлено. И еще потому в надежде, что у нас пока нет гарантии спасения. **В том смысле, что нет гарантии, что мы не отпадем от спасения.** Часто люди говорят: «Как бы мне спастись?» Да очень легко. Поверь, согласно Никейскому Символу, приди в православный храм, раскайся в своих грехах, прими Святое Крещение — и ты спасен. Все, больше ничего не надо. Другое дело, как удержать спасение, не потерять его. **Наша задача не заработать что-то новое, а удержать, что мы уже получили. В этом очень важная разница. Многие люди бегают всю жизнь непонятно за чем. Да у тебя уже есть. Держи!»***

Вот так. Конечно, гарантии, что мы не отпадем, у нас нет. Это к кальвинистам за такой гарантией. Но сейчас мы спасены.

Златоуст:

«Упованием бо спасохомся, — продолжает он. Так как (апостол) доселе вел речь об обетовании будущих благ, а для более немощного слушателя казалось прискорбным иметь лишь надежду на благо, то он сперва раскрыл, что **будущие блага гораздо достовернее настоящих и видимых**, много беседовал и о дарах уже сообщенных и доказал, что мы получили начаток будущих благ, а затем, чтобы мы не искали всего здесь и не погубили своего благородства, приобретенного чрез веру, говорит: «упованием бо спасохомся». Смысл этих слов следующий. Не нужно здесь всего искать, но нужно и надеяться. Ведь мы и принесли Богу только один тот дар, что поверили Ему в обетование будущих благ, и только одним этим путем мы спаслись. Если мы потеряем этот путь, то погубим свое приношение. **Спрашиваю тебя, говорит: не был ли ты виновен в бесчисленных худых делах? Не погибший ли ты человек? Не подлежишь ли ты приговору? Не все ли оказались бессильными спасти тебя? Итак, что спасло тебя** (в прошедшем времени, «Е. Ж.»)? **Одна только надежда на Бога, одна вера в то, что Он обещал и даровал: ты ничего большего не мог и принести в дар Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Как скоро она доставила тебе столько благ, то очевидно, что не обманет тебя и относительно будущего. Если она, нашедши тебя мертвым, погибшим, пленником и врагом, сделала другом, сыном, свободным, праведным и сонаследником и доставила тебе столько благ, сколько никто никогда не ожидал, то, после столь великой щедрости и благосклонности, неужели она оставит тебя в последующих обстоятельствах? Итак, не говори мне: опять надежды, опять ожидания, опять вера. Таким образом ты спасся в начале и этот единственный дар ты принес жениху. Потому соблюдай его и храни. Если ты будешь требовать здесь всего, то погубишь свою заслугу, при посредстве которой ты прославился».**

У меня радостные слезы на глазах, когда я читаю христиан. Они удивительны, бесподобны, вернее, подобны: подобны Своему Учителю. Почему бы не давать крещаемым заучивать наизусть вот этот фрагмент Златоуста?! И экзамен по его толкованию на Римлян?! А что делают паламиты? Они «требуют всего здесь». Они уже здесь *«видят Бога как Он есть»*, уже здесь они сияют «фаворским светом». Это нам со Златоустом и Павлом лишь надежда — ожидание, а им нужно больше, им нужно быть равноангельными.

Павел говорит: *«Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?»*, но они видят, ясно видят Бога *«как Он есть»*, какая тут надежда? Это для *«мертвых мирян»*, по слову Лествичника. И хотя Лествичник говорит о надежде, но его надежда исходит из знания и видения, а не веры.

Констанций:

«В этом месте апостол имеет в виду тех, кто уверовал во Христа. Ибо, когда он говорит, что мы имеем начаток Духа, он хочет сказать, что христиане восприняли главные дары Святого Духа и стяжали большую благодать, чем все те святые, которые жили до прихода Христа».

Феофилакт:

«Поскольку говорил о будущих предметах, которым многие не верили, то внушает: не сомневайся ты, верующий, относительно того, что я говорю: на основании того, что ты уже получил, будь уверен и относительно будущего. Как прежде, когда Бог даровал тебе великие блага, ты ничего не принес, кроме одной веры, так и теперь, в надежде на будущие блага, воспользуйся верой же. Ибо надежда тогда именно и бывает надеждой, когда предмет ее составляет невидимое; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?»

Уверенность в спасении

«Смирennemудрие не есть осуждение совести;

но благодати Божией и Его благоснисхождения исповедание».

Марк Подвижник

Вы когда-нибудь думали, что христианский тесный путь – это не только, а, может, не столько всякие лишения и страдания, сколько очень узкий образ мыслей? Вы встречали словосочетание «подвиг веры»? Вы думали, что верить трудно?

Псевдохристианству свойственна одноразовая вера в то, что Христос-Бог умер и воскрес, что, безусловно, спасительно по слову апостола. Однако, раз поверив, человек сосредоточен в лучшем случае на каких-то канонах и правилах. Какая может быть активная, ежедневная вера? Дело в том, что человеческое сознание так устроено, что оно все время отклоняется в двух направлениях: спасение по делам и языческое, магическое мировосприятие. Это не только у нас, это – вообще особенность человека. Так вот, возвращать себя каждый день в евангельское благовестие прежде всего размышлением и сердечным упованием есть, несомненно, подвиг веры. Все, что мы видим в храме, заставляет нас отклоняться либо в «стяжание благодати по делам», а, значит, и искать спасение в делах, либо поклоняться твари вместо творца. И чтобы оставаться христианином в нашей церкви потребуется подвиг веры.

Так в чем же он состоит, если кратко? Верить, что ты спасен! Думаете, это просто, как представляют наши пастыри и церковные авторы? Думаете, что это – легкая вера, удобная и комфортная жизнь? Самоуспокоение и самообман? А вы знаете, что уверенность в спасении — это единственный критерий, по которому можно определить, человек – христианин или язычник? Жестко звучит? Давайте разбираться.

Просто ответьте на вопрос: вы надеетесь на спасение? Надежда на вас или на Бога? Если на вас, на размер вашей веры и силу устремления — вопросов нет. Если на Бога, то почему вы не уверены в спасении?

2 Кор. 3:4-6: **«Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа не потому, чтобы мы сами способны были помыслить: что от себя, как бы от себя, но способность наша – от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит».**

1 Пет. 5:10: **«Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми».**

Евр. 13:20-21: **«Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса [Христа], да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, производя в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь».**

Фульгенций Руспийский:

«Благословенный апостол говорит, что мы спасены верою, которая не от нас исходит, а является даром Божиим. Конечно, не будет истинного спасения там, где нет истинной веры; а поскольку вера эта изливается божественно, то она, без сомнения, дается Его безвозмездной щедростью. Там, где через истинную веру рождается истина исповедания, к ней, конечно, прибавится и истина спасения».

Таким образом, почему мы не можем быть уверены в спасении? Как мы увидим далее, оправдание происходит внутри св. Троицы жертвой Сына, и поэтому мы спасены, будучи грешниками – даром благодати через веру. Христос доведёт нас до совершенства и святости, а уверенность в этом основывается

на обетованиях Божиих. То есть, спасение в прошедшем, освящение в настоящем времени и прославление в будущем. И мы уверены, что раз Христос это совершает, а не мы, то Он закончит начатое.

Если же мы не уверены в спасении, значит, мы надеемся на себя, что у нас хватит ума и доброй воли, чтобы достаточно себя обожить, хотя и при помощи благодати. Ответьте на вопрос: *«Почему вы не уверены в спасении?»* Вы скажете, что вроде как грехов много, а спасаются святые. Вот, видите, опять эти особые святые, которых нет и в помине в Новом Завете. *«Вы святые»* – везде апостолы это повторяют. Разбойник первый вошел прежде апостолов. Как вы не можете понять, что суд уже состоялся, приговор вынесен и приведен в исполнение, но без вас. Вас не было в тот апрельский день в Иерусалиме. Вы знаете основополагающий принцип юриспруденции? Никто не может понести наказание за одно и то же преступление дважды. Христос взял ваши прошлые, настоящие и будущие грехи на себя. Все, в которых вы раскаиваетесь и просите прощения. Вас невозможно наказать, потому что наказали Его. Это – смысл заместительной жертвы. Это настолько очевидно, что только в обществе, отдаленно напоминающем христианское, может потребоваться объяснение.

Вот что пишет еп. Феофан на Рим. 8:24:

*«Это не то значит, что мы еще не спасены. **Нет, мы спасены: спасохомся. Умри кто сейчас, получит все принадлежащее спасению**».*

Почему получит? Потому что обожился на 67%, а проходной бал был 65? Или потому что набрал достаточно масла в светильники? Откуда еп. Феофан знает о том, кто сколько набрал из читающих его строки? Все просто: он пишет верующим, верным чадам Церкви, не отлученным от общения нераскаянными грехами. Я спасен не потому, что я хороший, а потому что Христос так изволил: меня избрал, призвал, поставил, чтобы я приносил плод, и плод мой прибывал. Сам

этот плод во мне растит, Сам поливает, очищает и т.п. (Ин. 15). А я только не сопротивляюсь влекущей меня благодати. То есть, конечно, сопротивляюсь, но не непреодолимо: раз я не теряю веру и не предаю Церковь.

Вот вы сейчас читаете это и думаете - а вдруг я ошибаюсь, а вдруг идея уверенности в спасении не угодна Богу, ведь говорят же нам: *«Держи ум во аде»*. А вдруг неуверенность в спасении не только не угодна Богу, а вообще препятствуют спасению? А вдруг все, кто был не уверен в спасении, не спасаются? Почему? Да потому, что они надеются на себя. Если ты уверен, что ты – грешник, которого приговорили прибить ко кресту, но при этом вместо тебя казнили другого, а тебя оправдали, то почему ты не уверен? А потому, что ты хочешь спастись на более твердом основании — твоими делами. Пусть ты надеешься на милость, но подкрепленную своими заслугами — так надежнее. Лучше доброе слово и револьвер, чем просто доброе слово. А так придется надеется только на милость, но как ее потрогать? Добрые дела явно есть, они в моей памяти, многие люди хорошее обо мне скажут. А милость Его, оправдание, примирение с Отцом — это все слишком эфемерно. Вот и подвиг веры. Ты не можешь и не хочешь в это верить. Ты не хочешь быть спасенным по благодати. Все твои смиренные разговоры — *«Благословите грешнейшую»* — мерзость перед Богом. Если ты не уверен в спасении, не называй себя грешником никогда. Грешник не имеет никакой надежды, кроме милости Бога. Она уже явлена, Его обетования тверды, как скалы из алмаза, ничто не поколеблет Его слова: *«Верующий в Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь»*.

Кто поколеблет эти слова? Батюшка Спиридон? Или Матушка Фекла? Или подобный в высшей степени Силуан? Или может собор архиереев? Кто поколеблет эти слова, перед силой которых трепещет весь ангельский и демонский чин, все начала и власти? А тот, кто не уверен, к тому эти слова, по-видимому, и не относятся. Он верует в себя, надеется на себя, уповает на

дела и заслуги, соблюдение канонов и правил, на то, что он принадлежал правильному патриархату.

Вот подвиг веры. Вот поистине самый узкий путь на свете. Нет более тесного образа мыслей: лишь гарантия от Бога, что я спасен, есть единственное основание моего спасения. Опять же, здесь и сейчас. Возможность отпасть в будущем всегда остается. Хотя Августин и учит, что тот, кого Бог определил спасти, от вечности пасть не может, но это отдельная большая тема. Это учение не верно, оно не библейское, и было отвергнуто Арелатским собором 475 г., хотя и без упоминания имени Августина. Спасен тот, кто сейчас находится во Христе, в Церкви. Как понять, что человек во Христе? Уверенностью в спасении.

В Новом Завете спасение употребляется в трех временах: прошлое — оправдание, настоящее — освящение, будущее — прославление. И для нас субъективно процесс не окончен и даже не определен, ибо мы не знаем, каков наш конец. Но если ты пребыл в вере до конца (Августин «О даре пребывания»), то это — свидетельство твоего спасения, причем это дар Бога — пребыть в вере до конца. Естественно, в вере активной, в вере в Иисуса из Назарета как Сына Божьего, сопряженное с Его публичным исповедованием и сердечным убеждением в его телесном воскресении: *«Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению».*

Но для Бога всех этих времен нет. И спасение, как решенный вопрос, исходит именно из надвременности Божьего решения: оправдать, освятить и прославить. И если сейчас у меня есть вера, то сейчас я спасен, хотя процесс продолжается во времени. Но результат известен. Его промысел и водительство безошибочно приведут меня к апофеозу спасения — прославлению: *«И я уверен, что Тот, Кто начал в вас Свое*

доброе дело, непременно завершит его ко Дню Христа Иисуса» (Флп. 1:6, пер. ред. Кулакова). Не нарушая той ложно понятой свободы, которая на самом деле есть рабство, но истинную свободу даруя.

Исходя из этого, говорить, что я не спасен — значит отвергать Божию милость о себе, быть неблагодарным, сознательно противящемся Богу. А говорить, что я «сам себя очищаю от страстей», хотя и с помощью благодати, означает вообще подводить себя под пелагианские анафемы. Мешать я могу Богу — это я прекрасно понял. А вот помогать могу только тогда, когда верю доверюсь Его водительству и с благодарностью приму Его жертву и ее последствия: оправдание, освящение и будущее прославление.

Августин пишет в «даре пребывания»:

*«После сего мы молимся и о грехах наших, говоря: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим». По испрошении пищи испрашивается отпущение грехов, чтобы человек, питаемый Богом, и жил в Боге, и заботился не только о временной, но и о **вечной жизни, а ее можно достигнуть, если прощены будут грехи**, которые Господь в Своем Евангелии называет долгами, говоря: «Весь долг... отпустих тебе, понеже умолил Мя еси».*

То есть, «вечной жизни можно достигнуть, если прощены будут грехи, которые Господь в Своем Евангелии называет долгами». А эти долги — мы уверены — по слову апостола Он простит нам.

По какой причине? Чтобы ты ответил Отцу, если бы он спросил: *«Почему я должен тебя помиловать?»* Ты бы, наверное, сказал: *«Я принадлежал благодатному патриархату. Я причащался и соблюдал иногда среду и пяток, в которые отказывал себе в белковой пище».* Но правильный ответ, отверзающий двери рая, таков: *«Христос грехи мои Сам вознес телом Своим на древо, дабы я, избавившись от грехов, жил*

для правды: ранами Его я исцелился» (1Пет. 2:24). Лучше запомнить эти слова, они могут пригодиться в самый ответственный момент. И, конечно, при условии, что мы простили всем все от всего сердца ради любви к Нему.

Вот билет в рай, а не высшее подобие, достигаемое через биение бесов друг об друга. Хватаешь одного беса и им молотишь других, громко крича: «*Или ты меня, сатана, или я тебя!*» (Иосиф Исихаст). Об этом в главе «Демонология» в четвертом томе, очень рекомендую, если пропустили.

Августин продолжает там же:

*«Ведь те грехи, об оставлении которых мы молимся здесь — это грехи прошлые, тогда как **пребывание, которое делает нас спасенными в вечности**, хотя и необходимо во время этой жизни, но не в прошедшее [время], а в то, которое еще остается до ее конца».*

Именно пребывание в спасительной вере, когда мы уверены, что как грешники мы осуждены, но Христос вместо нас умер, делает нас спасенными в вечности.

И опять из «Дара пребывания»:

*«Наконец, когда святые говорят: «И не введи нас в искушение, но избавь нас от зла», о чем они молятся, как не о том, чтобы им **пребыть в святости** (в уже полученной, «Е. Ж.»)? Ибо поистине, если будет дарован им этот дар Божий, чтобы не впасть в искушение — а что это дар Божий, вполне ясно и очевидно из того, что он испрашивается у Бога — итак, если дарован будет им этот дар Божий, **всякий из святых сможет вплоть до конца сохранить свое пребывание в святости**. Ведь никто не перестанет пребывать в христианском призвании, если не впадет сперва в искушение. Поэтому если ему будет даровано то, о чем он молится, т. е., чтобы не впасть в искушение, то он,*

несомненно, устоит в освящении, которое получил по дару Божию».

«Святость» и «христианское призвание» тождественны. Не подумайте, что под святыми он понимает высшую касту существ, обоженных плотью и душой. Нет, святыми он называет, вслед за апостолом, всех христиан. С самого начала трактата, потому что именно христианам дана молитва Господня, которую Августин разбирает в начале трактата: *«Всякий из святых сможет вплоть до конца сохранить свое пребывание в святости. Ведь никто не перестанет пребывать в христианском призвании, если не впадет сперва в искушение».* «Святость» и «христианское призвание» — синонимы.

Так вот, святость мы не приобретаем, а пребываем в ней, так как святы по вере и крещению. Ничего больше, чем даровано в крещении, мы не получим, не приобретем, не выьем кулаками, как Иосиф Исихаст, или коленями, как Серафим Саровский. Только пребывание в святости призвания, веры и крещения спасает.

Августин «О даре»:

«Поэтому некоторые молятся так (это мы читаем в многочисленных рукописях, да и блаженный Киприан так приводит это место): «Не дозволяй нам быть введенными в искушение». Но в греческом Евангелии мы повсюду найдем лишь это: «Не введи нас в искушение». Итак, с большей безопасностью будем мы жить, если предоставим все Богу и не станем полагаться [лишь] отчасти на Него, а отчасти — на себя».

Вот это «отчасти на себя» — это как раз «Христос+». Действительно, лучше несколько аргументов на суде, чем один. Простая арифметика. Кроме Христа еще дела, еще принадлежность к правильному Патриарху (вероятно, Константинопольский уже не спасителен, если нам запрещено с ними причащаться), еще молитва церкви за усопшего, еще

ходатайство небесных святых, еще аккумулятивная благодать, как заряд в литиевом аккумуляторе. Вот уже неплохой наборчик, шансы повышаем.

А на Христа одного надеяться опасно: вдруг недостаточно? А вдруг все наоборот: те, кто надеется еще на что-то, не пройдут испытание? Вдруг не спасутся все, кто сомневался в спасении, а, значит, надеялся на свое состояние, дела, заслуги? Вдруг, вот этот ужасно тесный путь означает категорическую узость веры: веры *«только в одного посредника между Богом и человеком — Христа Иисуса»*? Вере только в Его жертву как единственную причину помилования, оправдания, усыновления? Чем спасалась Феодора во время «мытарств»? Своим упованием на кровь непорочного Агнца? На Божии обетования? На жертву? На искупление? На примирение? Ни разу. За нее старчик молился. Вот, оказывается, единственное надёжное основание.

Августин продолжает там же:

*«Итак, даже если бы и не было никаких других свидетельств, одной этой молитвы Господней хватило бы нам в отношении благодати, которую мы защищаем, поскольку **ничего у нас не остается, чем мы могли бы хвалиться, как своим.***

Поэтому и то, чтобы мы не отступали от Бога, как показывает это, дается лишь от Бога, поскольку должно испрашиваться у Бога. Ведь тот, кто не впадает в искушение, не отступает от Бога. Это совершенно не в силах свободного решения, таких, какие они суть сейчас, но было в силах человека, прежде чем он пал. А после падения человека Бог изволил, чтобы только лишь от Его благодати зависело, приступит ли человек к Нему, и только лишь от Его благодати зависело, чтобы человек не отступал от Него».

Только Христос, только благодать, только вера!

И последняя цитата оттуда же:

«Поэтому и пожелал Он, чтобы мы просили у Него не быть введенными в искушение, ведь если не будем мы введены [в искушение], никоим образом не отступим от Него. Он мог бы даровать это нам и без наших молитв, но пожелал, чтобы своими молитвами мы напоминали самим себе, от Кого получаем мы эти благодеяния. Ведь от Кого мы получаем их, если не от Того, у Кого справедливым будет и испрашивать их? Пусть в этом вопросе вовсе не надеется на затруднительные рассуждения, пусть она посмотрит на свои ежедневные молитвы: она молится, чтобы неверующие уверовали — значит, Бог обращает к вере. Она молится, чтобы верующие пребывали — значит, Бог дает пребывание вплоть до конца».

Таким образом, в этом трактате рассматривается соотношение свободы и благодати. Но «*пребывание в вере вплоть до конца*» является единственным условием спасения. Значит, пребывающий в вере сейчас уже спасен. Это настолько очевидно, что Августин говорит об этом, как о само собой разумеющемся. Это настолько очевидно, что вы не найдете ни одной цитаты, даже вырванной из контекста, где говорилось бы: «*Мы спасемся не одной только верой, но и...*». Найдите такую цитату у отцов до V-VI века. Да, мы найдем цитаты, вроде «*Если будешь говорить, что веришь, а жить, как язычник, то такая вера не спасет тебя*». Все верно. Верой мы спасаемся, делами пребываем в вере. Но не верой и делами мы спасены: получаем дар верой, пребываем в даре жизнью.

Но самоспасатели, обожники именно спасаются, то есть получают дар своими усилиями. Послание Иакова прекрасно ложится в такое понимание. Я об этом подробно говорю в главе «Варнава». Тут только отмечу: спасаемся только верой, входим в дом Отца только верой, но пребываем в доме Отца делами любви: «*Вера, действующая любовью*».

Наши убогие попытки оправдать теорию «Христос+» цитированием Иакова полностью несостоятельны.

Действительно, есть спасающая вера, которая манифестируется делами, это вполне очевидно. И есть вера, вроде согласия, что Австралия существует. А какое значение Австралия играет в твоей жизни? Никакого? Но ты согласен, что она есть? Молодец, *«бесы тоже веруют и трепещут»*. Поэтому приведу мнения соборов, которые должны были бы играть какую-то роль в нашем богословии, если бы мы так пеклись о Предании, как об этом кричим:

*«А те, что противятся ему, да будут прокляты. Мы же, просвещенные Христом, истинно и верно утверждаем, что погибающий во грехе может быть спасен по благодати, и не должен надеяться на собственные усилия, чтобы не погибнуть от невозможности совершить это, и не страдать от чувства вины. **Итак, мы, находящиеся во Христе и ведомые Им, верим, что без благодати мы — ничто. Мы утверждаем, что мы — рабы Христовы, и полностью исключаем всякую надежду на спасение по делам, но совершаем их, потому что благодать действует в нас,** говоря: «Мы абы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».*

Благодать действует в нас, и мы совершаем дела. А не мы совершаем дела, и поэтому благодать действует в нас.

Карфагенский Собор 418 г. Постановление 126.

*«Благодать Божия, исходящая от Иисуса Христа Господа Нашего, дает и познание наших грехов, и дает знание чего мы должны искать и от чего уклоняться, она же дает нам и расположение, и любовь к деланию этого. **И то, и другое есть дар Божий: и знание, что должно делать и любовь к добру,** ибо написано: «Бог учит человека разуму» (Пс.93,10); также: «Любовь от Бога» (1Ин.3,7). Кто это отрицает да будет анафема».*

Благодать действует в нас, и мы совершаем дела. А не мы совершаем дела, и поэтому благодать действует в нас.

Карфагенский Собор 418 г. Постановление 127.

*«Также кто скажет, что мы по свободному произволению и без благодати можем совершать Божественные заповеди, хотя с благодатью мы можем совершать их легче и удобнее, да будет анафема. Ибо о плодах заповедей Господь сказал: **«Без Меня не можете творить ничего» (Ин.15:5), а не: «Без Меня хотя и можете делать, но со Мной удобнее».***

Благодать действует в нас, и мы совершаем дела. А не мы совершаем дела, и поэтому благодать действует в нас.

Описывая Диоспольский собор 415 г., Августин писал:

*«В третьей главе своей книги Целестий писал: «Божья благодать и помощь не являются отдельными действиями, но содержатся в свободной воле, или законе и учении». И еще: **«Божья благодать должна даваться по нашим заслугам, потому что если Он будет давать ее грешникам, то окажется несправедливым».** Еще найдены у него такие слова: «Сама благодать находится в моей воле, независимо от того, достоин я или нет, и от меня зависит, поможет ли она мне». И еще он говорит: «Если благодатью Божьей мы побеждаем грехи, то Бог виноват, когда грех побеждает нас, потому что Он или не смог, или не захотел нас защитить...» **Теперь, после этого осуждения, когда мы спорим с такими мнениями, мы спорим с уже осужденной ересью».** [1]*

Второй Оранжский Собор 529 г.:

«Благодать Божья не дается по желанию человека, но сама побуждает человека взывать к ней.

Если кто-то говорит, что благодать Божья может быть дарована по желанию человека, а не то, что сама благодать заставляет нас призывать к ней, тот противоречит пророку Исае или Апостолу, который цитирует его слова: «Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне».

Исток веры находится не в нас самих, а зависит от благодати Божьей.

Если кто-нибудь скажет, что как начало, так и возрастание, да и сама вера, с помощью которой мы обращаемся к Тому, Кто оправдывает нечестивого человека, и приходит к возрождению в святом крещении, происходит не по дару благодати (т.е., по вдохновению Божьему Святой Дух, обращает нашу волю от неверия к вере, от нечестия к благочестию), но заложена в нас по природе, тот является противником учения Апостола; ибо блаженный Павел говорит: «Будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа»; а также: «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»; и еще: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» [2]. Те, кто утверждают, что вера, с помощью которой мы верим в Бога, является естественной, тем самым определяют всех тех, кто не принадлежит к Церкви Христа, в некотором смысле как «верных».

VI. Без благодати Божьей милость Его не даруется нам, не взирая на то, что мы верим и ищем; но сама благодать заставляет нас верить и искать ее.

[3] Если кто-нибудь говорит, что без благодати Божьей милость даруется нам Богом, если мы верим, желаем, жаждем ее, боремся, трудимся, бодрствуем, взыскиваем ее, ищем, просим о ней, когда мы стучимся; и не признает, что это происходит по вдохновению Святого Духа внутри нас; кто говорит, что верит в то, что мы имеем желание или силу делать все это так, как должны, и использует помощь благодати в качестве дополнения к человеческому смирению или послушанию, вместо того, чтобы признать, что послушание и смирение являются даром самой благодати, тот противится Апостолу, который говорит: «Что у тебя

есть, чего ты не получил?» [4] и: «Благодатью Божьею есмь то, что есмь». [5]

VII. Одной лишь силой природы без благодати мы не способны помыслить или избрать что-либо благое, относящееся к нашему спасению.

[6] Если кто-нибудь утверждает, что мы способны помыслить или избрать что-либо благое, относящееся к спасению и вечной жизни, или откликнуться на благовестие, то есть на евангельскую проповедь, лишь природной силой без озарения и вдохновения Святым Духом, который дает всем возможность откликнуться и верить истине, тот обманут еретическим духом, и не понимает слов Бога, который говорит в Евангелии: «Без Меня не можете делать ничего» [7]; а также слов Апостола: «Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога». [8]

VIII. По свободному выбору никто не может прийти к благодати крещения.

[9] Если кто-то, допуская, что некоторые получают это благо по милости Божьей, утверждает, что другие, однако, могут прийти к благодати крещения по свободному выбору своей воли (которая, как известно, была искажена у всех, кто родился после грехопадения первого человека), то можно считать доказанным, что он не принадлежит к истинной вере. Ибо он утверждает, что свободный выбор всех людей не был полностью искажен грехом первого человека; или, по крайней мере, думает, что он был поврежден лишь настолько, чтобы допустить возможность того, что некоторые могли искать тайну вечного спасения без откровения Божьего. Насколько ложно это мнение, доказывает Сам Господь, который свидетельствует о том, что не просто некоторые, но вообще никто не может прийти к Нему, если Отец не привлечет его; именно это он говорит Петру: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли

тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» [10]; также пишет Апостол: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым». [11]

IX. О помощи Божией, действием которой мы совершаем добрые дела.

[12] Это Божий дар, который дается, когда мы мыслим верно и удерживаем свой путь от лжи и неправды; ибо всякий раз, когда мы совершаем добро, Бог творит в нас и с нами, чтобы и мы могли действовать.

X. О помощи Божьей, и о том, что все всегда должны испрашивать ее.

[13] О помощи Божьей всегда следует молиться даже тем, кто возродился и осветился (исцелился), чтобы они могли дойти до достойного конца и устоять, совершая добрые дела.

XI. Об обязательствах обетов

Никто не может должным образом принести какой-либо обет Богу, не получив от Него того, что он хотел бы обещать, как сказано: «И что от руки Твоей приняли, то приносим Тебе».

[14]

XII. На каком основании Бог любит нас.

[15] Бог любит нас за то, какими мы станем благодаря Его благодати, а не за то, какие мы есть по нашим собственным [16] заслугам.

Я часто слышу:

«Мы не принимаем второй Оранжский собор». Хорошо, кто эти «мы»? Фонд Василия Великого? Или братство Пафнутий Боровского? Вероятно, православная церковь. А Карфагенские, Иерусалимские, Арелатские и Оранжские епископы были частью

православной, католической, соборной, вселенской Церкви в V-VI веке? Или, может быть, есть другой собор, который отменяет всю антипелагианскую борьбу Церкви? Ведь второй Оранжевый собор венчал 100 лет борьбы с пелагианством — это лишь последний из 4-х соборов. Это — лишь выражение мнения Церкви, сформированное столетием ожесточенной борьбы с ересью Пелагия, Целестина.

Говорят, также, что это — «западное» богословие? А Карфаген — тоже Запад? Африка — Запад? А первый собор 415 г. Диоспольский — тоже Запад? Почему-то в обиходном мнении Августин и Проспер считаются «западниками», а Иоанн Кассиан — восточным, православным — нашим. Мы можем часто найти статьи о Проспере с названиями, вроде «Из истории западного богословия». Естественно, слово «западный» близко по коннотации со словом «поганый» (pagani, лат.) И это при том, что Августин жил и творил в современном Алжире. Проспер — в Риме, Иоанн Кассиан — в Марселе, Викентий Леринский — во французском Туле, епископ Фауст (Фавст) — в современном французском Рене. Где Восток?

Соборы, рассматривавшие эти вопросы: Карфагенский 418 г. — Тунис, Арелатский собор 474 г. — юг Франции, Второй Оранжевый (Араузионский) 529 г. — Оранж во Франции. Где Восток? Весь спор о свободе и благодати шел на Западе империи. А Диоспольский Собор состоялся в Палестинском Лидде, утвердивший учение о примате благодати, а не дел. И, приняв любую сторону, мы принимаем западное богословие. Как будто география для истины является непреодолимым препятствием.

Вот, что пишет о том, кому же подается благодать, неустанный певец Божией благодати святой Проспер:

«**Благодать**, *sine qua non* (непременное условие, «Е. Ж.») всех заслуг, **дается незаслуженно, исключительно по Божьему благоволению**. Божья воля, таким образом, является **единственной причиной, по которой благодать даруется**

любому человеку, независимо от его нации или расы, состояния или возраста. В этой воле скрыт мотив избрания. Заслуги начинаются с благодати, которая сама по себе была получена незаслуженно. Если бы заслуги можно было получить без благодати, мы бы не имели таких слов: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан.3:5), и: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Иоан.6:53), мы бы скорее слышали: «Если кто не будет праведен и добр, не может достигнуть вечного счастья». Не было бы нужды родиться свыше от воды и Духа, если бы достаточно было знать Закон. **Мы верим, что в крещении прощаются все грехи; эта вера была бы напрасной, если бы нас учили, что благодать дается не злым и нечестивым, а только добрым и праведным.**

Таким образом, **источник истинной жизни и истинной справедливости лежит в таинстве возрождения.** Когда человек рождается свыше, тогда его добродетели начинают быть истинными, тогда они, которые едва ли могли бы получить земную награду тщетной похвалы, начинают через веру продвигаться к вечной славе. Прежде чем человек оправдается, будь он иудей, гордящийся своим знанием Закона, или грек, превозносящийся изучением естественной мудрости, он находится в плену греха. Если бы он упорствовал в своем неверии, Божий гнев остался бы на нем, гнев, вызванный грехом Адама.

Апостол говорит об этом в следующих словах: **«И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие»** (Еф.2:1-3), и еще: **«Вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов**

обетования, не имели надежды и были безбожники в мире. А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою» (Еф.2:12,13); и еще: «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе» (Еф.5:8); и еще: «Благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов» (Кол.1:12-14), и далее: «Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тим.3:3-7)».

Также бытует заблуждение, что учение синергии предполагает, что свободные человеческие усилия играют важную роль в спасении.

Это не так. Более того, Иоанн Кассиан [\[17\]](#) прямо говорит о том, что Бог творит из нежелающих желающих, из противников Бога, Его верных последователей. Учение Иоанна Кассиана не предполагает синергии в одном человеке в том виде — как это прочно вошло в наше практическое благочестие — вообще не использует этот термин или его аналоги. Учение Иоанна для одной группы людей полностью повторяет учение Августина, то есть, что Бог предваряет человека своей благодатью, а для других людей полностью повторяет учение Пелагия, что они, другая группа, «силой берут Царствие Небесное, а потому не нуждаются в привлечении от Отца» и «Бог для них не Спаситель, а Помощник».

Иоанн Кассиан говорит:

*«И опять же, если Он видит, что мы не хотим или остыли, Он возбуждает наши сердца спасительными увещеваниями, благодаря которым в нас обновляется или **формируется добрая воля**» (Гл. 11).*

То есть, Бог формирует нашу добрую волю, а не наша свободная воля способна делами «стяжать благодать».

В 17-й главе 13-го собеседования Иоанн Кассиан говорит совершенно прямо: *«Бог возбуждает стремление одних, уже желающих и жаждущих его, к еще большему рвению, а других заставляет даже против их воли и сопротивления».*

Последнее замечание «заставляет даже против их воли и сопротивления», практически дословно повторяет категоричные мысли Августина, причем Проспер, особенно в поздних трудах, значительно мягче.

Этот пункт вообще не удивителен потому, что нормального перевода на русский язык Иоанна Кассиана просто не существовало до последнего времени. Мы [впервые перевели это собеседование](#) полностью.

Кассиан:

*«У кого есть бесконечная тяга к чтению? Кто без благодати Божьей может проявлять неустанное усердие в работе, не получая при этом никакой выгоды? Как все эти вещи **не могут быть желаемы нами без божественного вдохновения, так они не могут быть достигнуты без Его помощи**».*

Желать добра и делать его внушает благодать.

Кассиан:

«Из этого видно, что не только дела, но и добрые помыслы имеют источником Бога, который изначально вдохновляет нас доброй волей и дает силу и возможность совершить то, что мы справедливо желаем, ибо «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак.1:17), который и начинает доброе дело, и совершает его и заканчивает в нас, как говорит Апостол: «Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей» (2Коринф.9:10). Но нам надлежит смиренно следовать благодати Божьей, которая влечет нас каждый день, иначе, если мы будем, как написано, людьми жестоковыйными с необрезанными ушами (Деян. 7:51), то услышим слова Иеремии: «И скажи им: так говорит Господь: разве, упав, не встанут и, сокрушившись с дороги, не возвращаются? Для чего этот народ, Иерусалим, находится в упорном отступничестве? они крепко держатся обмана (сделались жестоковыйны) и не хотят обратиться» (Иер.8:4-5)».

Вот учение Кассиана: **«Но нам надлежит смиренно следовать благодати Божьей, которая влечет нас каждый день».** Это похоже на выбивание благодати коленом, это похоже на «даждь кровь приими Дух»? Перевода Кассиана не было до сих пор. Мы первые перевели его на русский. Было вольное изложение XIX века, в котором, (внимание!) выброшено 50% текста. Неплохо, правда? Какое бережное отношение к Традиции и Преданию!

В этом святой Проспер полностью согласен с Кассианом, несмотря на его ожесточенную критику учения Кассиана в других вопросах:

«В каждом случае оправдания благодать является основным фактором, в то время как человеческая воля является второстепенным, объединенным с благодатью и сотрудничающей с Богом, действующим в человеке;

благодать подготавливает волю к этому сотрудничеству.

Мы верим и знаем по опыту, что эта обильная благодать действует на человека очень сильно; но, по нашему мнению, **это влияние не таково, чтобы быть довлеющей до такой степени, чтобы все что происходит в спасении людей, достигалось только по воле Бога;** ибо уже в случае с детьми согласие с волей другого человека является средством, позволяющим им избавиться от своего недуга. **Особая благодать Божья, безусловно, является наиболее важным фактором в каждом случае оправдания. Она побуждает увещеваниями, движет примерами, внушает страх перед опасностями, пробуждает чудесами, дает понимание, вдохновляет советом, освещает сердце и вдохновляет его устремлениями веры. Но воля человека также связана с благодатью как второстепенный фактор.** Ибо оно пробуждается вышеупомянутыми вспомогательными средствами для того, чтобы могло сотрудничать с Божьей работой, которая совершается в человеке, и чтобы оно могло начать действовать и получать заслуги от того, к чему божественное семя внушает желание. Таким образом, **если неудача человека обусловлена его собственным непостоянством, то его успех обусловлен помощью благодати.**

Эта помощь оказывается бесчисленными способами, некоторые из которых скрыты, а другие легко различимы. **Если многие отказываются от этой помощи, то причиной является только их злоба. Если многие принимают это, то это происходит как по божественной милости, так и по их человеческой воле.** Мы можем исследовать начало веры в верующих, или их прогресс, или окончательное постоянство в ней, но нигде мы не обнаружим какой-либо разновидности добродетели, которая не была бы фактом как дара благодати, так и согласия нашей воли. Ибо благодать, во всем разнообразии лекарств или помощи,

*которые она предоставляет, сначала действует, чтобы подготовить волю получателя ее призыва к принятию ее даров и следованию им. Добродетель не существует у людей, которые не хотят быть добродетельными, и **вы не можете сказать, что у людей может быть вера, надежда или любовь, если они отказываются от своего свободного выбора их**».*

Глубочайший вопрос соотношения свободы и благодати в нашей церкви не известен. Мы не знаем ни соборов, рассматривавших эти вопросы, ни писаний сторон: ни Викентий Леринский, ни Фульгенций, ни Проспер, ни Августин (*De Gestis Pelagie*), ни сам Пелагий, ни Фауст переведены никогда не были. Выжимка на этот счет есть в паре брошюрок, где вы найдете что-то, типа: *«Августин учил о предопределении, что совершенно ложно, а вот Иоанн Кассиан учил о синергии, что истинно»*. И далее: *«Наша вера правая, мы победим»*. А вы знаете, что тот перевод Иоанна Кассиана (13-го собеседования) переведен так, что чуть ли не половина текста отсутствует? Ну, просто при сборке некоторые детали (по мнению еп. Петра (Екатериновский)) оказались лишними.

К чему я это? Я не могу подробно останавливаться на обсуждении вопросов, которые возникают при чтении учения Проспера о влечении благодатью, приуготовлении воли, соотношении воли и свободы. Мы предпринимаем большое исследование «Свобода и благодать во вселенской Церкви» с переводами всех участников и соборов на нашем портале virtusetgloria.org. Поэтому продолжим далее.

Сравните это «*влечение благодатью*» с Марком Подвижником: *«Итак, если мы **не будем скрывать сего таланта** в таких и подобных частных случаях даемого (то есть, будем следовать тому, что внушает благодать), то действительно внидем в радость Господа (сподобимся действенной благодати)»*.

Существует устойчивое заблуждение, что выражение «дай кровь, прими Дух» и есть православный принцип синергии. Вместе с тем это – краткий символ веры Пелагия, см. правила Карфагенского собора.

Наша же современная православная синергия вообще считает, что человек ищет Бога, и Бог ему открывается. То есть, инициатива переходит человеку. Поэтому не были посланы проповедники в доколумбовскую Америку, поэтому арабы, индусы, китайцы не стали христианами — они не искали и не ищут Бога. Индейцы в полном составе – 1400 лет ни один из них Бога не искал. Об этом говорят и пишут некоторые современные пастыри, из лагеря так называемых «фундаменталистов». Эта точка зрения в чистом виде является ересью Пелагия.

Вот гимн благодати и свободе воли святого Проспера Аквитанского:

«По своей воле мы молимся, однако Бог послал Своего Духа в наши сердца, взывая: Авва, Отче. По своей воле мы говорим, но если наши слова благочестивы, то не мы говорим, а Дух Отца нашего говорит в нас. По своей воле мы творим свое спасение, но Бог действует в нас и хотением, и действием. По своей воле мы любим Бога и ближнего, но любовь — от Бога, изливается в сердца наши Духом Святым, Который дан нам. То же самое мы говорим о вере, о терпении в страданиях, о супружеском целомудрии, о девственной чистоте и обо всех добродетелях без исключения: «Мы исповедуем, что им не было бы места в наших сердцах, если бы они не были нам даны, и что свободная воля, принадлежащая природе человека, всегда остается в природе, но ее качество и состояние изменяются через Посредника Бога и человеков, — человека Христа Иисуса, Который отвращает нашу волю от зла и побуждает ее желать добра; тогда, пробужденная восторгом, очищенная верой, воскресшая надеждой, воспламененная любовью, она

подчиняется свободному рабству и отказывается от порабощающей свободы».

Подробно тему свободы и благодати я рассматриваю в другой своей работе. Здесь я изложил некоторые явные заблуждения, сформировавшие еретическое отношение к благодати, Богу и спасению в нашей Церкви.

Мне видится наша проблема в том, что мы не уверены в спасении сейчас. Нет гарантии на 100 лет вперёд, что я не отступлю, как и сейчас, когда я верю всем сердцем и по возможности преклоняю свою волю под волю Божию. Спасен не потому, что хороший, а по дарованным мне обетованиям Божиим по вере, крещению и, главное, — жертве Христа за меня.

Феофан Затворник:

«Упованием, говорит, спасохомся. Это не то значит, что мы еще не спасены. Нет; мы спасены: спасохомся. Умри кто сейчас, получит все принадлежащее спасению. Но пока живем здесь, мы не все держим в руках, что принадлежит спасенным. Восприятие спасения в совершенстве есть предмет упования нашего».

То есть, чувствую или не чувствую, но верю и несомненно имею все дары и будущие обетования, которые уже есть, но для меня еще во времени не актуализировались, которые по Божьему определению назначены народу Божию во Христе Иисусе от начала века. И если я в этом народе, то все, о чём написано в Рим. 8:29-30, принадлежит и мне.

Так как нам быть со всеми цитатами, говорящими, что верующий (уже) перешел от смерти в жизнь, и что мы спасены (уже) благодатью? Они относятся к каким-то специальным верующим людям? К святым? По-моему, очевидно, что спасающая вера — это признание себя погибшим грешником, за которого принёс жертву сын Божий, взяв мои грехи на себя, примиривший с

Отцом, посадивший на небесах, даровавший вечную жизнь, ожидая при этом телесного воскресения и жизни будущего века во славе Сына Божия. И тем самым такой человек уже *«перешёл от смерти в жизнь»*.

«Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

«Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению».

Безусловно, живая вера должна иметь и плоды. Но тут мы переходим к другому вопросу: какой критерий оценки? Вот критерии, предложенные апостолом и Господом. Они недостаточны? Безусловно, также и то, что мы должны жить на максимум, и то, что мы активно мешаем Богу. И то, что нужно предать Ему себя. Но это не значит, мне кажется, что спасается только тот, кто достиг какого-то уровня, иначе этот уровень был бы обозначен самим Господом и апостолами. Кроме того, сама вера есть дар и её мера тоже.

Климент Римский, Послание к Коринфянам, 32:

«Так и мы, будучи призваны по воле Его во Христе Иисусе, оправдываемся не сами собою, и не своею мудростью, или разумом, или благочестием, или делами, в святости сердца нами совершаемыми, но посредством веры, которой Вседержитель Бог от века всех оправдал». Ему да будет слава во веки веков. Аминь».

Есть люди, которые признают существование Австралии, а есть те, кто занимается её изучением. Поэтому, конечно, просто признавать, что «Бог един» недостаточно. Но и возводить живую христианскую веру на какую-то высокую отметку и говорить, что вот от сей отметки начинается спасение, тоже неверно. Другой

скажет вслед за Лествичником, что если мертвых не воскрешал, то и не вера это вовсе.

Однако я не встречал догмата Искупления ни в традиционных, ни в современных исповеданиях, который бы не давал искренне верующему человеку уверенности в спасении. Опять же, здесь и сейчас.

«Умри кто сейчас — спасётся», вот критерий Феофана. Что будет завтра, я не знаю. Кроме одного исключения – теории органического искупления, по которой мы настолько приобщаемся к прославленной природе Христа, насколько сами потрудимся. Насколько черпаем благодати, насколько сами Его понудим. И потом вес масла в наших светильниках там взвесят и сообщат, было ли его достаточно. И от этого жуткого христианства, я надеюсь, уже далеко. А истины жертвы, выкупа, которым пронизан Завет, для нашей церкви – Западные, считай, поганые.

Нам скажут, вроде: да, по вере спасение. Но речь идет о какой-то специальной вере, вере святых. По поводу спасительной веры: а кто, все же, её определяет? Священное Писание? Или наши «предания старцев»? Вот примеры спасающей веры в Слове Божиим.

Исповедание Петра.

Исповедание разбойника.

Мф. 14:33: «Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: *«Истинно Ты Сын Божий»*».

«Нафанаил отвечал Ему: *«Равви! Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев»*».

Фома сказал Ему в ответ: *«Господь мой и Бог мой!»*

«Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его».

«Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься».

«Верующий в Меня» (в Сына, в Него), а не «Мне» (Сыну, Ему) встречается 38 раз в НЗ. «Истинно, истинно говорю вам: «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

«Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем».

«Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий, любящий Родившего, любит и Рожденного от Него».

«А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность». Не просто вера, а вера в то, что нечестивый становится праведным по вере, как говорил Златоуст.

Это — только несколько цитат. Вера в то, что человек Иисус из Назарета является Сыном Божиим — это действие Святого Духа в человеке, это привлечение от Отца, это «открыто Отцом». Это — оправдывающая, спасающая вера. Никаких дополнительных, между строк, критериев спасительной веры нет. Даже в любимом католиками и нашими стихе Иакова: *«Ты веришь, что Бог один»* и далее — Иаков не говорит: *«Ты веришь, что Иисус есть Христос, но такая вера без дел пустая».*

Почему же он так не сказал? Ведь очевидно, что он пишет христианам. Но он берет ветхозаветную формулу: *«Господь есть Бог, Бог един»*, и, да, такая вера после пришествия Спасителя уже недостаточна. Но нигде ничего подобного вроде: *«Ты веришь, что Иисус есть Сын Божий, Спаситель мира,*

взявший твои грехи на Себя, спасший меня благодатью по вере, даром Своим — это неплохо, но совершенно не спасительно». Повторю, такого нет нигде и быть не может, потому что обратными утверждениями Самого Бога и Его апостолов наполнен Новый Завет. Рост в вере — да, безусловно, имеющие критерий плоды — согласен. Но не какая-то специальная вера с глубиной упования, предания, вверения и проч. Полнота богообщения — да, но не дополнительные условия. Если человек осеняет себя крестным знамением, ложится в гроб и говорит: *«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века именем Иисуса Христа!»*, с сердечным сокрушением о своих грехах, но и с несомненной верой, что *«драгоценной кровью он искуплен»* — такой человек спасается, о чем верит Церковь в чине отпевания.

Поэтому вера в догматы и вербальное, публичное исповедание есть спасающая вера. Которая по милости Божией и нашему согласию с влекущей благодатью развивается в *«жизнь сына в доме Отца»*. И её мера определяется Богом каждому для цели служения организму Церкви. И всех под одну веру подводить мы не можем, и тем более — добавлять критерии спасительной веры сверх тех, которые определены в Писании.

И, главное, к чему это сводится: товарищи, у вас у всех не такая вера, не обольщайте себя, вы не спасетесь? И если вера есть моё свободное решение, и её степень тоже, то это — полбеда, заставлю себя верить. А если вера — это дар Божий? И её мера также? Бога обвинить в недостатке?

Вообще для истинного христианства важно Ефесянское «Во Христе», которое повторяется 11 раз в этом небольшом письме. Это и является, в конечном счёте, критерием. И без этого все догматы, евхаристии и общины ничто. И «во Христе», может, как раз иметь свои ощутительные аспекты. И «во Христе» и есть единственная цель, движение к которой и должно быть целью церковной педагогики. Об этом я подробнее говорю в главе «Мистический союз во Христе» далее. Но...

Как мне кажется, «во Христе» начинается с чего-то, есть начальная точка, когда-то все меняется: твой статус, твои отношения с Богом — и это вера, в то, что проповедник из Назарета есть Бог-Слово, второе лицо Троицы, Христос Помазанник, Спаситель мира. Это уже «в Нем». На 1%? Возможно. Но этот 1% спасителен. Поэтому если мы ставим вопрос: спасительна ли такая вера? Я ответил бы однозначно — да. А если поставить вопрос: *«Достаточно ли догматической веры для плодоношения, богообщения, мужа совершенного, полного возраста во Христе?»*, безусловно, нет. Можем ли мы остановиться на 1% спасительной веры? Нет, но Бог и не даст. Он не пассивен. И, да, в таком случае вера — средство, безусловно. Но божественное, дарованное Духом, открытое Отцом, а потому принятое сердцем, спасительное.

Но первое, на чем бы я ставил акцент — на радости. Не важно, сколько у тебя процентов. Если веришь в простые истины христианства — радуйся, всегда за все благодари и учись непрестанно молиться в тихом ощущении присутствия Божьего. За все эти годы я видел только одного православного, который реально ежедневно живёт мыслью о победе жизни над смертью, работая на кладбище, и постоянно каждому плачущему это говорит. Это очень непривычно. Вопреки всей нашей унылой традиции, а не благодаря ей.

Но, как бывают негодяи с *«правильными догматами и публичным исповеданием»*, так и я вижу целыми днями в храме простых христиан, вся догматика и духовная жизнь которых сводится к ревности о свечном ящике. И не потому, что они такие вот плохие, а в силу множества обстоятельств: интеллектуального развития, культуры научения, социальной среды, душевного устройства. Но которые, насколько позволяет им сердце и ум, исповедывают Христа Спасителя и, если надо, готовы за Него умереть. Мы откажем им в спасительности веры?

И еще практический аспект. Кальвинисты очень переживают насчет того, как все же понять: *«Отношусь ли к я*

предопределенным избранным?» Это сводит человека с ума, является абсолютным демотиватором. Такой же демотиватор — учение еп. Игнатия о том, что спасутся *«только православные, очистившие себя от страстей»*, остальные — в ад. Можно говорить, дескать, я не думаю, спасен я или нет. Бог знает. Можно и устанавливать критерий спасительной веры. И тем самым также вгонять в уныние христиан недостижимостью проходного бала. Но я всем сердцем верю, что ответ на такой вопрос имеется в священном Писании.

И он таков: *«Если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим верить, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению»*. Но дальше Господь влечет благодатью к искреннему союзу с Ним, и человек может отвергать *«волю Божию о себе»*. И тогда, да, начальная вера может и не быть спасительной: *«Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остаётся более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников»*. Поэтому я бы ответил так на вопрос: является ли догматическая вера спасительной? Однозначно да. Спасает ли она, если человек затем противиться благодати? Нет.

Но вот если без всяких цитат, от сердца, ответить на вопрос: на что я надеюсь в спасении? Что Бог меня оправдает после смерти. На основании чего? Моей правильной веры, её нужной консистенции и густоты? Но я разве уже не оправдан, не объявлен праведным по вере? И самое главное: значит, я надеюсь в спасении на себя? Если все же я не надеюсь на себя, то почему я не уверен в спасении? Понимаете? Если мы включаем человека в уравнение спасения, то с необходимостью приходим к одному выводу: надеяться надо на себя. Как бы ты красиво не рассказывал, что надеешься на Бога, на благодать — все это неправда, ложь. Если ты не уверен в спасении, то надеешься только на себя. И пусть благодати будет 99,99%, но, если не хватает 0,01%, значит, ты надеешься на себя. Ты не на

Божиих обетованиях строишь свою надежду, а на своей способности их сохранить и воплотить.

А что, если каждый, кто не имел уверенности в спасении, не спасётся? Мы никогда так не ставили вопрос. Ведь что значит быть уверенным? Это значит признать себя не способным и не достойным быть спасённым по качеству своей веры или обильности своих дел. Если человек знает, что он никогда и ничем не заслужит спасение, то почему ему не быть уверенным? Ведь наша неуверенность строится из взгляда на самих себя. Не из взгляда Бога на нас. Не из Его обетования, а как я сам себя оцениваю. А если я оцениваю себя как погибшего, как человека, который обязательно испортит спасение, если только мне дать такой шанс, то почему я не уверен в спасении? Я знаю, что если от меня зависит хоть один процент, то я его использую в обратную сторону.

А что, если это и есть те люди, которые услышат: *«Никогда не знал вас»*. Не те, кто имел недостаток веры, а те, кто творил чудеса своей праведностью? Те, кто *«держал ум в аде»*, те, кто *«Господи, помилуй мя грешного»* повторял 5000 раз в день, не веря, что он уже помилован. Но количеством заставляя Бога его помиловать. Те, кто всем и везде из-за желания быть во всем смиренным, рассказывали, что они величайшие из грешников, и *«там, где сатана, там и они будут»*. А что, если это — демонское благочестие? *«Демоноговейное»*, как у Лескова. Ведь сомнение — это антоним веры. Вера — от Бога, сомнение — от дьявола. Что если все эти сомнения — это беседы с сатаной?

Безусловно, есть ложная уверенность, основанная на самообольщении, магии и прочем. Но я говорю об уверенности, основанной на Евангельских истинах, которые вне моих субъективных ощущений и оценок.

Как видите, я лишь ставлю вопросы. К сожалению, эти вопросы так и не решены для меня. Решен только один вопрос: я абсолютно беспомощен в вере и благочестии, и в любых действиях, которые могли бы создать условия, в которых Бог бы

действовал Своей благодатью. Вот что верно без доли сомнений. Я только реагирую на Его действия внутри и вовне.

Нас пытаются склонить к делам любви. И это прекрасно. Но не надо мои личные дела (не плод благодати) и мои личные усилия делать условием спасения. Вера в факт воскресения Христова — это не практика, не дело, это – бинарное умно-сердечное действие. Мы можем сколько угодно потом обсуждать степень этого действия, его развитие. Но оно бинарное: или верю или не верю. Тоже самое – и с личностью Иисуса, с Боговоплощением, всеобщим воскресением и всеми фактами Евангелия.

Так вот, вопрос: вера в то, что Господь меня спас, спасает и спасет есть такой же необходимый атрибут спасительной веры, как и все вышеперечисленные атрибуты? Или это необязательно? Или даже вообще ложно? Является ли спасительной вера, при которой человек верит, что Иисус — Бог, но не верит, что он воскрес? Или, наоборот, как иеговисты и ариане? Мы ответим – нет, такая вера не спасительна. А если человек верит во все, но сомневается в том, что Бог его спас, спасает и, в итоге, спасёт, — это спасительная вера? Если я уверен в воскресении Христовом, как и в факте воплощения, то почему я не могу говорить и об уверенности в окончательном спасении? Или по-другому: есть ли в Новом Завете персонаж, который был не уверен в своём спасении? Даёт ли Новый Завет обещание святым и верным быть спасёнными в прошлом, настоящем и будущем? Несомненно, даёт. Должен ли я постоянно подвергать сомнению свою верность? Каждый день. Именно такой замысел Бога о верующем: постоянное сомнение?

Климент Александрийский:

*«Стремление есть, так сказать, вера этой жизни, цель же есть исполнение обетовании в вечности. Но сам **Господь ясно отождествляет оба эти момента в спасении** словами: «Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6:40). **Мы веруем***

поэтому в свое совершенство (не видим, но веруем, «Е. Ж.»), **насколько оно возможно в этой жизни... Вера есть совершенство учения; потому и говорит Он: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ин. 3:36). Поэтому, если вследствие веры свойственна нам жизнь, что иное в последующее время предстоит нам, как не наследование жизни в небесной ее форме? Вера не есть нечто недостаточное; она по самому существу своему есть нечто совершенное, и ей свойственна полнота (совершенства).**».

«Но сам Господь ясно отождествляет оба эти момента в спасении!» Веру сейчас и спасение в вечности. И именно вера доставляет совершенство, а не стояние на столбе 40 лет, или держание поднятой руку в течении 35 лет, как один индусский «святой». Мне кажется, совершенно недвусмысленно сказано.

Да, безусловно, вера. Нигде в Писании нет словосочетания «уверенность в воскресении», но «вера в воскресенье». Чем это отличается? Крепкая вера — это уверенность, как мне кажется. Христовы обещания незыблемы, если Он говорит, что «верующий имеет жизнь вечную», значит, это так и есть. И я вот в Его обетование верю. А кто сомневается, что он спасен благодатью не от дел, что имеет залог Духа, что грехи его прощены, что он возрожден купелью, что облекся во Христа в крещении, — это типичная самоправедность фарисеев. Только в обратную сторону, что не меняет сути. Такой человек не понимает смысла искупления, что в подавляющем большинстве случаев происходит у нас в церкви.

Насчёт тех, кто думает, что в уверенности есть моя заслуга. Как раз наоборот. В уверенности — полнейшее смирение. У кого нет уверенности, веры в то, что вера сейчас на земле это часть одного целого, отраженное уже в вечности — это означает, что своими сомнениями человек показывает, что хочет спастись с аплодисментами. А уверенность может быть только там, где нет

ничего моего, кроме греха. Вот там уверенность в то, что «*кровь Иисуса Христа очищает меня от всякого греха*».

Есть кальвинистский взгляд: «*Однажды спасен — всегда спасен*» — это, конечно, новодел. В таком ключе, я, конечно, не думаю. Только здесь и сейчас, и только Божией милостью, которую Он сохранит со Своими верными во веки веков. Их, кальвинистов, уверенность исходит из того, что они «подсмотрели» в список тех, кого Бог избрал до основания мира и поэтому пасть они не могут, Бог их обязательно спасет. Это — ложная доктрина избрания, которую я подробно рассмотрел в другой работе «Размышления над предопределением».

И самое главное — это не какая-то задачка для ума. Это — сильнейший базис для мотивации. Или ты всю жизнь ходишь и сомневаешься, и плоды от таких христиан вы можете наблюдать вокруг. Или всегда радуешься, за все благодаришь и непрестанно молишься. А как насчёт благовестия? Кто будет благовествовать без такой радости и веры? Кому вообще нужен этот христианин, все время об аде помышляющий? Посмотрите на наши убогие результаты благовестия. Весь христианский Китай протестантский, вся Япония, вся Корея, Африка. Люди в Афганистане проповедуют талибам — вчера как раз слушал про это.

Человек никогда не уверен, что если «он Христов», то поэтому и «спасен». Это вдалбливается в голову десятилетиями. Что сама вера в то, что мы спасены, является прелестью. И человек готов согласиться, что он во Христе, но при этом не спасен.

«Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которую возлюбил нас и нас, мертвых по преступлением, оживотворил со Христом — благодатью вы спасены — и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе. Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился».

Вот это про меня или нет? Или это Павел писал конкретным людям, о которых он знал, что они спасены? То есть, это – поименный список адресатов? Я слышал спор с протестантами, где малообразованный диакон именно так и говорил: *«Это Павел писал только тем, о ком знал, что они спасены»*.

Бывает уверенность Петра, которая от горячности сердца. Но уверенность христианина – рассудочная, принимаемая верой, от обетований. Уверенным может быть только абсолютно смиренный человек, до самоумаления. Поэтому, у меня такой уверенности нет, к сожалению. Что касается возможности отпасть: конечно, но я опять хочу повторить вслед за Феофаном: *«Умри кто сейчас (то есть в вере) — спасется»*. Про будущую уверенность говорят те, кто буквально принимает предопределение. И они, по каким-то признакам, знают, что они в списке тех, кто отпасть не может.

Также говорят, что мы *«должны со страхом и трепетом совершать свое спасение»*. Насчёт *«страха и трепета»* — тут я не могу согласиться, что это «и, и». То есть, да, конечно, но в другом смысле. Если мне родители сделали потрясающий подарок, я очень радуюсь. Но они и попросили меня: *«Сынок, нам это очень трудно досталось. Береги это, пожалуйста. Не сломай, не потеряй»*. Как мы берём на руки младенца? Со страхом и трепетом. Как девочка берет подаренного котёнка — со страхом и трепетом. Но все это и с бесконечной радостью. И чем более потрясающий дар, тем больше страха и трепета, который радость только усиливает. Я же говорил о страхе ада, то есть, о спасении, которого нет, которое надо заработать. Это как если подарок обещают, но, чтобы его заработать, нужно ходить в страхе и трепете. Легче отказаться от такого подарка на таких условиях, чем в этих мучениях жить. Неизвестно ещё дадут или нет. Это, кстати — один из аргументов сатанистов.

И, последнее, из Писания:

1. *Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий любящий Родившего любит и*

Рожденного от Него.

2. *Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его.*
3. *Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его не тяжки.*
4. *Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша.*
5. *Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?*
6. *Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом; не верующий Богу представляет Его лживым, потому что не верует в свидетельство, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем.*
7. *Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал (в прошедшем времени) нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его.*
8. *Имеющий Сына Божия имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни.*
9. *Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали (были уверены, «Е. Ж.») , что вы, веруя в Сына Божия, имеете (уже, «Е. Ж.») жизнь вечную.*

Вот я и стараюсь преодолеть многолетнюю промывку мозгов, и начать, с Божией помощью, «*знать*» и «*быть уверенным*», что я, «*верующий в Него, имею (сейчас) вечную жизнь*», и по Божией милости вопреки, а не благодаря моим усилиям, Он даст мне сохранить этот дар до конца. О чем и прошу ваших святых молитв.

[1] De gestis Pelagie. Августин

[2] Еф. 2:8

[3] From Gennadius, *ibid.* § 43. В этой статье подводятся итоги и расширяются последние три. Его можно разделить на четыре

части. Препятствующей благодати ни в коем случае не предшествует (1) вера; (2) воля (для тех, кто желает, жаждет); (3) человеческие усилия; (4) молитва. К этому мы можем добавить послушание и смирение, которые тесно связаны, если не подразумевается в пунктах 3 и 4. Из них первая уже рассматривалась.

[4] 1 Кор. 4:7

[5] 1 Кор. 15:10

[6] From Gennadius, *ibid.* § 44. В этой статье описывается воздействие Духа на разум и сердце. Первое порождает мысль, согласие и веру; второе — радость и восторг от веры. Для первого ср. Авг. (xiii) § 33: *Cogitantes credi mus, cogitantes loquimur, cogitantes agimus quicquid agimus: quod autem attinet ad pietatis viam et verum Dei cultum non sumus idonei cogitare aliquid tanquam ex nobismet ipsis, sed sufficientia.*

[7] Ин. 15:5

[8] 2Кор. 3:5

[9] From Gennadius, *ibid.* § 45. Доктрина, осуждаемая здесь, была измышлением Кассиана. Она осуждена Проспером в его *Contra Collatorem*. См., в частности, (iii.). См. (iii.) § 9: *alii sint quos gratia Dei salvet, alii quos lex et natura.* (vii.) § 18: *hoc posse quosdam per liberum arbitrium sine adiutorio Dei, and passim.* См. далее, p. 49, note 38.

[10] Мф. 16:17

[11] 1 Кор. 12:3

[12] Эта статья взята из книги Проспера *Liber Sententiarum*, xxii. Она примечательна тем, что является одной из тех цитат (в основном относящихся к первым 35), которые приводит Проспер, а не Августин. Эта конкретная цитата взята из работы

Проспера Псалмом 58 ст. 59; но это согласуется с учение Августина.

[13] Это – единственная статья, не заимствованная почти дословно из некоторых других источников. Но учение о том, что настойчивость необходима как и возрождение, и достижимо только по Божественной благодати, заложено Августином. Оно стало предметом специального трактата под названием «Дар настойчивости». В начале этой работы он обосновывает необходимость молиться о стойкости в комментарии на толкование Киприаном нескольких положений в Молитве Господней. Он объясняет, что под настойчивостью он подразумевает сохранение настойчивости до конца. Однако Августин избегает давать объяснение как согласуется молитва о настойчивости со своим взглядом на предопределение. *Prorsus in hac re non operosas disputationes expectet ecclesia, sed attendat quotidianas orationes suas.*

[14] 1 Пар. 29:14

[15] Взято из Проспера, *Lib. Sent. lvi*. Это — не настоящая цитата из Августина. Возможно, она была вдохновлена следующим отрывком из трактата «О Троице», IV. (i) § 2: *Ac primum nobis persuadendum fuit quantum nos diligeret Deus, ne disputatione non auderemus erigi in eum. Quales autem dilexerit, ostendi oportebat, ne tanquam de meritis nostris superbientes magis ab eo resiliemus, et in nostra fortitudine magis deficeremus.* См. также *De Cat. Rud.* (iv.) § 7, где он соглашается с некоторыми отрывками из послания Римлянам и 1 Иоанна. И добавляет: *Nulla est major ad amorem invitatio, quam praevenire amando.*

[16] Идея человеческих заслуг не была полностью отвергнута святым Августом, но она ограничивалась делами, совершенными вследствие и по милости Божьей. Благодать сама по себе не могла быть заслужена человеком.

[17] Мы впервые перевели нормально 13-е собеседование Иоанна Кассиана.

http://virtusetgloria.org/trasnlations/cassian/collatio_13/collatio_13_00.html

Мистический союз Нового Завета

Весь Новый Завет про сокровенный союз со Христом. Новозаветный термин: «во Христе». Все, что вы читаете в Новом Завете либо про условия возникновения этого союза — домостроительство, либо про актуализацию союза — вера и освящение, либо про эсхатологическое совершенство — прославление. Новозаветный термин для обозначения этого союза: «во Христе». При этом никакого обожения нет.

Этот ужасный термин, пришедший от язычников, создал политеизм в церкви. Нет никакой трансформации человека в Бога или бога. И вообще, что хуже: «в бога» или «в Бога»? Если в бога, значит мы имеем, как сейчас на практике, много богов. Им кадят, приносят дары, становятся на колени, их статуи и изображения почитают как святыню, их останки называют источником благодати, им посвящают храмы, им служат службы. И абсолютно законно: «они суть боги (и богини)» по слову Дамаскина. Это на практике политеизм.

А если «в Бога»? Тогда еще лучше. Это одно из двух: либо человек растворяется в Боге, либо он становится еще одним Богом. Каждому такому Богу выделяют свою вселенную. И там он сможет развернуть свою кипучую деятельность. Совершать свое домостроительство. Такая замечательная идея у мормонов. Именно так они представляют обожение. Так вот, конечно, никакого обожения в Новом Завете нет — ни термина, ни идеи.

А что же есть? Есть «во Христе». Как вы думаете, сколько раз в Завете встречается словосочетание «во Христе»? 71 раз по синодальному, около 30 раз «в Нем» и так далее. Излишне говорить, что весь Завет Христоцентричен. Любая идея, если она не «во Христе», — скорее всего, ложна.

Избрание во Христе

В другой своей работе, посвященной вопросу соотношения свободы и благодати, я подробно разобрал идею избрания. Кратко приведу здесь некоторые аспекты.

«Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нём прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе через Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его, каковую Он в преизбытке даровал нам во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нём, в устройении полноты времён, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом. В Нём мы и сделались наследниками, быв предназначены к тому по определению Совершающего всё по изволению воли Своей, дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нём и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его».

И так далее. «Во Христе» 11 раз только в одном письме Ефесянам, а еще «в Нем», «через Него», «Им», «во Христе» и прочее.

В своей доксологии Павел, как и в некоторых других местах Писания, четко выражает главный аспект избрания: избрание Христоцентрично. Первый шаг к правильному пониманию

библейской доктрины избрания — это признание того, что избрание людей постигается только во Христе; вне Христа нет избрания ни одного человека.

Весь отрывок представляет собой благодарственную и хвалебную песнь за искупление, исполненное во Христе через Духа в соответствии с вечной целью Бога. Это исполнение рассматривается в особом отношении верующих ко Христу, избранных в Нем, искупленных, просвещенных, запечатленных.

От первого до последнего стиха, полнота Божественного благословения показана как осуществленная «*во Христе*» (ст. 3). В Нем Бог избрал нас (ст. 4). В Возлюбленном Он благоволил к нам (ст. 6). В Нем мы имеем наше искупление (ст. 7), как и Бог замыслил в Нем соединить все во Христе (ст. 10). В Нем верные Израиля стали Божественным наследием (ст. 11).³ В Нем нашли место язычники (ст. 13). В Нем они были запечатлены Духом (ст. 13), и мы имеем залог еще большего упования (ст. 14).

Думаю, не будет ошибочным сказать, что у Бога только один возлюбленный Сын — Иисус Христос, а мы все его дети лишь постольку, поскольку пребываем в нем. Не сами по себе что-то там «стяжая», во что-то там «преображаемся», а лишь верою пребывая в Нем являемся детьми Божиими. Слово «единородный сын» (греч. ο μονογενής υἱός) применительно к людям означает «единственный сын» и употребляется тогда, когда у отца только один сын и больше нет детей. И, хотя, любит Отец «весь мир» и все Свое творение, но любовь к Своему Сыну, если можно так сказать, особая, приводящая в равное достоинство и надмирную славу: *«Будем подобны Ему»*. Поэтому Бог избирает не отдельных людей и уж тем более не по их заслугам, а только Своего Сына и в Нем Церковь — Его тело: *«Не о них только молю, но и о верующих в Меня по слову их»*. И потому, пребывающий в Церкви — теле Христовом, предузнан, предопределен, избран, оправдан и прославлен. Уже сейчас. Хотя последнее звено цепи для нас еще не актуализировалось, но оно твердо и незыблемо, как любое Божие обетование.

На самом деле понимание конструкций Нового Завета существенно облегчает Завет Ветхий. В последнем имело место национальное корпоративное избрание. Субъектом договора был народ, а не отдельные predetermined личности. Это, как если бы, продолжая юридическую аналогию, человек оставил завещание не Маше, Кате, Пете, а всем своим внукам, которые должны родиться. Внуков еще нет, но завещание на них составить уже можно. Список открытый. Однако, от завещания можно и отказаться. Так происходит с человеком, который отвергает дар веры. И Бог до основания мира предугадал, кто примет, а кто откажется, но этим своим предзнанием не лишает человека возможности принять и отвергнуть дар реально, а не условно, как в случае с закрытым списком. А predetermined к славе Бог только Своего Сына и каждый, кто в Нем, тот прославлен по причине Его славы, а не своих чрезвычайных усилий по стоянию на столбе 40 лет.

Бог человека Иисуса *«посадил одесную Себя на небесах»*, говорит Павел в первой главе. А уже во второй говорит, что *«в Нем посажены и мы»*, а не каждый по отдельности за наши заслуги. Человека Иисуса Бог прославил: *«Прославь Меня Отче Ты славой, которую я имел у Тебя прежде основания мира»* и нас, верующих, в Нем прославил. Писание снова и снова повторяет: радуйтесь, мы уже спасены. Именно потому, что Иисус прославлен и мы через веру прославлены в Нем.

Климент Римский, который, возможно, юношей видел и слышал живых апостолов, в своем письме к Коринфянам пишет:

«Ибо написано: «блаженны те, коих беззакония отпущены и которых покрылись грехи. Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в устах его нет обмана» (Пс. 31, 1–2). Это обещание блаженства относится к тем, которые избраны Богом чрез Иисуса Христа, Господа нашего. Ему слава во веки веков. Аминь».

«Теперь же пусть всевидящий Бог, владыка духов и Господь всякой плоти, который избрал Господа Иисуса Христа и

нас в Нем в народ особенный, даст каждой душе, призванной по Его славному и святому имени, веру, страх, мир, терпение и долготерпение, воздержание, чистоту, трезвость, чтобы они были благоугодны имени Его через нашего первосвященника и ходатая Иисуса Христа, которому слава и величие, сила и честь, ныне и веки веков. Аминь».

То есть, очевидна аналогия с Ветхим Заветом. Бог не выбирает отдельных личностей по предзнанию, но выбирает Авраама, и всех, кто будет в нем: **«И сказал Господь Авраму: пойдй из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий **народ**, и благословлю тебя, и возвеличу имя твоё, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и **благословятся в тебе** все племена земные»**.

Совершенно очевидная параллель: Бог благословляет Авраама, и теперь благословение самого Авраама будет в благословение племенам земным. То есть, передача благословения. Поэтому не Бог благословляет Иакова, а его отец передает по наследству благословение, которым Бог благословил Авраама. И так далее.

Облечение во Христа

Ключевым стихом к пониманию мистического союза Бога и человека является Гал. 3:27: *«Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»*.

Рассмотрим подробно.

Контекст, думаю, всем известен. «Глупцы галаты» приняли лжеучителей из секты «Христос+». Павел им объясняет, что благословение Авраама передается через Христа, а не через дополнительные условия, вроде соблюдения закона, и сыны Божии они (мы) теперь не сами по себе, а только одевшись во Христа:

«Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись».

Дальше я напишу еще много слов, но вполне могло бы хватить и этого абзаца. Вся наша, якобы божественность, на самом деле не наша, она Христова, а мы облеклись в Него, пока верим. А если отпадем, то одежда снята, и мы опять в своем вонючем рубище. Бог видит в нас Своего Сына и поэтому принимает нас, а не за подвижничество в пустыни возле Иерихона.

Мы думаем мыслями Христа, чувствуем Его чувствами, желаем Его желаниями, ум наш — ум Христа, бессмертие Его — наше бессмертие, а не выращенная обоженная щитовидная железа, Его нетление — наше нетление, Его жизнь — наша жизнь, пока мы в Нем.

Климент Римский:

«Таков путь, возлюбленные, которым мы обретаем наше спасение, Иисуса Христа, Первосвященника наших приношений, заступника и помощника в немощи нашей».

Посредством Его взираем мы на высоту небес; через Него, как бы в зеркале видим чистое и пресветлое лицо Бога, через Него отверзлись очи сердца нашего, через Него несмысленный и омраченный ум наш возникает в чудный Его свет; через Него восхотел Господь, чтобы мы вкусили бессмертного ведения. «Он, будучи сияние величия Его, столько превосходнее ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя (Евр. 1, 3–4)».

Мы уже получили совершенство, мы целиком охвачены светозарной ризой Христовой жизни, Его славы. Поэтому мы новое творение. Мы купина, *«неопально горящая»*, а не сам огонь. Мы люди в пламени Божества, а не сам пламень. Мы не превращаемся постепенно в пламень, мы не мутируем в Бога, даже наше нетление не наш атрибут, а принадлежность Христа. У нас нет ничего своего, что делало бы нас сынами, бессмертными, нетленными, блаженными.

Иероним:

«Если кто однажды облачился во Христа и, ввергнутый в пламя, загорелся огнем Святого Духа, то непонятно будет, есть ли он золото или серебро. Пока жар таким образом охватывает все вещество, замечен бывает один лишь огненный блеск, и всякое различие рода и телесных особенностей сокрыто этого рода облачением».

Видите? Может мы серебро, может, даже, золото — неважно, *«замечен бывает один лишь огненный блеск»*. Это видит Отец — Сына своего, а не наше «золото», которое, чаще всего, другой материал, другого цвета.

Феодорит:

«Поелику сказал, что «все вы сыны Божи», то объясняет, как достигли сего, и говорит: *«облеклись во Христа»*, истинного Сына Божия; ***облекшись же в Него, справедливо именуетесь сынами Божиими».***

Не сделались сынами за заслуги, не сами по себе сыны, но только *«облекшись в Него»*.

Феофилакт:

*«Определяя, каким образом мы сыны Божию, говорит, что **чрез крещение**. Но не сказал: вы, которые крестились, детьми Божиими стали, как бы и требовала последовательность, — но гораздо выразительнее: во Христа облеклись. А если мы облеклись во Христа, Сына Божия, и Ему уподобились, значит, приведены в единое родство, в единый образ, став по благодати тем, что Он есть по естеству»*.

Одно уточнение. По естеству Христос — всемогущий Бог. Беспредельный, самоблаженный, совершенный, вездесущий, вневременный Бог. Мы такими, возлюбленный отче Феофилакте, становимся? По благодати? Подобнее об этом поговорим ниже.

Климент Римский продолжает:

«Поэтому все они (ветхозаветные праведники) были прославлены и возвеличены не сами собой, не делами своими или праведными поступками, которые они совершили, но по Его воле. Поэтому и мы, призванные по воле Бога во Христе Иисусе, обрели праведность не сами собою, не своей мудростью или разумом, или благочестием или делами, которые совершены нами в святости сердца, но через веру, которой Всемогущий Бог оправдал всех людей от начала мира. Ему слава во веки веков».

Та же самая передача праведности от Иисуса нам и нашего греха Ему: *«Он на Христа, не знавшего греха, возложил грехи всех нас, чтобы мы в Нем стали сопричастны праведности Божией»* (2Кор. 5:21, пер. Кулаковых), или перевод проф.

Десницкого: *«Того, Кому грех был неведом, Бог поставил на место греха, чтобы нам в Нем обрести Божью праведность»*.

Мы должны постоянно держать это в уме: не мы становимся праведными сами по себе, не нас прославляет Бог, но Иисуса и

нас, если мы в Нем. *«От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, и освящением, и искуплением».*

Христос — не наше средство, не Бог из машины, из которого мы добываем, «стяжаем» благодать, которая потом становится нашей, но живем Его праведностью. Никакой своей, усвоенной, личной праведности у нас нет. Поэтому прославление святых, как особо отличившихся своей праведностью людей, ужасное искажение христианства. Попросту его извращающее, обесценивающее, делающее нас неблагодарными, противящимися благодати и в итоге воле Божией. Не таким ли людям он скажет: *«Я никогда не знал вас»*? Как же это может быть?! Ведь они скажут ему: *«Мы Твоим именем чудеса творили»*! Вот цена чудес. Если у тебя своя праведность, свои заслуги, свои дела — ты чужд Христа.

У Павла нет своей праведности, но у Иоанна Кронштадтского есть. Дело не в Иоанне, а в нашем учении. Вот что Павел говорит о своей праведности.

«Да и все почитаю тщетно ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор (какашки в оригинале, «Е. Ж.»), чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере».

То есть, праведность у Павла есть? Безусловно! Своя? Никак! Но *«праведность от Бога по вере»*. У нас же все через славянское слово «афронт». Праведности у нас, конечно, нет и быть не может. Ибо мы все *«псы смердящие»*. Но вот стоит одному из таких, якобы, «псов» умереть, то обнаруживается, что он все-таки имел праведность. Причем свою, личную. Свои личные заслуги, которыми и угодил Богу. А в христианстве люди не «псы», а дети Бога Живаго, праведные и святые в Его Сыне Иисусе Христе, в Которого «оделись» верой и «крещением».

Евр. 12:10: *«Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей — для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его».*

Его, Бога, святость, а не святость Симеона Богослова. Вы же понимаете, дело не только в том, что мы охотно творим малых богов. Дело в том, что мы отказываемся от нашего дара святости и праведности. Мы — «псы», они — боги. Это не просто терапевтический прием, исцеления от гордости. Это зловестие, злоевангелие, это отвержение *«драгоценной Крови Христа, как непорочного и чистого Агнца»*, это *«отвержение воли Божией о себе»*, это, фактически, богоотступничество.

Мы отказались быть царственными священниками и назначили себе святых отцов, батюшек, которые священники вместо нас. Мы отказались от праведности во Христе и назначили себе праведных всех мастей, которые праведны вместо нас. Мы отказались от святости во Христе и наполнили свой пантеон малыми, средними и большими богами, которые святы вместо нас. Мы отказались быть храмами Бога Всевышнего и настроили себе кучу храмов в честь малых и средних богов. Мы отказались *«святить Бога в наших сердцах»* и святим коней, сало и подводные ракетноносцы, разбивая по суеверному обычаю бутылку шампанского об борт. Мы отказались от *«разрушенной Христом средостения ограда»*, которая преграждала вход «во святая святых» и настроили себе каменные семи ярусные стены между алтарем и храмом, которые по недоразумению называем иконостасы.

Мы отказались от Слова Божия, ведь на наших службах Священное Писание строчат как из пулемета или читают на «сакральном священном» языке, который под звон кадила никто не понимает. Мы отказались от братства и заповедей любви, ибо наши «агапы» ничего не имеют общего с общинами и братолюбием, ибо на них просто выносят «лекарство бессмертия», условием принятия которого служит трех дневная диета и вычитывание канонов с такими словами:

«Не прекратим никогда, мы, недостойные, возвещать о могуществе Твоем, Богородица, ибо если бы Ты не защищала нас Своими молитвами, кто бы нас избавил от стольких бед, кто бы сохранил нас доныне свободными? К кому воззову, Владычица? К кому прибегну в горести моей, если не к Тебе, Царица небесная? Кто плач мой и воздыхание мое благосклонно примет, если не Ты, Пренепорочная, надежда христиан и прибежище нам, грешным? Кто лучше Тебя в напастях защитит? Услышь же стенание мое и приклони ухо Твое ко мне, Владычица, Матерь Бога моего; и не презри меня, нуждающегося в Твоей помощи, и не отринь меня, грешного. Вразуми и научи меня, Царица Небесная».

Действительно, к кому еще может прибегнуть христианин для защиты и помощи? И правда, кто еще может услышать и избавить от бед, кроме Богородицы? И чтобы не было никаких сомнений, после каждой стихиры припев: **«Пресвятая Богородица, спаси нас».**

Толковый типикон. Скабалланович:

*«Мысль о Христе и Его самосуции не может не вызывать мысли о Его рождении на земле и о Виновнице Его воплощения, Которая может и поспешествовать Своим предстательством нашим молитвам к Сыну Ее. Священник и обращается к Ней за этим содействием возгласом: «Пресвятая Богородице, спаси нас», который, кроме молитвы, включает в себе и величайшее прославление Ее, так как у Нее мы просим, как у Сына Ее, прямо спасения (которое обещается в отпусте), а не молитв одних о нас и о нашем спасении (чего только мы просим у других святых). На эту хвалебную молитву лик отвечает уже **прямым прославлением Богоматери, притом самой восторженною из всех** и наиболее угодною Ей песнью, заменяя эту песнью молитву к Ней, как священник заменяет*

молитвою хвалу Ей. Обратное с прежним: там священник хвалит, а лик молится».

А где-то я читал, не помню где: **«и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, — то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела».**

Нужно предельно трезво уяснить, что Христа в такой религиозной организации нет. Слишком много всего, слишком много, друзья, несовместимого с христианством.

Продолжим рассмотрения вопроса об облечении во Христа. Посмотрим на греческое слово ἐνεδύσασθε — оделись, одлеклись, надели поверх. Оно встречается еще в Матф. 22:11:

«Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду».

Другой перевод:

«Когда же царь пришел посмотреть на возлежащих, он заметил человека, на котором не было свадебной одежды».

То есть передается идея «поверх», «на».

Мы видим, если сопоставим эти два стиха, очевидно, что значит «брачная одежда» — это Христос. Многие толковники говорят, что одежда — это любовь или дела. Но вот, что пишет преп. Иустин Попович:

«Без брачной одежды = без креста и крещения, без плодов победы над смертью, и остальных евангельских дел и сил, без того, во что облачается христианин. Во что? — во Христа: «Все вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись» (Гал. 3:27). «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9). Одетый не в брачную одежду

это человек, который весь остался рабом греха, смерти и диавола; чья душа вся расплзлась во грехах, смерти и демонах. А где его место? В вечном царстве греха, смерти и диавола: в аду, где плач и скрежет зубов... Поэтому и Иоанн Креститель называет Господа Христа женихом (Ин. 3:29); поэтому и апостол Павел говорит: «обручил вас единому Мужу» (2 Кор. 11:2); и еще: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5:32)».

Откуда у пришедших брачная одежда? Сами принесли? Конечно нет. Им на входе или заранее выдали. Об этом мы находим и у историков, и в Писании. Вот как об этом говорим еп. Михаил (Лузин):

*«В древности цари и князья имели обычай, особенно на Востоке, давать приближенным своим и друзьям в подарок верхние одежды; отвергнуть такой дар значило оказать презрение к дарящему (ср. Быт. 45:22, 4 Цар. 10:22, Есф. 4:8, Есф. 8:15). Получившие такие одежды в них являлись во двор царский на пиршества. Так и при призвании в царство Христово Господь **каждому в крещении дает светлую одежду чистоты духовной**. Пренебрегший этой одеждою и явившийся на духовное пиршество церкви в оскверненной грехами одежде, ведущий греховную жизнь, достоин осуждения и наказания».*

Это понятный педагогический прием: живите хорошо, добродетельно. Это вполне объяснимо. Попытка сочетать в себе и бесплатную благодать крещения, и собственные необходимые усилия. Песня не новая. А, что, если, все кого не выгнали, сказали: «У нас нет ничего, кроме этой одежды. Все, что под ней, имеет вид неприглядный. Мы можем только чужой одеждой хвалиться», а один человек сказал: «А моя одежда ничем не хуже, я не в ней останусь. Я ее приобрел потом и кровью, стоял на одной ноге 30 лет, совсем умертвил похоть, выработал смирение, поборол сребролюбие — вот моя личная

одежда». Вот, что будет с теми, кто войдет со своей праведной одеждой, а не возьмет брачную одежду праведности Христа.

Об этом весь Завет. Нет никаких своих добродетелей: *«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!», «и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня», «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».*

Это понять не могут или, возможно, не хотят? Нет никаких личных божественных атрибутов, по благодати или собственными усилиями. Не себя мы развиваем, а себя ликвидируем, чтобы сиял в нас Христос. Путь христианина — самоумаление, смирение, ликвидация своей самости и тогда нас охватывает Его жизнь, а не наша, трансформированная в божество. А они все про добродетели рассказывают, которые будут в нас оценивать. Те всё Духа стяжают — кто больше, соц. соревнование, эти всё добродетели разрабатывают. Все аплодисментов хотят. План на пятилетку: обожить правую ногу, потом левую и так далее. Потом все это мироточит, естественно, благоухает и пребывает нетленным.

Почитайте Достоевского, главу «Тлетворный дух», как все были обескуражены, когда святой старец после смерти вдруг пахнуть стал. Какой скандал! Наберите в интернете «Нетленные тела», там увидите сколько этого «добра» есть у буддистов, индусов и прочих:

«Святое нетленное тело Мастера Ханьшань Дэцина находится в монастыре Наньхуа-сы рядом со святым нетленным телом Шестого Патриарха». [1]

Амвросий Медиоланский:

«В то же время, становление не всегда подразумевает творение; ибо мы читаем: **«Господи, Ты стал нашим прибежищем»** и **«Ты стал моим спасением»**. Очевидно, здесь не говорится о факте или цели творения, но говорится, что **Бог стал моим «прибежищем»** и обратился в мое «спасение», даже как сказал апостол: **«От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, и освящением, и искуплением», то есть, что Христос был «сделан [таким]» для нас, от Отца, а не сотворен. Опять же, автор объясняет в продолжении, в каком смысле он говорит, что Христос стал для нас Премудростью: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы». Итак, Крест Господень — моя мудрость, смерть Господня — мое искупление, ибо мы искуплены драгоценной Кровью Его, как сказал апостол Петр. Кровью Своею, будучи человеком, искупил нас Господь, Который и как Бог простил грехи». [2]**

То есть, опять предопределение относится ко Христу и Его подвигу. Амвросий пишет «Премудрость» с большой буквы, связывая это слово с личностью Христа. Не моя мудрость, а Христос моя Премудрость. Обладаю я Премудростью? Да. Пока во Христе. Обладаю бессмертием, нетлением, любовью — то, что есть божественные атрибуты? Да, пока во Христе. Мои они? Как и должность моя и одежда моя, но я не должность, я не одежда.

Кто смотрел «Забытая мелодия для флейты» с Филатовым? Догилева пришла к нему домой и увидела каков рацион питания члена партии: сухая колбаса, крабы, коньяк, икра и прочее. Обычный служащий так не питался. Так вот, пока он был членом партии, он вкушал такую «амброзию», а если «клял партбилет на стол» сразу переходил на два вида колбасы, хоккейные

шайбы и березовый сок. Пока мы во Христе — мы члены партии. Как только отрекаемся от него — ничего обоженного ранее, трудами и потом, у нас не остается.

Вот как пишет об этом союзе Макарий Великий:

*«Например, была бы некая женщина, и некий богатый мужчина взял бы ее в жены, чтобы она жила с ним и общалась, то и она все, чем обладает, принесет ему, и **он даст ей все свое, и у них становится один дом, одно имущество, одно существование.** И она не только господствует над всем его имуществом, но и тела его удостаивается; потому что его тело принадлежит ей, по словам апостола: муж не властен над своим телом, но жена (1 Кор. 7:4). Так и в отношении **Бога имеется истинное и неизреченное общение души с Господом; общаясь со Христом, оно становится единым духом с Ним**, и затем, необходимо следует, становится госпожою над Его неизреченными сокровищами, потому что **она является невестой великого царя, Христа.** Ибо Господь соблаговолил, чтобы верные Его были, по выражению Писания, причастниками Божеского естества».*

Вы видите, что «единый Дух» — это не слияние, не превращение одного в другого, не трансмутация, не преображение в бога. Это брачный союз. Паламиты же видят в 2Пет. 1:4 принятие на себя «Божеского естества».

Вот, что пишет насчет 2Пет. 1:4 Амвросий:

*«Что мне добавить к этому, и должен ли я как бы на всем протяжении убеждать тебя, что Бог **соделал** человека причастником Божеского естества, как мы читаем в послании Петра? Потому справедливо кто-то сказал: **родом Его мы и являемся.** Ведь Он дал нам по родству Своему **способность разума**, а именно — по родству природы, чтобы мы искали то **Божественное, Которое находится рядом с каждым из нас, в Котором мы и живем, и существуем, и движемся** (Деян. 17:28)».*

Во-первых, «соделал», единомоментный завершённый акт, а не процесс. Во-вторых, «родство с Богом — это способность разумения». В-третьих, разумение для чего? Для искания того «Божественного, Которое находится рядом с каждым из нас, в Котором мы и живем, и существуем, и движемся» — а это что? Христос, в которого мы облеклись. Все совершенно логично. Никакого неоплатонизма в этом нет. Никаких разделений на сущности и энергии.

Андрей Монах (VI век):

«Мысль эта состоит в следующем: мы восприняли тысячи благ через явление Христово, через которые мы можем быть причастниками Божеской природы и верою достигать добродетели в жизни, и через добродетель шествовать путем преуспевания в благочестии, пока не войдем в совершенство благ, которое есть любовь».

Та же Христоцентричная мысль: «явление Христово» — воплощение — соединение божественной и человеческой природы — верою «мы можем быть причастниками Божеской природы». Никакой трансмутации, никакого процесса постепенного обожествления. Но союз Бога человека во Христе.

Афанасий:

*«Все существа по благодати Духа, даруемой Сыном, **делаются причастниками Самого Сына**, и из этого явно следует, что Сам Сын не есть чей-либо причастник, но чего причащаются другие от Отца, то и есть Сын. **Ибо о причащающихся Самого Сына говорим, что они причастники Бога**. И это-то означает сказанное Петром: «да... будете Божественнаго причастницы естества», как говорит и апостол: «не весте ли, яко храм Божий есте» (1 Кор. 3:16), и мы бо есмы «церкви Бога жива» (2 Кор. 6:16). **И взирая на Самого Сына, видим Отца, потому что уразуметь и постигнуть Сына значит приобрести***

ведение об Отце, так как Сын есть собственное рождение Отчей сущности».

Не знаю, какой слепец видит в этом стихе паламитское богословие, когда все ранние отцы Церкви явно говорят о Христоцентричном понимании этого текста. Мы в Сыне приобщаемся природы Божества Отца, так как *«Сам Сын не есть чей-либо причастник, но чего причащаются другие от Отца, то и есть Сын»* и *«собственное рождение Отчей сущности»*.

Иларий Арльский:

*«Ведь как **Бог** (Христос, «Е. Ж.») соделался причастным человеческой природе вопреки природе, так человек стал причастным Божеской природе вопреки природе».*

Кирилл:

*«Ибо таким образом бываем и христоносцами, когда **Тело и Кровь Его сообщится нашим членам**. Так, по словам блаженного Петра, бываем причастниками Божеского естества. Некогда Христос, беседуя, говорил к иудеям: если не будете есть **Плоти и пить Крови Сына Человеческого**, то не будете иметь в себе жизни (Ин. 6:53)».*

Лев Великий:

*«Познай, о христианин, свое достоинство и, **соделанный причастником Божеского естества**, не возвращайся в старое ничтожество из-за низкого образа жизни! Помни, чья это голова, и **членом чьего тела ты являешься**».*

Одномоментый акт, совершившееся событие. Как, когда? По вере и крещению. Никаких энергий и сущностей.

Феофилакт:

«Причастниками же Божественного естества мы сделались чрез явление Господа и Бога, который начаток нашего естества соединил в Самом Себе и чрез восприятие освятил; если же начаток свят, то и целое свято».

И только Марк Эфесский, паламист, видит в этом уже другой, языческий смысл:

«Если мы, участвуя в боготворном даре, делаемся «божественного причастницы естества», как говорил божественный Петр (2 Пет. 1:4), то не может быть тварным этот дар, называемый богоначалием и обожением и еще также — божеством».

Тут уже все их термины: «нетварный дар», «богоначалие», «обожение», «божество». Вы видите, что даже язык другой. Уже нет ни слова о Христе. Обожение — это «богоначалие», то есть постепенный процесс. Совершенно другой смысл. Другая идея, в которой Христос уже не нужен.

И несколькими стихами ниже Петр говорит:

«То вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа. А в ком нет сего, тот слеп, закрыл глаза, забыл об очищении прежних грехов своих».

Вот, скажут самоспасатели, — сказано, что стараниями, личными усилиями, мы должны приобретать добродетели. Но посмотрите — **«покажите в вере вашей добродетель»** и в конце **«тот слеп, закрыл глаза, забыл об очищении прежних грехов своих»**. Петр говорит о людях, именующих себя христианами, но таковыми не являющимися. Они должны

бы обладать свойствами, перечисленными в ст. 2 Пет. 1:5-7; на деле же этого нет.

Почему нет? Петр имеет в виду умышленное нежелание видеть истину. Образ телесной слепоты часто употребляется для описания неспособности постичь духовную истину (Ис. 42:19; Ин. 9:39-41; 2 Кор. 4:4). А в чем состоит эта истина? *«Очищении прежних грехов своих»*. Это предмет веры, а не дел. Итак, христианин, живущий верой *«об очищении грехов»*, — одномоментно и в прошлом, завершённый акт, через веру обретает все перечисленные качества. Кто же не живет такой верой, а сам постоянно очищает свое сердце от страстей, тот идет своим путем. Прекрасным, лучшим из путей человеческих, но, к сожалению, не христианским. Параллельно Христу, но не с Ним.

Экумений:

*«Ведь и этот человек познал, что, **очистившись через святое крещение**, он смыл с себя множество грехов. Ему бы следовало помнить, что, очистившись, воспринял он и освящение, и быть бдительным, дабы **навсегда сохранить святость**, без которой никто не узрит Господа, а он об этом забыл».*

Святость даруется разом и вся, а не приобретается и стяжается. Наша задача, будучи направляемыми Божьей благодатью, не сопротивляясь ей, будучи ведомыми Духом, сохранить полученную святость, которая куплена для нас «дорогой ценой».

Проспер:

*«**Божья защита дает силу окончательной верности Его бесчисленным святым**, но Он не освобождает никого из них от сопротивления, которое их усилия встречают в их собственной природе. Во всех их усилиях борьба между желанием и нежеланием не ослабевает. Сам блаженный Петр прошел через этот конфликт в тот самый момент, когда он*

собирался увенчать все свои победы. Кто же тогда усомнится, кто не увидит, что этот великий камень, разделяющий силу и имя первого Камня, всегда питал желание, чтобы ему была дана сила умереть за Христа? Но даже ему не суждено было избежать испытания страха. Этот человек, который больше всего хотел принять мученическую смерть, услышал обещание, что он действительно победит в своих страданиях, но не без испытания страхом. Поэтому справедливо, чтобы не только начинающие, но и продвинутые святые молили Господа таким же образом и говорили: не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо **всем, кто постоянен в вере и милосердии, именно Он дарует силу не поддаваться искушению**, чтобы прославляющий мог прославиться в Господе. И хотя **именно Он дает им победу, Он приписывает им заслугу этого**. Хотя **только с Божьей помощью они устояли в искушении**, все же, поскольку они по своей природе склонны к падению, Он считает их заслугой то, что они остались непоколебимыми. Следовательно, точно так же, как **верующие получают помощь, чтобы быть постоянными в своей вере**, так и неверующие получают помощь, чтобы прийти к вере. И точно так же, как первые могут оставить веру, так и другие могут не прийти к ней. Таким образом, ясно, что у Бога есть бесчисленное множество способов, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию истины. **Когда они приходят, тогда Божья помощь является их проводником**; а когда они этого не делают, вина за отказ лежит на их собственном упрямстве».

«Бесчисленные святые» — это кто? У нас, конечно, много богов в святцах, но не бесчисленно же. Проспер говорит о всех христианах, пребывших в вере до конца.

Августин:

«Поскольку Он Сам — та же самая жизнь, которой Он обладает в Самом Себе. **Но неужели же мы станем тем, чем является Он, то есть жизнью, когда начнем бытие**

свое в той жизни, то есть в Нем Самом? Разумеется, нет. Ибо Он имеет жизнь, как источник жизни, и Сим является тем, что имеет, и поскольку жизнь в Нем, то Он — Сам в Себе. Мы же не являемся жизнью, но мы сопричастны жизни и будем там таким образом, что не сможем быть в самих себе тем, чем является Он. Однако мы, не будучи жизнью, будем, как жизнью, обладать Им, Который в Самом Себе имеет жизнь, потому что Он Сам и есть жизнь. Коротко говоря, Он и в Себе неизменен, и с Отцом неразделим. Когда же мы придем к Отцу через Него, — ибо сказано, что никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня (Ин. 14:6), — то нас, пока мы будем пребывать в Нем, никто не сможет отделить ни от Отца, ни от Него».

Что еще к этому добавить? Кто еще после этого скажет, что мы станем «Богам»? Правильно, Палама. Мы сами — свет, мы сами — жизнь, мы сами — Боги, говорят обожники! Читайте дальше и вы все это увидите. Но ничего этого в христианстве нет.

Феофан Затворник:

«Я умер, говорит, но не с тем, чтоб мертву быть, а чтоб жить иною жизнью, совершеннейшею. Я сораспялся Христу; и Христос, живой и в распятии, жизнию Своею меня исполнил: стал жить во мне. Теперь уж не я живу, но живет во мне Христос. Это не нравственно только, в том смысле, что я Ему всецело предан и все Ему посвящаю, — и мысли, и чувства, и дела, и слова, и внешнее мое все, как и внутреннее, — ничего для себя не загадываю, все для Него, — так что меня будто нет, а есть только Он во мне и угождать Ему единственная моя забота: но и самым делом, существенно, Он во мне. Я сочетался Ему, а Он мне. Я привился к Нему, как дикая маслина, и Он исполнил меня Своею жизнью. Он во мне вседействует, все направляя во славу Божию и спасение мое и других. От Него возбуждение, от Него и сила».

[1] «ДАО ДЭ ЦЗИН». Комментарий Патриарха чань-буддизма.
Ханьшань Дэцина

[2] Изложение христианской веры, 3:35-36. Пер. с англ. мой.
https://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf210.iv.iv.v.v.html#fnf_iv.iv.v.v-p11.1

Мистический союз у Павла

Центр мысли Павла — это не судебное оправдание, как у Лютера, а его Христо-мистицизм. Мистическая концепция Павла не является в первую очередь этической, а относится к отождествлению верующего со Христом и Церковью. Основопологающим элементом павловского мистицизма является «Я во Христе»: в Нем мы знаем себя как существо, возвышающееся над этим чувственным, греховным и преходящим миром и уже принадлежащее к трансцендентному; в Нем мы уверены в воскресении; в Нем мы — дети Божии. Таким образом, через участие во Христе, а именно, через Его воскресение, верующий участвует во всеобщем воскресении духовно в настоящем веке.

В Павловом богословии присутствует сильный мистический элемент. Для Павла грех является отступлением от истины не потому, что он нарушает Божественный закон, а потому, что он разрывает мистическое единство верующего со Христом. Суть мысли Павла не в том, что человек ратифицирует и соглашается на заветные отношения с Богом и остается в них при условии правильного поведения; но в том, что человек умирает со Христом, обретая новую жизнь и начальное преображение, которое ведет к воскресению и окончательному преображению, что он является членом Тела Христова и одного Духа с Ним, и что он остается таковым, если не разорвет союз участия, образовав другой.

«Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею. Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? Ибо сказано: два будут одна плоть. А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом».

В этом тексте Павел выступает против блуда. Примечательно, что он не утверждает, что такая безнравственность противоречит закону Божьему, хотя Павел, безусловно, принимал это как факт, но вместо этого указывает на природу мистического союза верующего со Христом. Тот, кто крестился во Христа, *«облекается во Христа»*, и можно даже сказать, что он становится *«одним духом с Ним»*. Этот реальный онтологический союз является основанием, на котором Павел осуждает неподобающий сексуальный союз. Верующий не может стать *«одной плотью»* с блудницей, потому что христианин — *«одна плоть»* со Христом.

Мистицизм Павла во Христе проявляется во многих сакраментальных текстах его корпуса. В соответствии с аргументом против сексуальной безнравственности, Павел решительно отвергает идолопоклонство, имея в виду тот же божественный союз. Павел утверждает, что для христиан быть идолопоклонником — значит быть в другом союзе, в союзе с бесами (1 Кор 10:20). Через языческие жертвоприношения неверующие участвуют в демоническом общении под именем ложных богов. Павел отвечает на эту ложную форму участия евхаристической трапезой, через которую христиане переживают *«участие в крови Христовой»* и *«участие в теле Христовом»* (1 Кор 10:16). На участие со злом мы отвечаем евхаристическим участием во Христе. Святое причастие, по мысли Павла, это не чисто символическая или памятная трапеза, а событие, в котором христиане мистически соединяются друг с другом и с Господом через Его присутствие в евхаристических элементах.

Богословие Павла о крещении аналогично мистическому. Он утверждает, что *«Крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились»*. Через акт крещения христианин помещается во Христа и переживает смерть и воскресение через смерть и воскресение самого Христа. Павел увещевает римлян, говоря, что *«Мы погреблись с Ним крещением в смерть»*. Эта смерть — смерть для греха, которая также приводит к воскресению,

чтобы *«Дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни»*. Павел повторяет ту же мысль в послании к Колоссянам, говоря: *«Быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых»*.

Итак, мотивацией для святой жизни является реальность смерти и воскресения, которые объективно произошли в момент крещения. Крещение — это уже наша личная Пасха. Когда мы погружаемся под воду в крещении, мы не только омываемся, мы умираем для греха. Старая греховная природа утопает. Когда мы поднимаемся из воды, мы возрождаемся к новой жизни во Христе. Мы участвуем в смерти и воскресении Христа. Таким образом, наряду с приобщением к смерти и воскресению Христа, верующие также *«облекаются во Христа»* через крещение. Таким образом, становится очевидным, что мистический союз лежит в основе богословия Павла о крещении.

Понятие союза со Христом занимает обширное место в богословии Павла. Это ясно видно из его отвержения ложных форм причастия, таких как блуд и идолопоклонство. Действительно, союз между Христом и верующим настолько силен, что они становятся *«одной плотью»* и *«одним духом»*. Этот союз начинается с крещения, когда верующий становится частью Христа, участвуя в смерти и воскресении Христа через смерть для греха и возрождение для праведности. Этот союз укрепляется причастием в Евхаристии, где христианин участвует в теле и крови Христа. Мы видим легко читаемое учение об участии, причастии верующего жизни Христа в богословии Павла, которое сосредоточено вокруг искупительного домостроительства Иисуса, полученного нами через веру в таинстве.

Для Павла была бы дикой мысль, что домостроительство Божие недостаточно, оказывается, для спасения. Что нужно теперь самыми отвратительными языческими аскетическими

упражнениями зарабатывать свое спасение, занимаясь самовозвышением.

Подобие

Подобными мы становимся не когда трансмутируем в бога, но когда от долгого пребывания и общения со Христом становимся похожи на него, человеческими качествами. У Иоанна это выражено через видение Бога: *«Станем подобны Ему, потому что увидим Его как Он есть»*. Но это потом.

Сейчас же мы живем *«верой, а не видением»* (кроме паламитов, они уже живут видением) и *«что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия»*. Как маленький ребенок подражает поведению взрослых и, в итоге, мы говорим «яблоко от яблоньки», так и мы, если чувствуем Христа и Он нам дает познать Себя, начинаем подражать Ему.

Но разница с этой аналогией в том, что сын, достигнув определенного возраста может жить без отца, мы же, потеряв Христа, тут же духовно умираем. Но это не имеет отношения к превращению в божество. Это человеческие качества, хотя и приобретенные в результате мистического союза. А вот божественные атрибуты — нетление, бессмертие, знание Отца — это не наше, и нашим сейчас не становится. Возможно, станет в эсхатоне. Возможно, Христос окружает нас как одежда, пока мы не достигнем какого-то состояния, и тогда Он даст *«иметь жизнь в самих себе»*. Но не сейчас, не теперь.

Итак, мы имеем человеческие качества и божественные атрибуты. Человеческие качества могут в определенной мере быть частью нашей психики, характера. И быть похожими на Иисуса. Но божественные атрибуты мы не имеем сами по себе. Они принадлежат Христу, и мы в Его жизни участвуем пока мы в Нем. Мы можем до определённой человеческой степени обладать доброжелательством к людям, тихим, кротким нравом, приветливостью, готовностью всегда прийти на помощь, мужеством, терпением, целомудрием и так далее. И все это мы

можем приобрести, выработать в результате мистического союза со Христом. Но атрибуты божества, такие как любовь, смирение, кротость, нетление, бессмертие, блаженство, мир, радость, слава — не наши, нашими не становятся, мы в них не трансмутируем.

Христос дает Свою жизнь, Свой мир, Свою радость, Свое бессмертие, Свою славу, Свое знание Отца, Свое мужество. В полной мере обладая «Его умом», мы являем миру добродетели, которые на самом деле не наши качества, а Его атрибуты, которые лишь проявляются как в прозрачной воде. Прозрачная вода — это умирание ветхого человека, что и есть обновление и преображение. Но не приобретение нами этих самых атрибутов и свойств Бога. И вроде бы в нашей церкви многие знакомы с выражением «*Дивен Бог во святых своих*», но смысл этих слов недоступен почему-то.

Ин. 14:27: «*Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не уstrasшается*».

Ин. 15:11: «*Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна*».

Ин. 16:33: «*Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир*».

Мф. 11:29: «*Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*».

Ин. 6:57: «*Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною*».

Ин. 14:19: «*Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить*».

Ин. 14:6: *«Иисус сказал ему: Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».*

Ин. 17:3: *«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа».*

Ин. 17:24: *«Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира».*

Ин. 3:29: *«Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась».*

Кол. 3:3: *«Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге».*

Ин. 10:15: *«Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец».*

Гал. 4:19: *«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!»*

Кол. 3:10: *«А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, свлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».*

Не обоженный Еллин, не добродетельный Иудей, не преподобный варвар, не святейший Скиф, *«но все и во всем Христос»!*

Иоанн Креститель называл себя другом Жениха, и радовался за Жениха, видя славу Его. Палама и его товарищи сами

становятся женихом, свою славу видят, своей славе радуются.

Павел не видел никакой своей праведности, но обладал праведностью Христа, а мы упиваемся праведностью святых, которые, по слову Серафима отличаются от нас «решимостью».

Вот, что пишет святой Проспер про «решимость» Серафимов:

«Все заслуги человека от начала веры до окончательного пребывания в вере — это Божий дар. В первую очередь это видно на примере веры. Богатое разнообразие и величие Божественной благодати показывают, что теории этих людей ложны (тех, кто говорит «благодать дается по нашим заслугам», «Е. Ж.»), даже когда они говорят о воле взрослых людей. Свидетельства богодухновенных писаний опровергают их мнение. Если бы мы захотели привести все эти тексты, наш анализ никогда бы не закончился. Тем не менее, мы упомянем некоторые из них, которые приходят нам на ум. Наша цель — показать, насколько это необходимо, что заслуга человека от начала веры до окончательного пребывания в вере — это дар и дело Божье».

Флп. 3:8-10: *«Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере».*

Это вообще непонятный термин, этого учения вы вообще не услышите с амвона. Что значит «не со своей праведностью»? Мы слышим, что мы не праведны, это да. Но что, оказывается, наша праведность должна быть во Христе — это просто отсутствует в нашем обороте.

Если уж собирательный Палама строит свое богословие на опыте, то почему бы нам не поделиться своим. Все вы, думаю, знаете, как бывает после посещения благодати, что люди

кажутся святыми, что хочется умереть за брата, что страшно подумать о грехе или осуждении и прочем. Что это? А через час или день всего этого уже нет. Где это все? Если это мое, то куда оно ушло? И переживается это со всей очевидностью как Его мысли, Его чувства, Его желания. Что в тебе этого нет, и ты не знал раньше, что такое чувство к ближним вообще может быть. И если это длится бесконечно, без перерыва, что уже, впрочем, вне моего опыта, то это значит, что милостью Божией человеку дана жизнь Христа в постоянном переживании. А не то, что он трансформировался в энергийного или энергетического (как правильно?) бога. Можно на раке с мощами святых женщин писать: *«Се энергетическая богиня»*. Кстати, по Паламе в Чаше тоже не сам Христос, а энергии, так что в паламитских храмах можно говорить об «энергетическом напитке».

Преображение

Но Писание содержит немало свидетельств о том, что мы возрастаем, преображаемся, меняемся. Что это значит? А значит это то, что мы становимся способными воспринимать жизнь Христову. Христос, окружающий нас, *«вчера, сегодня и всегда тот же»*. Его совершенство не меняется, не совершенствуется, но меняется наша способность воспринимать, участвовать, переживать, ощущать.

«Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит».

Хотя Павел говорит об апостольском служении, но мы вполне можем это, вслед за отцами Церкви, отнести к нашей способности вообще пребывания во Христе. Причем наша способность — это не плод усилий, аскетического самоделания. Почитаем святых.

Кассиан:

«Отсюда человеческий разум не может легко решить, как Господь дает просящим, находит ищущих и открывает стучащим, а с другой стороны, находит не ищущих Его, открыто является среди не вопрошавших о Нем, и весь день простирает Свои руки к неверующему и отвергающему народу, призывает сопротивляющихся и отдаляющихся, привлекает людей против их воли к спасению, отнимает у желающих грешить способность исполнить свое желание, Своей благостью стоит на пути тех, кто устремляется к нечестию».

*«Разве способность делать все, что мы хотим, зависит от нашей силы?.. Ясно, что **наших способностей недостаточно, если не будет дарована Господом возможность сделать это...** Таким образом мы видим, что многообразная мудрость Божья совершает спасение людей многообразной и **непостижимой благодатью и, в соответствии со способностями каждого, сообщает благодать**, так что само спасение не заключается в одном лишь способе, но сообразуется с мерой веры, которую Бог находит в каждом или по мере того, как Он наделяет ею каждого человека».*

То, что принято понимать под получением благодати или ее стяжанием, на самом деле является способностью воспринимать уже полученный, совершенный дар в крещении. Христос, в которого мы оделись в крещении, совершенен. Не совершенна наша вера, по мере которой мы способны воспринимать. Так и пишет Кассиан: *«благодать по способностям, а способности по мере вере, которую дает Бог»*. Таким образом, это согласуется с апостолом, который утверждает, что способность наша от Бога.

Кассиадор Сенатор:

*«Поскольку призыв Господа совершается прежде всяких заслуг человека — Он не ищет достойных, а Сам производит их, — то потому и говорится о даровании, а иначе речь шла бы о справедливости. Именно **[Его] добрая воля призывает и влечет нас, и мы ничего не способны помыслить и сделать, что было бы нам полезно, если не примем это от Виновника добра. Вот и апостол говорит: не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. Так что пусть умолкнет безумие пелагиан, чтобы в попытке ложно приписать некую доброкачественность воле она не оказалась лишенной Того, Кто ее одаривает**».* [1]

Флп. 2:13: *«Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению».*

Начало этого стиха очень любят самоспасатели. *«Со страхом и трепетом совершайте...»* А что дальше написано? *«Потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению».* Это не укладывается в их голове. Весь Завет звенит словами о Боге, производящим в нас свою работу по спасению. И мы должны быть крайне внимательны к Его действиям: внимательно, со страхом и трепетом, прислушиваться, замирать мыслью, быть чуткими к Его водительству, постоянно ждать Его помощи во всем.

1Ин. 2:27: *«Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте».*

Рим. 8:14: *«Ибо если живете по плоти, то умрете, а если Духом (с большой буквы, синодальный переводчик! «Е. Ж.») умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божию».*

И вот эта способность *«учиться от помазания»*, слышать внушаемые Христом *«хотения»* и совершать побуждаемые Им *«действия»*, *«мыслить»* как Он мыслит, *«иметь Его ум»* — и есть наш рост, *«преображение»* в *«нового человека»*, *«обновление»*, возрастание и достижение *«полного возраста Христа»*. Не обожение, не приобретение новых, божественных атрибутов, не отращивание крыльев как у равноангельского чина, а развитие способности участвовать все глубже и полнее в жизни Иисуса Христа. И при этом развитие этой способности не наш личный подвиг, а действие Бога в нас.

Святой Проспер пишет:

«Правило веры Церкви, согласно проповеди святого Павла, гласит: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым».

Правило веры Церкви гласит: «Что ты имеешь, чего не получил? А если получил, то почему хвалишься, будто не получил?».

Правило веры Церкви гласит: «Благодатью Божией Я есмь то, что Я есмь, и благодать Его во Мне не оскудела, но Я потрудился более их всех; впрочем, не Я, но благодать Божия во Мне»; и «получив от Господа милость быть верным».

Правило веры Церкви гласит: «Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы превосходство силы принадлежало Богу, а не было от нас».

Правило веры Церкви гласит: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар».

Правило веры Церкви гласит: «И не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас — спасения. И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него».

Правило веры Церкви гласит: «Со страхом и трепетом совершайте своё спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению».

Правило веры Церкви гласит: «Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога».

Сам Господь подтверждает это правило веры, когда говорит: «Никто не может прийти ко Мне, если не будет дано ему от Отца Моего» и: «Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет»; и: «Без Меня не можете делать ничего»; и: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал»; и: «никто не знает Сына, кроме Отца; и

Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть»; и: «как Отец воскрешает мертвых и дает им жизнь, так и Сын дает жизнь тем, кому хочет»; и: «блажен ты, Симон бар Иона, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой Небесный».

*Согласно этой соборной вере, благодать не лишает никого свободной воли, потому что действие благодати на волю людей заключается не в подавлении их свободы, а в том, чтобы сделать их добрыми из злых и верующими из неверующих, изменить их врожденную тьму на свет в Господе, оживить то, что было мертво, поднять то, что лежало на земле, обрести то, что было потеряно. **Мы верим, что благодать Спасителя совершает это во всех людях без исключения, во всех, кто освобожден от власти тьмы и перемещен в Царство возлюбленного Сына Божия**».*

Где здесь «подвиги» святых анахоретов? «Уничтожены полностью»!

Еще послушаем святого Проспера. Комментируя Иоана Кассиана (его цитаты другим цветом), он пишет:

«Затем, чтобы завершить это обсуждение, он (Кассиан) излагает общий принцип в следующих словах:

«Итак, мы должны остерегаться относить все заслуги святых Богу таким образом, чтобы приписывать человеческой природе только то, что является злом и пороком».

Может ли ученик Пелагия или Целестия сказать что-либо более ясное и более точно соответствующее их ереси? Эти еретики говорят, что благодать дается в ответ на наши заслуги [2]; они также говорят, что благодать не нужна нам для совершения каждого отдельного доброго дела [3]. Наш собеседник выражает это двойное богохульство в одном предложении, когда говорит:

«Итак, мы должны остерегаться относить все заслуги святых Богу таким образом, чтобы приписывать человеческой природе только то, что является злом и пороком».

Он хочет сказать, что есть много заслуг людей, которые принадлежат им самим и не являются дарами Божественной благодати, заслуг, претендующих на какие-то небесные дары, которые должны пойти на увеличение богатых даров природы. Он хочет сказать, что нам не нужна благодать для каждого отдельного доброго дела и поэтому не должны молиться о помощи в каждом добром деле. Отсюда следует, что мы должны верить, что не дары Божьи являются основой наших заслуг, поскольку человек, которому бы Бог всегда помогал в каждом его [добром] поступке, не имел бы никаких заслуг; получается если [даже] мы допустим, что есть какие-то заслуги даже при тех дарах, которые дает Бог, все же должно быть ясно, что человек мог бы приобрести их своими собственными силами. Итак, причина, по которой Бог должен помогать нам в некоторых добрых делах, заключается в том, что благодать должна облегчить то, что мы и так были способны делать по природе [4]. Вот так в нескольких кратких словах вы получили не только два, но и целый ряд утверждений против веры, которые, если бы вы внимательно изучили их, то обнаружили бы, что они не отличаются от других утверждений, относящихся к осужденной ереси».

Поэтому, когда вы в очередной раз будете наслаждаться беседой преп. Серафима с Мотовиловым знайте, что вы читаете «осужденную ересь».

Иоанн Кассиан доказывал, что Иов боролся с дьяволом своей собственной силой и волей и вот, что отвечает ему Проспер:

*«Кто поверит, что чада Соборной Церкви могут говорить такие вещи между собой? Тем не менее, мы [теперь] можем прочитать в письменном виде то, что раньше говорилось снова и снова в частных беседах. **Неужели же зрение разума***

настолько помрачено у всех, а дух знания и благочестия настолько покинул всех сынов Церкви, что такая наглая ложь осмеливается навязываться читателям? Великий человек, мудрый учитель, правдивый наставник (он обращается к Кассиану, «Е. Ж.»), давай еще раз послушаем правое учение, которым в самом начале своего трактата ты привлек наше внимание и завоевал наши сердца. Тогда ты говорил как истинный христианин и исповедовал веру Церкви:

Кассиан:

«Из этого видно, что не только дела, но и добрые помыслы имеют источником Бога, который изначально вдохновляет нас доброй волей и дает силу и возможность совершить те вещи, что мы праведно желаем, ибо «Всякое даяние доброе и всякий дар, совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1:17)».

Этим здравым и правильным заявлением ты разрушил все остатки пелагианских ухищрений. Почему же ты теперь меняешь свое учение? Почему ты теперь восстанавливаешь то, что разрушил, нападаешь на то, что раньше защищал? Почему ты оставляешь неприступную крепость истины и шаг за шагом спускаешься в пропасть пелагианской ереси? Ты говорил, что начало святых мыслей, благочестивых желаний, добрых дел исходит не от нас, но что это Бог Своим вдохновением и помощью Своей благодати производит в нас все доброе и ведет его к развитию и завершению».

Поэтому боритесь с дьяволом сами, вслед за Кассианом и Иосифом Исихастом, стяжайте благодать своими усилиями, высекайте фаворский свет в своих пупках, а мы, чада соборной апостольской Церкви, будем смиренно пребывать в Нашем Спасителе, в Которого мы оделись при нашем крещении, Который дает нам и «мысли», и «желания» и «способность» совершать дела, Который наш «путь, истина и жизнь».

Иоанн Кассиан писал, что разбойник похитил рай:

«Но если мы говорим, что начало нашей свободной воли всегда обусловлено вдохновением Божьей благодати, то как быть с верой Закхея, или что мы скажем о **благоразумном разбойнике на кресте, который своим желанием силой взял Царство Небесное и тем самым воспрепятствовал особому водительству [Божьему] для своего привлечения?**» [5]

А вот что пишет насчет этого Мученик Аристид Афинский за 200 лет до Кассиана:

«По истине дивное и ужасное таинство: ибо отселе висевший на кресте мгновенно поемлется в рай — разбойника избирая спутником в своем шествии Христос; одного вводит в рай, другого нет. Почему так сделалось? **Этот благоразумный разбойник не предвосхитил ли рай у Владыки** рая от своего товарища (socius), то есть, распятый одесную от распятого ошую? **Отнюдь не так**, но этими немногими словами «помяни мя Господи, егда приидеши во царствии Твоем», — он скорее получил желаемое, чем попросил, ибо рек (ему Христос): «днесь со Мною будеши в раи». **Очевидно, рай невозможно было похитить, по способу разбойников**, ибо руки хищников не досягают рая. Нет, в Распятом **разбойник познал несомненно Бога, и за свое воззвание веры призван был в рай, а не сам восхитил его от Господа**».

Очевидно, что чем дальше от апостольского века, тем больше самоспасения, аскетизма, подвига, «бабьих басен», «предания старцев» и прочего.

Вот, что Проспер отвечает на это Кассиану:

«Если рассмотреть все эти твои высказывания, то становится очевидным, как далеко ты отошел от своего первого здравого утверждения. В нем, вопреки своему внутреннему убеждению, ты громко заявил о том, что должно быть приписано благодати, с намерением обрести благосклонность кафолических читателей, которые,

успокоенные тем, что твое первоначальное исповедание было похоже на истину, так же легко признали бы твои последующие заявления, как и одобрили твое первое учение».

Итак, мы более преобразуемся «для», а не преобразуемся во что-то иное. Преобразуемся в нового человека, да, но не в бога, и для того, чтобы быть способными воспринять жизнь Христа.

Ириней:

*«Ибо Бог всемогущ: тогда Он был видим пророчески чрез Духа, видим [и теперь] чрез Сына по усыновлению и будет видим отечески в Царстве Небесном, так как **Дух prepares человека к Сыну Божию, а Сын приводит к Отцу**. Отец же дарует нетление в жизнь вечную, которая для всякого происходит от видения Отца».*

Вот Евангельская последовательность: Дух нас преобразует в нового человека, для полного участия во Христе, а Христос приводит к Отцу. Сравните это с тем, что проповедуют паламиты: через аскетику и медитацию очищаем ум, созерцаем ум как свет, и через свет своего ума зрим энергию божью как фаворский свет и через энергию преобразуемся в нетварных богов.

Ириней продолжает:

*«Ибо Слово Божие изначала предвозвещало, что **Бог будет видим человеками и будет жить с ними на земле и говорить**, и будет присутствовать с Своим созданием, спасая его и делаясь доступным ему и освобождая нас от рук всех ненавидящих нас, т.е. от всякого духа преступления, и делая нас (способными) служить Ему в святости и праведности во все дни наши, дабы человек, приняв Духа Божия вошел в славу Отца... **Человек сам по себе не видит Бога. Но Он, когда хочет, бывает видим людьми, которыми видим быть хочет, когда и как Он хочет**».*

Во-первых, «*видим на земле*», во время своей земной жизни. Во-вторых, никакой техники нет и быть не может: «*человек сам по себе не видит Бога. Но Он, когда хочет, бывает видим людьми...*» Это относится к Его земной жизни, к видению Стефана, Павла, учеников на Фаворе. А не разработанная инструкция по «видению Бога» как книга Софрония Сахарова «Видеть Бога как Он есть».

Дальше он пишет:

«Ибо Бог всемогущ: тогда Он был видим пророчески чрез Духа, видим [и теперь] чрез Сына по усыновлению и будет видим отечески в Царстве Небесном, так как Дух prepares человека к Сыну Божию, а Сын приводит к Отцу, Отец же дарует нетление в жизнь вечную, которая для всякого происходит от видения Отца. Как видящие свет находятся внутри света и причастны его сиянию, так видящие Бога находятся в Боге и причастны Его сияния. Сияние же Его животворит их, поэтому видящие Бога причастны жизни. И потому Он непостижимый, необъятный и невидимый сделал Себя видимым, объемлемым и постижимым для верующих, дабы оживотворить приемлющих и видящих Его верою. Ибо как величие Его неисследимо, так и неизреченна Его благость, по которой Он бывает видим и дарует жизнь видящим Его. Невозможно жить без жизни, а бытие жизни происходит от общения с Богом; общение с Богом состоит в познании Бога и в наслаждении Его благостью».

Видим Отца через Сына в Евангелии и нашем союзе с Ним. А самого Отца будем видеть там, не здесь, не сейчас. Очевидно, что видим Бога и находимся в Его сиянии верой! А не созерцанием своего ума.

Ириней продолжает:

«Итак, люди будут видеть Бога, чтобы жить, чрез видение сделавшись бессмертными и достигая даже до Бога. Это, как

*я сказал, пророки образно показали, [именно] что **будут видеть Бога люди, носящие Дух Его и всегда ожидающие Его пришествия***».

Это то, о чем Павел говорит: *«**Надежда не постыжает**»; **«Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?»**; **«Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою»**; **«Ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою, если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования, которое вы слышали»**.*

Повторю, это очень важно: надежды в нашей Церкви нет. Надежда — это сладостное ожидание грядущего события. Но если у нас нет уверенности в спасении, то, конечно, мы ничего не ожидаем, и только отталкиваем от себя мысль о конце времен. Естественно, мы же *«держим ум во аде»*, какая тут сладость? Какое тут ожидание?

Посмотрим на традицию понимания Кол.3:10 в церковной традиции. Есть ли тут трансмутация в бога.

*«А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, **совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его**, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»*.

Наши обожники любят приводить это место. Но тут трудно притянуть их понимание, достаточно прочитать три последующих стиха:

«Итак, облекитесь, как избранные Божию, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смирennemудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны».

От долгого пребывания с человеком мы становимся похожими на него. Супруги, долго прожившие в браке, даже знают, о чем молчит их половинка. Бывает едешь в машине, а она рядом и молчит, и ты знаешь, о чем она молчит. Или вдруг, неожиданно, она отвечает кому-то твоими словами. Или реагирует как ты реагируешь, хотя в ее девичестве ничего подобного не было. Так и мы со Христом. Мы перенимаем Его мысли, Его желания, Его чувства — что и составляет личность человека: мысли, чувства, желания. Это и есть *«живет во мне Христос»*.

Августин:

«А по образу Божию говорится затем, чтобы понимали, что это обновление происходит там, где есть образ Божий, то есть — в уме».

А не кости выжигаются светом. В уме — мысли, чувства, желания.

Василий:

«Какое намерение и какая сила крещения? Через него крещаемый изменяется в уме, слове и деле и по данной ему силе делается тем же, что Родивший его».

Святитель указывает на способ и инициацию такого преображения — крещение.

Ефрем:

«И облекитесь в новое, которое обновляется чрез крещение и делается безгрешным по подобию образа Создателя его».

Получив этот союз в крещении, мы, влекомые благодатью, пребываем с Иисусом, от которого перенимаем Его образ мысли.

Клеон Роджерс, разбирая греческий оригинал пишет:

«Pass (пассивный залог, «Е. Ж.») указывает, что действие совершает другой».

Здесь мы имеем длительное действие. Однако, не обожение. Если под обожением понимается приобретение нетления и бессмертия, то оно даруется мгновенно в акте нового рождения. Новый человек *«не умирает»* и *«смерть не имеет над ним власти»*. А походить на Иисуса, такого, какой Он предстает в Евангелии, не Бога, но человека, мы приобретаем постепенно, в результате союза и общения с Ним. Божественность Христа передается разово, одномоментно в крещении. Человеческие качества Иисуса обретаются постепенно. Нравственное, а не онтологическое преображение. О чем со всей очевидностью и пишет Павел: отложить *«гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие»* и *«облечься» «в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение»*. Никаких Фаворских светов с выжиганием костей нет.

Феофан:

*«Обновление идет собственно по образу Создавшего, как это очевидно само собою. Что же есть в разум, εἰς ἐπίγνωσιν? Это есть указание или цели обновления, или следствия, его сопровождающего; то есть **обновляется верующий, воссозданный в крещении**, по образу вновь создавшего его здесь Господа, с тою целью, чтобы познать, обогатиться ведением, или обновляется таким образом и чрез это обогащается ведением. Но то несомненно верно, что знание, разумеется, духовное, имеющее предметом порядка духовной*

жизни в Боге, всегда идет по следам обновления духовного. И такое только знание истинно, прочно и благонадежно. **Но оно приемлется, а не ищется.** Сдвигающий его дух радуется, как обретающий корысть многу; **но не как торговец, получающий прибыль, на которую наперед рассчитывал.** **Оно является всегда внезапно.** Вот как оно идет: обновляющийся, обновляясь, сдвигает нечто новое. Это новое не минует сознания, а дает ему о себе знать. Действующее лицо, принимая его в свое сознание, спознается с ним и начинает знать его. Глаз чувственный увидел вещь и знает ее. Так и сознание сознает, что в себе, и знает, то Всякое духовное ведение только таким путем достается. Оно есть признание, — в коем познающий говорит в себе: ну, теперь знаю. Вижу, испытываю, ощущаю и знаю».

Первое: «обновляется воссозданный» — в крещении мы стали бессмертными и нетленными, часть божественных атрибутов стала частью нашей природой. Не вся природа стала уже бессмертной. Наше тело все еще умирает. Но душа восстановила союз с Богом и, облеченная во Христа, приемлется Богом как нашим Отцом, и поэтому во Христе мы — Его дети. Это онтологический аспект. Если мы хотим применять неточный термин «обожение», то он относится только к крещению. А затем, в союзе со Христом мы «обновляемся», становясь нравственно похожими на него. Как ребенок уже человек, а не семечка получеловека-полулягушки, и, взрослея, он перенимает манеру поведения и мышления родителей, подражая им, так и мы, уже богочеловеки по образу Христа, но еще младенцы и постепенно становимся похожими на Него, взрослея во Христе.

Второе: святитель пишет жуткие для православия вещи: «не ищется, а приемлется». Мы радуемся, как приобретшие богатство, но не как духовные торговцы Мотовиловского Серафима, а «внезапно». Нет никакой торговли благодатью. Нет никаких упражнений, которые тебе «обильно доставляют благодать Духа». Дух Сам, волюнтаристски, как абсолютно

суверенная личность тогда и столько дает Себя познать, как Ему Одному ведомо и угодно. Без всяких гарантированных причинно-следственных связей, при пребывании в Его заповедях.

Третье: Христос Духом Святым дает нам себя ощутить и тогда, ощутив каков Он, мы через такое знание обновляемся умом в мыслях, чувствах и желаниях.

Вот апостольское учение об обновлении. Нет никакой трансмутации в бога. Нет никаких превращений адепта в сияние света, слияния и растворения в нем.

[1] . Толкование Псалмов (Пс. 5). CCSL 97:69-70

[2] Августин. Предопределение святых. 2.3

[3] Августин блаж., De gestis Pelagii 14.30

[4] 5-е правило Карфагенского собора 418 г.

[5] Мой перевод. «Sin vero gratia Dei semper inspirari bonae voluntatis principia dixerimus; quid de Zacchaei fide, quid de illius in cruce latronis pietate dicimus: qui desiderio suo vim quamdam regnis coelestibus inferentes, specialia vocationis monita praevenierunt»

Познание Бога

Познание Бога мы получаем через Христа. Он наш провожатый на небо, он Наш телеграф с Отцом, Он наш батискаф при погружении в глубины океана Божества. Через знание Христа мы достигаем знание Бога. Не Его энергий, а Его Самого, если нужно употреблять термины, то да, Его сущности, Его природы, Его естества.

Эти полуязыческие христиане усвоили языческий образ мыслей, при котором познание божества приводит к превращению в него, а так как нужно избежать множественности богов, эти полухристиане ввели низшее божество — энергию, причастники к которой Богом не становятся, а становятся богами по энергиям.

Конечно, ничего этого в христианстве нет. Мы остаемся людьми, творениями, и во Христе мы получаем Его жизнь, которая едина с Отцом, и знаем Отца так, как знает Его Сын. А Он, думаю, знает Отца не по каким-то второстепенным энергиям. И ни во что мы при этом не трансформируемся, не трансмутируем. Очевидно, что весь этот жуткий бред не является плодом христианского откровения, а является плодом языческих психосоматических практик.

Но наши бедные овцы не во Христе, потому что *«Бог не пища и питье»* как они думают, не *«самоуничужение и самоистязание, которое только имеет вид набожности»*, а любовь к братьям. Это жизнь общины как тела, когда *«один болеет и за него болеют все и когда один радуется, радуются все»*. Но у нас убили общину.

Объявили обожение через египетскую мистерию, в которой никакой общины не нужно. Не нужно никакой любви и единства, никакого *«ношение тягот друг друга»*. *«Лекарство от*

бессмертия» — готовят жрецы за каменной стеной и выносят овцам для «поедания Бога». Нам запретили иметь общение с Богом под угрозой прелести. Овцы не знают, что есть какое-то «помазание, которое учит их всему». У них нет «общения друг с другом», а потому нет и со светом. В нашей церкви нет ни мирян, ни общины, у нас есть захожане.

Им выносят «лекарство» и больше никакой роли церковь не играет. Это все благодаря вам, апофатики, самоспасатели. Пребывание в Боге заведомо невозможно без того, чтобы засунуть голову между ног и сопеть в пупок. А раз так, то не нужна и община, не нужно и братолюбие, потому что все равно соединиться и пребывать со Христом нельзя. Нужны лишь жалкое подобие «подвига» в виде углеводной диеты. При которой не поглощаешь белок. Если для пребывания во Христе, по вашему мнению, нужен психоэксосоматический подвиг, то почему вы не даете весь перечень?

Вот как пишет Исаак Сирин, ключевой автор полухристиан:

«Когда не хватает человеку чего-либо из того, что необходимо для образа жизни его, не может он спокойно совершить течение свое и получить венец свой, ибо во время увенчания эта самая нехватка поколеблет и смутит око души его. Но справедливо, чтобы всем необходимым был снабжен образ жизни его, относится ли то к телу, или к душе.

Как кормчий, если лишен одной части корабельного снаряжения, не может выйти в море даже ненадолго, пока не приобретет полностью <снасти> и не поместит их все на своем корабле, точно так же <происходит> с тем, кто идет по пути одиночества и желает насладиться [плодами] его и [обрести] надежду на Бога в душе своей, если не хватает ему хотя бы самой малой части из того, что необходимо в путешествии: эта самая малость, которой нет, делает бесполезным все <остальное> в ту минуту, когда надо воспользоваться ею.

Требуется от него также равномерность подвижничества, дабы во всяком роде трудов равномерно было подвижничество его: не должен он быть богат только в одном или двух трудах, которые нравятся ему соответственно желанию воли его, и <не только> в них трудиться, будучи лишенным других, которые более необходимы. Но равномерным должно быть подвижничество его во всех составных частях своих, благодаря исполнению всех трудов добродетели. Чтению <должна> соответствовать служба, и службе — поклоны, и поклонам — пост, и посту — ночные бдения, а с ними — сокровенное служение разума, чтобы, когда тело трудится, сердце не было расслабленным и оставленным. Но сила разума, которая в нем, знает, что находится внутри видимого естества; ибо все <труды>, которые требуются для пользы его, совершает видимое тело».

Вы даете человеку только пост, но он сам по себе не работает. Ваш же любимый анахорет вам объясняет. Пост — это только один элемент. Поэтому у вас на приходе никто «не опьянен любовью» как большой поклонник еретиков Евагрия и Феодора из Ниневии. Поэтому ни у кого слезы не текут ручьями как у дорого всем нам пустынника. Вы отняли у овец Евангелие, запретили «жить во Христе» и «водиться Духом», чтобы не впасть в прелесть и в насмешку дали им соблюдать пост, как один из элементов самоспасателей.

В итоге, конечно, во Христе они не живут и не знают, что это вообще такое. А свет в пупке не видят, потому христианские йоги предписывают к посту еще «ночные бдения, сокровенное служение разума, 6-разовые службы, поклоны, безмолвие, сдерживание дыхания, собирание ума в сердце, опустошение помыслов, смерть для всех людей, непарительную медитацию» — тогда все сработает.

Вы отняли Христа и заменили Его храмовым божеством, к которому нужно ходить. Вы высмеиваете тех, кто говорит, что «Бог в душе». Вместо иконы Христа в Евангелии вы обложили

их вашими бесконечными рисунками, которые, хоть облобызай их все, ни на шаг не приблизят Бога к сердцу. Вы из кульминации общинной жизни в любви и взаимопомощи, выражением которой является совместное преломление хлеба, устроили египетские мистерии со жрецами, посвященными и профанами, тайными заклинаниями, где собрание христиан превратилось в очередь перед чашей с магическим напитком.

Борис Сове пишет:

«О чувствах страха и трепета и о тихом — тайном — чтении анафоры говорит и несторианский писатель Нарсай (1502), основатель Низибинской школы, находившейся под сильным влиянием Феодора Мопсуэстийского. В своей 17 гомилии он дает описание и истолкование современной ему Литургии, очень похожей, кроме анафоры, на несторианскую Литургию Фаддея и Мария.

*Например, после Символа веры «священник приносит таинство искупления нашей жизни, исполненный трепета и облеченный страхом и великим ужасом. **Священник пребывает в ужасе и великом страхе с трепетом по причине его долгов и долгов всех детей Церкви...** Трепет и страх за себя и за народ лежат на священнике в этот ужасный час. В страшных условиях и служении он предмет ужаса даже для серафимов, сын праха предстоит в великом страхе, являясь посредником. Страшный Царь, таинственно закланный и погребенный, и страшные стражи (ангелы), стоящие в страхе в честь их Господа. С такими мыслями предстоит священник для священнослужения, почтительно, с великим страхом и трепетом». Этими чувствами проникнут и возглас диакона».*

Замечательно, правда? Сын Божий не искупил Нарсая и его церковь. На них находит *«трепет, страх и великий ужас за долги детей церкви»*. Только «церковь» пусть пишут с маленькой буквы. В Церкви у ее детей есть Искупитель, который *«будучи верным и праведным прощает нам грехи наши, если*

мы их исповедуем». А тут, вероятно, они, как и римские католики, все продолжают бедного Христа ежедневно в жертву приносить. Нагрешили же «дети церкви» за неделю между причастиями — Христа надо заново убить. От этого и страх, и трепет.

Насрай продолжает:

*«Смотрите вашим умом на происходящее великое таинство, которое совершаете вы, смертные. Страшные Тайны освящаются руками священника. Пусть каждый пребывает в страхе и ужасе, пока это совершается. **Священник, уста Церкви, открывает свои уста и беседует тайно с Богом, как с другом.** Конец молитвы произносится вслух. После серафимского гимна, произносимого всем народом, «вся Церковь возвращается к молчанию, и священник начинает общение с Богом». В конце молитвы он возвышает голос, чтобы его мог услышать народ... и рукою благословляет Тайны... и народ своим «Аминь» способствует и соглашается с молитвой священника».*

Все это уже было, дорогой собирательный Насрай. Это называется медиум, а еще шаман, а еще жрец. Это посвященный, который беседует с богами. Он низводит божественную силу через себя на профанов. Ничего нового. Это не Новый Завет, где «царственное священство» у каждого христианина. Это вечно — старый, языческий завет.

Дальше Сове продолжает:

*«У Феодора Мопсуэстийского и Нарсаи имеются первые сведения о тайном тихом чтении анафоры и мистическом евхаристическом молчании. Естественно предположить, что эта практика возникла в Сирии и распространилась первоначально по преимуществу в Восточной Сирии. На введение тайного чтения анафоры влияет и практика *disciplina arcani*, оберегающая святость и величие христианских таинств. Это ясно из ответа сирийского*

писателя Иакова, еп. Эдесского (640–708), на вопрос «Почему при закрытых дверях, с безмолвствием и по устному преданию совершались таинства». Вероятно, требования *disciplina arcani* и объясняют отсутствие установительных слов в толковании Феодора Мопсуэстийского, в чинах несторианской Литургии Фаддея и Мария и устную их передачу. На введение практики тайного чтения анафоры безусловно повлияли, наконец, некоторые идеи, выраженные в *Corpus Areopagiticum*, в частности, «О церковной иерархии». *Corpus* появился, вероятно, в Сирии в конце пятого века и был там очень популярен. Его перевел на сирийский язык мистик Сергей Ришайнский (†536). Из Сирии *Corpus* попадает в Константинополь, находясь первое время под большим подозрением».

Так что, то, что происходит у нас — это смесь несторианства и неоязычества в изводе Лже-Дионисия.

Сове:

«Одной из главных идей памятника «О церковной иерархии», положившего начало богослужебной символике, является учение о иерархической структуре, — **о разных степенях ведения божественных тайн, полнота которых доступна только священноначальнику — епископу. Он то и передает низшим степеням, в частности, второму — «созерцательному» чину мирян — священному народу, в чувственных знаках — символах — доступное им ведение.**

«Божественный иерарх, хотя и низводит благоволительно к подчиненным ему свое, единое само в себе, священноначальственное ведение, пользуясь многообразием священных символов, но тотчас же, как неуловимый и неудержимый для низших, без всякой перемены в себе возвращается к своему начальственному служению и, совершив мысленный вход к Единому в себе, в чистом свете созерцает единовидный смысл совершаемых действий,

оканчивая человеколюбивый исход на вторичное (дело служения) боголепнейшим возвращением к первейшим».

Это отделение священноначальника от народа и мотив тайны подчеркивается при изъяснении Литургии, «таинства таинств», «совершеннейшего из таинств», «таинства собрания или общения». Например, «приобщившись и преподав богоначальное причастие (другим), (иерарх) обращается, наконец, к священному благодарению (вместе с народом, который участвует в благодарении, принося к одним только божественным символам), а он сам, возводясь постоянно богоначальным Духом священноначальственно, в чистоте богообразного чина, к святым началам совершаемых (действий) в блаженных и мысленных созерцаниях». Или, как впоследствии перефразирует Георгий Пахимер, «толпа взирает только на божественные символы, так как не может рассуждать о чем-либо высшем, а сам иерарх возводится к тем первообразам — к самому честному Телу и Крови Господней, веруя, что подлежащие (символы) предложены в них (в истинное Тело и истинную Кровь) святым и вседействующим Духом».

Замечаете, да? Степени и ступени посвящения, низшее и высшее ведение, а мы — миряне — просто толпа, в другом более точном переводе — «сброд». Именно слово «сброд» и употреблял Ямвлих и Прокл в своих теургиях, откуда это слово заимствовал Лже-Дионисий (об этом ниже). Замечательная замена слова «Бог» на слово «Единое». А Христос тихо, робко, кротко говорит: *«Среди вас да не будет так: один у вас учитель — Христос, все же вы братья»*. Какой там: «Преосвещеннейший владыко», «Ваше святейшество». Титул у патриарха Александрийского знаете как звучит? «Его Божественное Блаженство Папа и Патриарх Великого Града Александрии, Ливии, Пентаполя, Эфиопии, всего Египта и всей Африки, Отец Отцов, Пастырь Пастырей, Архиерей Архиереев, Тринадцатый Апостол и Судия Вселенной». Прекрасно ведь?

Сове продолжает:

«Введение тайного чтения анафоры способствовало дальнейшему ослаблению евхаристического благочестия и жизни. Величайшая молитва Церкви — евхаристическая, которую в древности многие знали наизусть, стала забываться мирянами. Отсюда споры о ее содержании, отмечаемые литургистами. Большинство мирян не ощущает биения сердца Церкви, как оно слышится в анафоре, в которой слиты все молитвы Церкви «о всех и за вся», о преображении мира и о Царстве Божием. Анафоры литургий, и между ними молитва св. Василия Великого, поражают размахом всемирного космического моления, в которое вливаются благодарения и прошения определенных членов Церкви, глубиной и силой благодатной любви Церкви, точностью и пластичностью догматических формул. Этот гимн соборной молитвы не доходит до слуха и сознания верующих. Для многих утеряно понимание жертвенного характера Евхаристии и сознание ответственного участия в возношении анафоры, хотя просфоры и подача записок за живых и умерших (древние диптихи) свидетельствуют об этой стороне евхаристического общего дела. Многие молящиеся в храме во время анафоры молятся своей самостоятельной, а не соборной молитвой, благодарят Бога за свои радости, несут к Нему свои скорби и просят у Него помощи в своих нуждах. Собрание верующих, к великому сожалению, не сознает себя единокорным и единомысленным и единым перед дискосом, на котором вся Церковь и мир окружают Главу — Христа. В отношении мирян к Евхаристии и Литургии наблюдается элемент соборного, социального распада, который усугубляется грехом редкого причащения. Это есть соучастие в социальном грехе, грехе нелюбви к ближнему.

Распад соборности на практике чувствуется и в способе причащения. Прежде священнослужители и народ причащались вместе. Теперь же священнослужители

причащаются при закрытых царских вратах, задернутых завесою. Алтарь в это время, по истолкованию литургистов — Сионская горница, из которой миряне исключены. Во время причащения священнослужителей хор поет киноник-причастен, который в Древней Церкви пел причащавшийся народ. Например, «Тело Христово приимите, источника бессмертного вкусите». «Вкусите и видите, яко благ Господь». Впоследствии причастен стал варьироваться по дням и праздникам. Теперь он «поется для того, чтобы поддержать в предстоящих благочестивое настроение и занять их внимание на это время» (причащения священнослужителей). Это объяснение русского литургиста свидетельствует об упадке евхаристического благочестия, так как в Древней Церкви не надо было занимать верующих, когда они предстояли перед Евхаристическим Христом. Об этом же упадке говорит и произносимая часто после причастного стиха проповедь, или пение «концерта» или стихир, ирмосов канонов, содержание которых очень часто весьма далеко от переживаемого момента, когда на престоле царствует Христос, и христиане участвуют в мессианском царстве — образе и предвосхищении «невечернего дня Царствия Христова», когда удобнее евхаристическое молчание».

И в конце делает вывод:

«В отношении мирян к Евхаристии и Литургии наблюдается элемент соборного, социального распада, который усугубляется грехом редкого причащения. **Это есть соучастие в социальном грехе, грехе нелюбви к ближнему**».

Вот, во что вы превратили церковь — в «соучастие в социальном грехе, грехе нелюбви к ближнему». Вы убили общину, убили братство, убили церковь как тело. Вы ввели личное псевдоблагочестие по уставу Пахомия великого или кого там еще. Вы призываете к личному аскетизму, к эфемерной

борьбе со страстями своими силами, к соблюдению «суббот и постов», к «самоуничижению», к медитации над своими грехами, к «держанию ума во аде», к еретическому «стяжанию благодати» — ко всему тому, что ко Христу не ведет. А то, что ведет — братская община, «ношения тягот друг друга», «размышление над словом Господним день и ночь», вера в то, что мы оделись во Христа и уже спасены Им, предание себя самих Ему до последнего остатка, «водительство Духом», «помазание от Святого» — все это вы отбросили, да и никогда не знали. Поэтому ваши овцы не знают, что такое «жизнь во Христе». Они не «знают ни друг друга, ни Христа» через ближнего. Вот ваши кумиры.

Ниневийский святой:

«Соблюдай это, брат мой, и будешь ты в смертном теле жить жизнью ангелов. Также и то должен ты знать, брат мой, что вершина всякого блага для человека Божия в мире сем есть чистая молитва. И если не умрет человек по отношению ко всем людям и не будет усердствовать в безмолвии наедине с собой, словно мертвец во гробе, не сможет он приобрести это для себя».

«Будем подвизаться в безмолвии; сделаемся мертвыми по отношению ко всякому человеку; соберемся в помыслах наших от рассеянности во всякое время посредством этих воспоминаний, дабы могли мы без труда во время службы и молитвы приводить ум наш к самим себе и дабы усердно приносили его в жертву Богу».

«Итак, до тех пор, пока человек не удалится от людей и не достигнет безмолвия, и пока не обратится к мысли о душе своей, не откроется благо, сокрытое внутри него».

Благо внутри него, как у йогов. Уже есть там скрытое благо. Причем это благо таково, что нужно умереть для всех людей. Это христианство? Это пишет кто? Алистер Кроули или святой Церкви? Это путь к кому? Велиару или Христу?

*«Если милостыня, или любовь, или милосердие, или что-либо, почитаемое сделанным для Бога, препятствуют твоему безмолвию, обращают око твое на мир, ввергают тебя в заботу, помрачают в тебе памятование о Боге... разрешают воздержание чувств твоих, воскрешают для мира тебя, умершего миру, от ангельского делания, о котором у тебя единственная забота, низводят тебя и ставят на стороне мирян, — **то да погибнет такая правда! Ибо выполнять обязанность любви... есть дело для людей мирских, а если и монахов, то недостаточных, не пребывающих в безмолвии**».*

И продолжает:

*«А тем, которые действительно избрали для себя отшельничество от мира и телом, и умом, чтобы установить мысли свои в уединенной молитве, в омертвлении для всего преходящего, для зренья мирских вещей и для памятования о них, — **таковым не подобает служить Христу деланием чего-либо телесного и правдой дел явных**... надлежит приносить Христу чистую и непорочную жертву помыслов как первый плод **возделывания самих себя** и телесную скорбь в терпении опасностей, ради будущего упования».*

Идите, 10 февраля станьте на колени перед его иконой, попойте тропари, покадите как богу, приложите к его пальцу, авось и вам даст Господь по молитвам святого Исаака *«опьянет любовью»*.

Итак, мистический союз человека со Христом образуется через:

1. Божественное домостроительство: воплощение, послушание до смерти, жертвы за грехи, искупление от долга Богу (по Иринею), воскресение, восхождение на небеса Сына Божия и ниспослание от Отца Святого Духа.
2. Усвоение Его дела спасения верой, покаянием и крещением.

3. Активную, ежедневную верой, реализуемую как полное вверение своей жизни Христу, через что Христос осуществляет наше освящение и обновление в новом человеке, который *«от веры в веру»* принимает *«благодать на благодать»*.
4. Созерцание Сына Божия через Его единственную икону — Новый Завет.
5. Участие в общинной жизни делами любви, неразрывным продолжением и вершиной которых является преломление хлеба с братьями и сестрами (а не с толпой, очередью) — Евхаристия.

Итогом является способность все глубже и полнее жить жизнью Иисуса Христа, оставаясь вполне человеком, *«делаясь одним Духом с Господом»* не в смысле слияния, а в смысле единокровных влюбленных.

В противовес этому, полужазыческое христианство предлагает следующий путь:

1. Бегство из мира и *«умирание для всех людей»*, *«отречение от дел любви, чтобы да погибла такая правда»*, если она мешает созерцательному безмолвию.
2. Очищение ума от всех мыслей, опустошение сердца.
3. Крайний аскетизм тела.
4. Экзальтированное рыдание над *«своим мертвецом»*, *«держание ума во аде»*.
5. Психосоматическая практика йоги и дзена, направленная на концентрацию внимания, сдерживание дыхания, отрешение от любых мыслей, образов.

Итогом всего это должен быть приходящий свет или благодать, которая превращает человека в этот свет или саму благодать через слияние, поэтому человек обоживается и становится богом по благодати или энергиям.

Обожение переходит на тело адепта, поэтому оно тоже становится божественным, приобретает атрибуты нетления,

благоухания, мироточения.

Как мы легко можем увидеть — первый путь Христоцентричен, второй путь человекоцентричен. В первом пути Христос необходим, на втором пути Он не нужен. Вы можете выбирать. Только прошу вас, не врите сами себе и другим: это не два освященные Христом пути. Первый Новозаветный, освященный Преданием первых 4 веков. Второй языческий, привнесенный в Церковь гораздо позже.

Насчет нетления тел, опять это наглое игнорирование Завета. Павел говорит про свое тело: *«Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* и *«Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам»* и *«Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем...»*.

Где здесь про то, что кости у Павла становятся божественными? Ну бред же, языческий бред. Павел всячески показывает, что тело (его, Павла, по крайней мере) вот-вот развалится, рассыплется как черепок, как глина. Оно постоянно тлеет, по-гречески *«хижина из соломы»*. Его гнетет это разлагающееся тело. От этого он воздыхает: *«поскорей бы облечься в небесное жилище»*. Но нет, эти несчастные косточки объявлены божественными, нетленными, напитанными энергиями, а потому сами кости — Бог. Ну пусть им, этим несчастным, такие тела и дадут после воскресения. Они же уже нетленны и благоухают. Вот в таком виде и восстанут. Что бы сказал Павел, если бы ему выкопали пару святых христиан и сказали: *«Вот, Павел, нетленные тела. Они уже предварили воскресение»*. Позор!

«Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет

сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все».

Ждем, а не сейчас обоживаем кости.

Когда? Когда будет второе пришествие.

В какое тело? В это ужасное, полусгнившее как сейчас нам показывают нетленников? Такое было тело у Христа? Полусгнившее? **«Сообразно славному телу Его»**. Это просто богохульство и кощунство.

Насчет нетленных тел есть большие исследования как российских, так и зарубежных ученых. Подробнее об этом в главе «Мозг» четвертого тома. Здесь же приведу цитату А. Г. Дунаева из статьи «Существует ли православная антропология»:

«В православии подобные явления (левитация, нетление мощей и т.п.) описываются как исключительные чудеса святых подвижников и как дары благодати, а не как составная часть аскетического учения; наличие таких чудес в иных религиях объясняется бесовскими кознями. Феномен удивительного единства языка и опыта мистиков вне зависимости от конфессиональной или даже религиозной принадлежности обычно остается вне поля зрения православных апологетов».

В противовес Евангельскому познанию Отца через Сына Лосский, следуя апофатической традиции, предлагает иной путь познания:

*«Лосский стремится показать, что в то время, как катафатическое богословие ведет нас к некоторому знанию Бога, которое всегда несовершенно, **именно апофатическое богословие есть «совершенный способ»**, поскольку ведет к полному неведению. В то время как, по словам Лосского, мы не можем познать Бога за пределами икономии, **«нам***

должно отказаться от нисходящего пути откровения природы Отца через Сына в Духе для того, чтобы иметь способность постичь существование трех ипостасей за пределами всякой выражаемой икономии». По мнению Лосского, апофатический подход, то есть **отрицание всех свойств Бога, которые можно найти в икономии (любовь, доброта, мудрость и т.д.), позволяет истинному богослову говорить о Боге в Себе Самом, никак не связанным с oіkonoμία. Лосский, таким образом, рассматривает апофасис как метод познания Бога, как Бога в Самом Себе. Поражает тот факт, что Лосский в данном случае отступает от понимания апофасиса восточными отцами церкви, которые признавали, что Бог не познаваем в Себе Самом, но познаваем на уровне энергий, то есть как раз-таки в сфере oіkonoμία». [1]**

Надо выбросить все эти басни про Христа, и познавать Бога напрямую, через опустошение мозгов! Правильно! Нужно прямо сообщить уже, наконец, людям, кто ваш отец. Об апофатике подробнее в одноименной главе четверного тома.

[1] Евгений Зайцев. «Учение Лосского о теозисе»

Возможность отпасть

Если постепенное обожение тела и души принадлежит нам, если мы трансформируемся, постепенно приобретая божественные атрибуты, то как будет выглядеть обратный процесс, если христианин отступится от веры? Как выглядит разбоживание? Обратная трансформация в человека? Это знаете на что похоже? На «Собачье сердце» Булгакова. Там бедный пёс прошел оба этапа: из собаки в человека, а потом из человека в собаку. Всех этих карикатур мы избегаем в случае мистического союза со Христом. Как только мы отреклись от Него, наше одеяние, Сам Христос, снимается с нас, и мы остаемся тем, какие мы есть — смертными, грешными, ветхими людьми. Кратко напомню о возможности отпадения в Новом Завете.

Римлянам 11.

Тот факт, что избрание является корпоративным и охватывает отдельных людей только в связи с избранным телом, отражен во многих отрывках Писания. Павел утверждает, что некоторые из иудеев, как ветви отломились за неверие. Верующие из язычников, привитые к корпоративному телу, предупреждены о том, что им может грозить такая же участь (ст. 19-22). Поэтому пусть они стараются пребывать в вере в смирении и страхе (ст. 20-22). Для отсеченных ветвей сохраняется надежда: они могут быть снова привиты, если не будут продолжать пребывать в неверии. Таким образом, избрание происходит в народе (теле — Церкви), а отдельные люди являются избранными только в идентификации и органическом единстве с телом через веру.

Письмо Колоссянам.

Павел адресует свое послание к Колоссянам *Павел адресует свое послание к Колоссянам «святым и верным братьям во*

Христе» (1:2), о которых он говорит как об *«избранных Божьих»* (3:12), которые были *«избавлены от власти тьмы и введены в Царство возлюбленного Сына Своего»* (1:13) и которые раньше были «отчуждены» от Бога, но теперь примирились в теле плоти Христа через Его смерть, чтобы в конечном итоге предстать святыми и непорочными *«пред Собой»* (1:21 и далее). Но он предупреждает их, что конечная цель будет реализована в них только в том случае, *«если только пребываете твёрды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования»* (1:23). Это предупреждение не относится к посторонним, а только к членам избранного тела (4:5).

Письмо Ефесянам.

Обращается Павел, очевидно, к живым членам Церкви: *«В Нём и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом»* (1:13), которых Бог *«мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены, — и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе, дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе»* (2:5-7). Но он предостерегает их от участия в нечестии окружающего мира, чтобы они не стали причастниками Божьего гнева на непослушных (5:1-7). В рамках более широкого предупреждения содержится конкретное предостережение против того, чтобы позволить себя обмануть суетными словами и хитроумными аргументами тех, кто пытается убедить их в том, что такое событие не может произойти (ст. 6).

Возможность отпадения пронизывает все Писание. Нам нет необходимости приводить все места Писания, чтобы показать, что живой член Церкви, возрожденный Духом, облеченный во Христа может отпасть от веры. Желаящие могут посмотреть Евр. 3:6, 12-14; 10:26, 2 Пет. 1:10, 5-8, 1 Ин. 2:18-24, Мф. 25:1-13. Это далеко не полный список.

Жизнь во Христе

Вот как описывает христианскую жизнь Игнатий Богоносец:

*«**Крещение** пусть остается с вами, как **щит**; **вера** — как **шлем**; **любовь** — как **копье**; **терпение** — как **полное вооружение**. Взыскайте своим пусть будут дела ваши, чтобы после получить вам следующую вам прибыль. Итак, будьте **долготерпеливы друг ко другу с кротостью**, как и Бог (долготерпелив) к вам».*

Феофан Затворник:

«Это не так бывает, чтобы личность исчезала; но так, что душа сознательно и свободно предает себя вседействию Христову. И Он вседействует в душе, по желанию, исканию и любовному восприятию Его вседействия; так что в деле выходит, будто душа сама действует. Ибо прилепляясь Господеву един дух есть с Господем. Верою вселяется Христос в сердца, и исполняется то, что Он обетовал: «вы во Мне и Аз в вас». Отсюда: что ни делает верующий, истинно ценное в очах Божиих, не без Него делает. Без Него таких дел никто и делать не может».

Где аскетика? Где опустошение ума? Где бормотание 10000 раз мантры-молитвы? Где спание на голой земле? Где засовывание головы между ног, по примеру Паламы (о чем ниже)? Где ваши средки и пятки? Где 255 постных дней? Где правило молитвенное? Где это все?

Златоуст:

«По Боге невозможно жить иначе, как умерши для греха».

Может тут аскетика? И поясняет сразу как происходит эта смерть для греха:

*«И вот, как Христос претерпел смерть телесную, так и я смерть по отношению к греху. Умертвите, — говорит, — земные члены ваши, каковы суть блуд, нечистота, прелюбодеяние» (Кол. 3:5), и еще: «...ветхий наш человек распят» (Рим. 6:6), **что совершилось в купели крещения**».*

Я не являюсь пастырем, поэтому не могу и не хочу говорить о практической стороне. Всем желающим я советую обратиться к нашему современному церковному пастырю — игумену Петру (Мещеринову). На мой взгляд, он один из немногих, кто знает практический путь обретения жизни во Христе.

Со своей стороны, все же, кратко охарактеризую в чем заключается практическое вхождение в жизнь со Христом. Это мой личный опыт. Я им делюсь как с братьями и сестрами во Христе, как тот, кто успел набить себе весьма болезненные шишки паламитскими исихастами. Не в качестве совета или, упаси Боже, наставления.

На первом этапе нужно изучать богословие домостроительства и довести до своего сердца, через ум и веру то, что Христос спас меня, в прошедшем времени. Быть уверенным в спасении. Заниматься размышлением об этом в любое свободное для мыслей время. Не Иисусову молитву крутить, а вспоминать прочитанное, заучивать стихи Писания, которые говорят о спасении в прошедшем времени.

Заниматься этим, пока не будет появляться радость. Сначала изредка, потом все чаще и чаще. По радости оценивать свое состояние, а не по тому сколько раз в храм ходил. Заставлять себя радоваться своими силами. Изучать Писание, а не читать его. Брать одну тему, связанную со спасением, и изучать все комментарии на этот стих. Самое лучшее произведение по теме *«спасения только по вере»* из святых отцов — это толкование на Римлян Златоуста и Феофана Затворника.

Если вы не поверите, что уже спасены, только верой по благодати, а не по делам, через Христа, то следующий этап

можете не читать.

Итак, результатом первого этапа должна стать радость. Радость от того, что вы спасены. Первый этап вполне безопасен для любого человека. Он дает исцеление от многих нервных заболеваний, оздоравливает тело и душу. И главное — дает пропуск в рай. Только человек, возложивший всю надежду на одну лишь жертву Христа ради него, может войти в Царство Небесное. Если хоть что-то прибавите к этой надежде — значит вы *«глупцы галаты»*.

На втором этапе нужно перечитывать все места Писания, которые говорят о том, что благодать Божия действует в нас и она одна безошибочно ведет нас к освящению, ибо мы уже спасены. Причем благодать — это дар, а не плата. Благодать всегда предваряет нас, всегда идет впереди нас, нас привлекает, научает, дает силы, правые мысли и желания.

Лучшие произведения на этом этапе — труды св. Проспера Аквитанского, св. Августина («О даре пребывания», «Письмо к Сиксту», «Предопределение святых»). Однако, тут нужно разделять жесткое предопределение Августина, осужденное соборами (475 г. и 529 г.), и учение о всегда предваряющей благодати. На этом этапе нужно опытом почувствовать, что вы как психически больной человек сами себе причиняете вред, страдания. Что лучше и спасительнее смиренная рубашка, чем калечить самих себя. Смиренная рубашка — это внешние скорби и огорчения, посылаемые Богом для нашего исправления. Также, совершенная невозможность своими силами стать лучше, измениться к добру. То есть, необходимо *«совершенно уповать на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа»*.

Итогом этого этапа должен стать мир перед внешними обстоятельствами. Нежелание жить своими мыслями и чувствами, которые только и могут, что калечить нас. Абсолютное недоверие своим силам к добру. Постоянное ожидание, жажда благодати, помощи.

Критерием может быть отношение ко грехам. Если раньше вы надеялись, что вот сейчас я соберусь, помолюсь и заживу без греха, а потому сильно расстраивались, видя свои падения, то теперь, вы уверены, что от греха никак не избавитесь своими силами. Продолжая ненавидеть грех, вы относитесь к нему более спокойно. По двум причинам:

1. Первая, потому что вы спасены, если верите в жертву и в покаянии исповедуете грехи.
2. Вторая, потому что это и есть вы — человек, который не может избавиться от греха своими силами.

Как если бы вам сказали подтянуться 50 раз. Можете? Нет. Сильно сокрушаетесь? Не очень. Как раз сильное сокрушение, показывает, что вы так и не увидели себя погибшим. И второе: вы верите, что этим психическим упражнением (сокрушение, слезы) избавитесь от греха. Плавали, знаем. Ничего из этого не поможет.

Третий этап — изучение всех мест Писания со словосочетанием «*во Христе*», «*в Нем*». Необходимо донести до сердечной веры через ум, что мы «*оделись во Христа*. Что все совершенство уже даровано. Христос в нас, и мы нем. Нужно только начать жить Им. Тут самые лучшие книги, к сожалению, протестантских авторов. Не нужно этим смущаться.

Вероучительные этапы можно и нужно осваивать у православных отцов, правда, до IV-V века. Из современных самый лучший — Феофан Затворник. А чисто практические вещи, не касающиеся вероучения, можно брать у других христиан.

Немного расскажу про этот этап. Тут теория совсем простая: «*нужно верою поставить себя в присутствие Божие*». Могут быть разные практические приемы. Если вы не знаете за собой никаких нервных, психических отклонений, если у вас нет бурной фантазии, то можно очень мягко, тихо, смиренно молчать в сердечной вере, что Господь Иисус сейчас со мной. С

осознанием того, что вам жизненно необходимо Его наставление, Его помощь, что уже сил нет никаких жить своими рассуждениями, идеями, желаниями, которые ведут в никуда. В осознании, что вы хотите, чтобы вас *«учило помазание»*, чтобы вы *«руководились Духом Божиим»*.

Это молчание можно пробовать перед сном, в кровати, с закрытыми или открытыми глазами. Сколько времени вы засыпаете, 5-10 минут. Потом можно немного расширить время. Молчание совершенно не значит, что мы опустошаем ум, или что-то еще в паламитском значении. Это означает слова Павла: *«Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными»*.

Это просто нужно осознать: о чем ты собрался молиться? О целомудрии? О Вере? О любви? О смирении? О долготерпении? Об избавлении от той или другой страсти? Что за чем следует? Что сейчас мешает Ему в тебе больше всего? Что сейчас самое важное? Ты все это знаешь? Ты знаешь свое душевное устройство? Ну тогда молись, конечно, сам.

Я, например, понятия не имею, о чем мне сейчас, сегодня в 22:53 молиться. Кроме начального благодарения, прославления и покаяния, которые занимают 2-3 минуты. А дальше? Так вот это и есть молчание. И оно не должно становится все глубже, все молчаливее. Нет. Мы смиренно, по слову апостола, а не потому, что мы наглые и мним о себе, ждем искры Божественного Духа, которая, придя, дает нам молитву. Или не дает. Или чувство, без слов. Или, что чаще всего, сами собой всплывают стихи Писания. Вот так Он молится в нас Отцу. Или не молится. Это тоже нужно принять как Его действие. Если нет Его действия сейчас, не нужно насиловать себя и Его углублением молчания.

Можно переходить на воспоминание стихов Писания, которые несут радость и предание себя Ему всецело: *«Придите ко Мне... и я успокою вас»*, *«Не заботьтесь ни о чем... и мир*

Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе», «И уже не я живу, но живет во мне Христос... возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». То, что приносит мир, покой и радость.

Результатом должно быть очень тихое, спокойное, ровное, радостное чувство присутствия Божия. Нужно учить наизусть Писание, те стихи, которые особенно отзываются миром, благодарностью, любовью, преданностью Спасителю Нашему. И вращать их в уме, если Дух сегодня не *«ходатайствует за нас»*.

На четвертом этапе *«вкусив яко благ Господь»* умом и сердцем, через богословие и веру сердца мы захотим все полнее пребывать с Ним. Отвергать все, что нарушает это пребывание, и принимать и делать все то, что это пребывание усиливает. Это и есть *«руководство Духом»*.

У нас же принято идти строго с обратной стороны. Сначала *«дай кровь, затем прими Дух»*. Давай сразу пост, давай сразу правило, давай сразу отказ от телевизора, жены, мужа и прочего. И потом должен Дух сойти.

Ну поймите, что в лучшем случае это не работает. А худшем — покалечите себя. Духом нельзя манипулировать. Его нельзя покупать, стяжать, выбивать. Можно только себя в Его присутствие смиренно поставить и сказать: *«говори, Господи, ибо слышит раб Твой»*. Конечно, упаси Боже нас от ожидания всяких голосов. Поэтому, самый безопасный и спасительный путь — первые два этапа.

Но, с другой стороны, Писание нам прямо заповедует *«водиться Духом»*: *«Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии»*. Это очень серьезный критерий. Мы — сыны, если только Им водимы. Не духом старчика Власия из очередного Валаама, а Духом Божиим. И грех «очень грешен», не потому что нарушает какое-то правило и постановление, а потому что разрывает союз со Христом.

У нас только и слышишь: «А это можно? А это не можно?» Если человек живет во Христе, никаких правил для него нет. Христос ему правило, он чувствует, что присутствие Божие умалилось или даже исчезло. И если моя 40-дневная диета нарушает такой союз, если Дух Божий не благословляет, то да пропадет такой пост!

Приведу мысли отца Петра (Мещеринова) по этому вопросу:

«Критерии правильного устройства, на мой взгляд, находятся в другой плоскости, чем какие бы то ни было «ощущения». Первый — неосуждение (и шире — проявление и действие в жизни, на практике, заповедей Божиих вообще). Неосуждение такого рода — это прежде всего жалостливое расположение к каждому человеку. (Это не мешает давать нравственную оценку, даже и отрицательную, тем или иным поступкам людей.) Второй — это мир Божий. И третий критерий — это некое «чувство веры», не эмоция, а именно такое... как бы сказать... двустороннее чувство, что я не один, а с Богом. И это именно и есть «действующая вера». Всё это очень ровно, тихо, именно что без психосоматики, без «мистики» в дурном смысле слова, примеры которой Вы привели, не говоря уж о «видениях», и т.п. Как тихий осенний вечер, некая внутренняя «чистая прозрачность» (как раз тот самый «свет», но не аскетически-исихастский, а «повседневный»: «мы ходим во свете», как говорит Апостол, 1 Ин. 7:7), при постоянном действии этой двусторонней веры.

Любовь к Богу (составная часть «веры, действующей любовью») включает в себя мистический элемент. Суть, как и везде, в том, чтобы разобрать всю «смесь» (ключевое слово!) и не загубить подлинное внутреннее общение души и Христа (что и составляет настоящую христианскую мистику). Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим (1 Кор. 2:9–10). Всё-таки есть что-то, что Бог открывает Духом, и христианин слышит

неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12:4).

И теперь нужно вернуться к этой «смеси». Меньше всего её у Терстегена, пожалуй. У других писателей (тот же Берньер-Лувиньи) приходится всё время разбирать и отделять эту смесь. Здесь можно вычлениить две вещи.

1) Как я уже сказал, главное — это не «сладоcти» и «дух банный», а двусторонняя вера, свидетельствующаяcя тихостью, ровностью, миром, избеганием всего экстраординарного, и обязательно доказывающаяся пребыванием в заповедях Божиих — то есть пребыванием в «уме Христовом». А мы имеем ум Христов (1 Кор. 2:16) (а не «дух банный»).

2) Самое главное: руководство Божие. Все подлинныe мистические писатели (особенно Терстеген) настаивают на фатальной опасности спутать подлинное руководство Божие в умерщвлении ветхого человека и в деле молитвы / с действием падшей природы человека, то есть с общерелигиозной аскетикой и мистикой. Всякое аскетическое действие, всякое мистическое проявление внутреннего делания должно быть органичным следствием веры и личного руководства Божия, а не предприниматься по идеологии и тому подобным основаниям. Именно этим и отличается христианство от всякой общерелигиозности — что христианин «двусторонне» руководим Богом в каждый момент своей жизни, руководим индивидуально, творчески и неодинаково, и главная аскетическо-мистическая задача христианина — насколько возможно утишиться, так сказать, «превратиться в слух», верой воспринять это руководство Божие и следовать ему, по плодам узнавая, не ошибся ли он (на первых порах это происходит именно так, христианин так учится, сначала всё видит задним числом, по плодам своих действий, набирая опыт; потом, со временем, появляется тот навык, вкус, о котором написано в Посл. к Евреям; некий

«пред-опыт», я бы сказал). Проявления мистико-аскетической жизни могут казаться (и отчасти и бывают) одинаковыми с общерелигиозными: человек воздерживается, сосредотачивается, молится, иногда, в качестве побочных опций, бывают и «сладоности», но только мотивация другая (руководство Божие, воспринимаемое верой и поверяемое заповедями Божиими, в том числе апостольским учением о мире, радости и свободе), и плоды другие (тихость, ровность, и те самые умножающиеся и становящиеся уже фундаментальными двусторонняя вера, мир, радость и свобода — одним словом, живое богообщение).

И в этом вся загвоздка. Нет у нас такой педагогики. Нужно с самого начала учить, что есть вот это всё естественно-падшее-общерелигиозное, о котором Вы пишете (в вашей заметке про «самодвижность»), а есть руководство Божие, от которого душа «мирнеет», а падший разум действительно сначала корректируется, а потом и умерщвляется крестом Христовым — и что последнее совсем иное (не только не равно, но именно принципиально отличается), чем то, когда заставляют мозг работать «на износ», а тело и душу «умучивают» аскетикой. Падший разум не сводим к мозгу, как и трансформация ветхого человека в нового — к физиологически-психическому составу человека, это разное. А этому у нас не только не учат, но и понятия об этом не имеют. Следствия два:

1. Изуверская аскетика и то, что Вы так выразительно описали в «самодвижимости».
2. И поскольку дом остаётся пуст, на его место приходит ритуалистика и, условно говоря, «освящение войны» и т.п. (Вот Вам, кстати, и всё описание нынешнего православия в этих двух пунктах.)

Итак. Главное свидетельство подлинного дара благодати — усвоение нами (верую, действующею любовью) мировосприятия Господа нашего Иисуса Христа. Ибо в вас

должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе (Фил. 2:5). Не чудес Господа — хождения по воде и проч.; не сорокадневного поста (вся наша аскетическая демагогия из этого «Лже-усвоения» вырастает); не Фаворского преображения (тут исихастская «светоносность» нас так и поджидает) — а вот именно мировосприятия и образа жизни, как говорил преп. Макарий Великий: «Да имеет же человек всегда пред очами, как незабвенный образец во всегдашней памяти, Господне смирение и жизнь, и обращение с людьми» (Слово 1, гл. 13). — Это главное делание христианина получило в Западной Церкви название *Nachfolge Christi* — подражание, последование, уподобление Христу. Наиболее известен здесь, разумеется, автор одноимённой книги — Фома Кемпийский, но и все западные, подлинно мистические авторы, писали об этом — Иоганн Арндт (мне он особенно нравится, без «католических перехлёстов»), Берньер-Лувины (этот как раз с перехлёстами, о чём ниже), и т.д. У нас этого нет совсем, мало того — *Nachfolge Christi* у нас, не побоюсь сказать, ошельмовано святителем Игнатием; а у большинства православных отцов об этом и слова нет. В такой парадигме подражать мы должны отнюдь не Христу — это, сами понимаете, гордость и прелесть (а то ещё и войну перестанем восхвалять, куда ж это годится, это не православно). Подражать нам нужно «святым» — условному Иосифу Исихасту (в аскетике) или, скажем, «св.» Ослябе и Пересвету (в «христоролюбивом воинстве»)...

Теперь — важное добавление про «смесь». Вот Берньер-Лувины. Дух Божий выводит его на верный путь. Но он именно «продирается» к нему, через всякие аскетико-мистические перекосы. Откуда это? От своей церковной субкультуры. Когда я прочитал, как, кем, в какой среде он воспитывался, мне всё стало ясно. Есть «смесь» христианского и общерелигиозного. Но есть «смесь второго порядка» — подлинно христианского и субкультурного, будь то католического, православного или (нео)протестантского (вон современные пятидесятники — типичная субкультура,

не хуже нашей). Это смесь не менее «вредная», чем первая смесь, и с ней порой труднее разбираться, чем с общерелигиозной... Но об этом отдельный разговор.

И ещё одно принципиальное замечание. Западные (особенно квиетистские) духовные писатели, в параллель с вышеназванным различием руководства Божия и самодеятельности, настаивают на тщательном наблюдении, чтобы избежать не менее фатальной ошибки в мотивации: к чему человек стремится, что он хочет — даров от Бога или Самого Бога. Для нас, православных, «желать только Самого Бога» и «равнодушно» относиться к дарам от Него — совершенно непонятно и неприемлемо. Прежде всего непонятно, что значит «желать самого Бога» (на самом деле это значит как раз непрестанное повседневное богообщение как таковое, см.: Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле, Пс. 72:25); поэтому православие «заточено» только на дары: бесстрастие от Бога (=нирвана), получить спасение с помощью Божией, стяжать благодать, мир, радость, сладость, молитву и т.п. от Бога. Всё «от Бога», «с помощью Божией» — но всё для себя, а Бог как инструмент. И тут как раз и есть главная дверь к общерелигиозности — какая разница, какой Бог, если Он только средство для стяжания чего-то там такого для нас? Поэтому так мало православие говорит о любви к Богу, потому что плохо знает, что это такое на практике (обычно любовь к Богу у нас = храмовому благочестию); соответственно, Бога у нас практически и нет, а Его место заполняется всякими идолами, о чём сказано выше. Конечно, и у квиетистов тоже могут быть перехлёсты; учение Фенелона о «незаинтересованной любви» (где он вообще уничтожает мотивацию личной заинтересованности в спасении) было даже осуждено (небезосновательно) Католической Церковью; но сама вещь ими подмечена очень важная».

Заключение

Вот и подошло к концу это обширное исследование. Те немногие, кто прочитал все, уверен, открыли для себя много нового, как и я. Многие поразило вас, многое шокировало. Вполне вероятно, также, что-то показалось более аргументированным, а что-то менее. Кому-то не хватило личного в книге, а кому-то личного было слишком много, и они увидели в этом выпячивание автора. Я принимаю всю критику и охотно с ней соглашаюсь.

Я хочу только одного — защитить благодать и жертву Бога моего от самоспасателей и их богомерзких доктрин, превращающих христианство в еще один религиозный культ самоспасения. Как вы увидели, история самоспасения началась уже в ранней церкви и все набирала обороты, когда в XIV веке достигла своего апогея, практически уже стерев грань между йогой и христианством.

Свидетелями и участниками этого тяжелого наследия являемся все мы. И продраться через все эти дебри антихристианства, а любое искажения благовестия есть антихристианство, задача порой неразрешимая в нашей церкви. Уйти ли из нее? Если вы точно знаете куда и зачем, то это, вероятно, было бы лучшим решением.

Я не знаю куда идти. В России слишком слабые протестантские общины. Они не имеют сильных пастырей, глубокой научной школы мысли в рамках апостольского Предания. В православной церкви России гораздо больше сильных ученых, пастырей, хотя они также тяготеют всем тем, что я описал в этом исследовании. Один мой знакомый священник сказал: *«Церковь тяжело больна, но другой нет»*. Это близко к истине. Другие, конечно, есть. Но лучше ли они?

В православии самая большая свобода. Можешь не целовать иконы, можешь не поститься, можешь не считать Паламу святым, можешь не кланяться носкам и не надевать котелки на голову, можешь причащаться редко или не причащаться, не ходить в храм, если в храм невозможно ходить из-за «Дионисиевского» благочестия, или причащаться семейно, или общинно, дома с единомысленным священником, можешь исповедоваться перед причастием, а можешь нет, можешь не молиться святым и Богородице и оставаться православным.

Если ты принимаешь апостольское Предание, как его преподали отцы первых 3-4 веков, если веришь в одну Церковь — тело Христово, если веришь, что она святая, потому что все члены ее святы, если веришь, что она содержит всю истину для всех и принимаешь только то, чему учили все, всегда и везде — то ты католик. От слова catholicismus от греч. καθολικός «всеобщий», «вселенский».

Если отвергаешь все ереси, отвергнутые Церковными соборами, при этом согласующиеся с апостольским Преданием и принципом веры всех, везде и всегда, то ты православный. Например, догмат об иконопочитании является явным нарушением обоих принципов: он не апостольский и никогда не принимался до V века, а после V века далеко не всеми, не везде и не всегда.

Что же делать в данном случае? То, что заповедует нам Иоанн и Павел:

«Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте».

«Твёрдая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла».

Взрослеть. И не давать свое вечное спасение на откуп преданием старцев и бабьим басням. Учиться, читать, молиться — взрослеть. Хватит костылей, которые дает церковь, у нее кроме костылей ничего больше и нет. И тогда, когда мы повзрослеем, то для нас единственным путеводителем будут слова апостола:

«А все, что делается не по вере, есть грех. А кто испытывает сомнение и, однако, ест, тот уже осужден, ибо поступает не по вере; а всё, что не по вере делается, — грех. Тот же, кто колеблется, будет осуждён Богом, если съест что-либо из того, что считает неправильным употреблять в пищу».

Но самое главное иметь общину. Группу христиан, которым ты нужен. Баптистов или православных, католиков или лютеран. Это самое главное. Нужно быть частью народа Божиего. Нужно всегда искать служения братьям. Пусть они и не во всем с тобой согласны. Но они твои братья. Христос за них пролил Свою бесценную кровь. Только вера, действующая любовью, спасает.

Помоги нам всем Бог Отец во Имя Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа! Аминь!

Прошу всех ваших святых молитв.